

Сборник фанфиков
«Гарри Поттер»

Независимое Издательство

Аннотация

Данный сборник содержит произведения по мотивам фэндома “Гарри Поттер”. Для участия мы пригласили авторов, чьи произведения наполнены собственным представлением оригинального мира и персонажей. Читатели смогут погрузиться в художественные глубины выбранного автором канона, ведь именно ФАНФИК даёт им возможность вновь встретиться со старыми литературными друзьями на страницах новых книг!

ISBN: 978-1-71679-143-7

УДК: 1751

Итоги конкурса

1 место: Марина Новохатько «Miss Doe»

Дополнительная информация от первого лица:

Меня зовут Марина. Мне 30 лет. Живу в Украине, в городе Кривой Рог. По образованию я экономист, но работаю копирайтером. Не замужем, детей нет

«Гарри Поттера» полюбила не сразу. Сначала посмотрела фильмы. После «Даров Смерти» стала снейпоманкой. Когда читала книги, главным героем Поттерианы для меня был уже не Мальчик-Который-Выжил. Очень не хотелось верить в смерть профессора Снейпа. Поэтому стала писать фанфики о нём.

«Прощание» - единственная моя работа, в которой Северус погибает. Сама не знаю, как написала её. Было очень больно писать. Во всех остальных фанфиках Северус у меня жив, здоров и по возможности, счастлив. Ради этого, собственно, и пишу. Тем не менее, считаю «Прощание» своей лучшей работой, поэтому и предложила её в сборник.

2 место: Софья Желонкина

Дополнительная информация от первого лица:

Меня зовут Желонкина Софья. Мне 21 год. На данный момент проживаю в городе Домодедово Московской области. Писать начала еще в начальных классах, но утвердилась в этом годам к 12, подтолкнула к этому подруга.

Я обожаю читать и творить, общаться с теми людьми, которые помогают мне развиваться. На данный момент я пишу свою собственную книгу и готовлю иллюстрации к ней. Писать для меня – проживать те жизни, которые тебе недоступны, дышать полной грудью и делать то, чего не можешь в реальности.

Я рада, что мне удалось поучаствовать в этом сборнике. Надеюсь, мир фантазий захватит и вас!

3 место: Александра Литовченко

Дополнительная информация от первого лица:

Я начала придумывать свои первые выдуманные истории и рассказы еще в детстве. Я писала их ручкой, на обычных листах бумаги, и делала это только для себя. В то время еще никто не знал и даже не догадывался, что я как-то связана с творчеством. С тех пор прошло немало времени, и я стала пробовать себя на различных творческих площадках, авторских конкурсах, в которых удавалось занимать призовые места, и интернетах-порталах, где начинающие авторы делились своим творчеством. И передо мной, как это обычно бывает, встал один из самых философских вопросов: зачем я вообще этим занимаюсь? Это нужно мне, потому что я знаю, что каждому человеку свойственно хотя бы на время погружаться внутрь себя, в свой собственный мир, который может отличаться или вообще не иметь ничего общего с миром реальным, ведь это такая психологическая особенность: стремиться, пусть даже и мысленно, туда, где тебе будет лучше.

Содержание

Miss Doe	6
Софья Желонкина	15
Александра Литовченко	27
Stasya Vasileva	54
Argentum Lacrimam	59
Amber_Kat	69
Диана Гусева	94
Bev0lsen	112
Екатерина Хмельницкая. «Кети тян»	117
Джейн Винг	146
Ирина Грозная	160
Серебристый Дракон	172
Просто Гари	192
Эльза Зорина Смотритель	196
Контактная информация авторов	206

MISS DOE

Прощание

Аргус Филч стоял на опушке Запретного леса, низко опустив непокрытую голову и время от времени смахивая рукой редкие слёзы, катившиеся по его обвисшим морщинистым щекам. Ветер трепал его длинные, седые неопрятные волосы. Старый потрёпанный сюртук был местами разорван и весь в пыли. На земле у его ног стояли носилки с лежащим на них мёртвым телом. Это тело принесли из Визжащей хижины отправленные туда специально эльфы-домовики уже после того, как были похоронены погибшие защитники Хогвартса. Его не вносили в замок, оставив лежать у порога в ожидании захоронения. Филч сам вызвался закопать это тело, столь ненавистное всем тем, кто оставался в замке. Всем, кроме него. Новый Директор с удовольствием ухватила за его предложение, которое избавляло всех от неприятных хлопот. И вот теперь Филч стоял на опушке Запретного леса, мучительно, до боли вглядываясь в это изжёлта - серое лицо с запавшими щеками, с заострившимся огромным носом и прилипшими ко лбу прядями чёрных, сальных, как и при жизни, волос. Даже слёзы не помешают ему на всю оставшуюся жизнь запомнить и это лицо, и рваную рану на шее, и пропитанную кровью одежду. Длинные тонкие пальцы скрючились и окоченели, как будто сжались от невыносимой боли. Бедный мальчик... Сердце Филча мучительно заныло. Слёзы сильнее заструились по щекам.

Аргус Филч вспомнил свой первый год в Хогвартсе на должности завхоза. Взяли его туда из милости, по ходатайству Дамблдора, который, проникся состраданием к жалкому сквибу. Сквиб хуже маггла. Магглы не знают ничего о магии, поэтому не чувствуют своей ущербности. А вот сквиб... Сквиб — это калека, инвалид, существо жалкое и убогое. Родиться в семье волшебников и при этом быть начисто лишённым магических способностей — что может быть хуже этого? С детства знать о своей ущербности и до боли, до скрежета зубовного завидовать... Завидовать тем,

кто не обделён, полноценным магам, особенно тем, кому довелось родиться в маггловской семье.

Аргуса Филча до невозможности злили и выводили из себя все эти юные избранники судьбы, которым повезло родиться не обделёнными магией. Ах, с каким бы удовольствием он наказывал этих везунчиков по старинке за их шалости! Пороть и подвешивать за большие пальцы — разве это такая уж большая плата за владение магией? Тем более, по отношению к этим слишком живым и развесёлым гриффиндорским засранцам, которые так и норовят придумать какую-нибудь злобную пакость, чтобы добавить работы и без того вечно занятому завхозу.

Вон, из-за поворота, ведущего в соседний коридор, вновь выскочила эта борзая четвёрка третьекурсников-гриффиндорцев. Просто житья от них нет! Вот кого бы он с удовольствием выпорол! Вечно гадят в коридорах, пачкая их следами своих магических забав. Небось, и теперь устроили там что-то непотребное. Проводив эту гриффиндорскую банду злобным взглядом, Филч свернул за угол, чтобы проверить свои предположения.

Сидящего на полу мальчишку он заметил сразу. Мальчишка скрючился у стены и тяжело дышал. Его длинные, неопрятные чёрные волосы свисали сосульками, закрывая лицо. Филч подошёл к нему и строго рявкнул:

— Ты чего здесь расселся? Ну-ка, живо подымайся!

Мальчишка вздрогнул и поднял на Филча бледное лицо со следами слёз. Под глазом у мальчишки наливался огромный свежий синяк, разбитая губа опухла, а из носа вытекала струйка крови. Он сжимался в комок, обхватив руками живот. Видимо, нападавшие били его «под дых». Мальчишку колотила мелкая дрожь. Он, ни слова не говоря, попытался встать на ноги, опираясь о стенку, но пошатнулся и едва не упал. Филч подхватил его и удержал на ногах, удивляясь тому, как больно сжалось при этом его не знавшее жалости к людям сердце. Впрочем, это чувство тут же сменилось на более привычные для него ненависть и злобу. Каковы мерзавцы! Четверо на одного! Храбрые гриффиндорцы... А мальчонка-то со Слизерина. Это многое объясняет.

— Сможешь идти, сынок? — Филч сам подивился вырвавшемуся у него ласковому слову. Ещё никогда и никого он не называл «сынком».

— Смогу, — сдавленно ответил тот, делая неуверенный шаг вперёд.

— Ну-ка, держись, — Филч положил руку мальчишки к себе на поясницу, подхватил его за талию и медленно направился с ним в больничное крыло.

— Что с тобой случилось? — поинтересовалась у мальчишки мадам Помфри, обрабатывая его раны.

— С лестницы упал, — угрюмо заявил тот.

Аргус Филч, сам не зная, зачем и почему, оставшийся в больничном крыле, нахмурился. Он понимал мальчика, не желавшего прослыть ябедой и доносчиком. Но, с другой стороны, его обидчики, почуяв безнаказанность, продолжают измываться над ним и дальше. Глядя на то, как мальчишка мужественно терпит всё, что делает с ним Поппи, завхоз терялся в догадках — почему он сам до сих пор здесь и какое ему дело до этого мальчишки и всех этих детских разборок? Что заставляет его оставаться рядом с ним и беспокоиться за его дальнейшую судьбу?

Он присматривался к парню. Тот был худ и некрасив. Длинные сальные волосы свешивались, закрывая бледное лицо с длинным крючковатым носом. Чёрные глаза смотрели зло и затравленно, но решительно. Длинные руки и ноги придавали его облику что-то паучье. Да, таких детишек сверстники не особо жалуют. Филч знал это по себе. Он и сам никогда не отличался привлекательной внешностью. Уже за одно это мог бы натерпеться от окружавших его детей. Ну, а неспособность к магии делала его и вовсе изгоем в глазах юных волшебников. Может, поэтому он и не смог просто так уйти, проникшись к этому мальчишке каким-то особым пониманием, роднившим его с этим пацаном.

Обработав раны, мадам Помфри разрешила парню отправляться к себе в спальню.

— Идём, провожу тебя, — вызвался Филч. — А то отбой уже. Встретят одного в коридоре — накажут.

— Как тебя зовут? — поинтересовался Филч, выйдя с мальчишкой из больничного крыла.

— Северус Снейп, — бросил тот, как показалось Филчу, довольно презрительным тоном.

— Часто они тебя бьют?

— Меня никто не бил, — твёрдо заявил мальчишка, злобно сверкнув глазами.

— Да ладно, — отмахнулся завхоз, — мне можешь не врать. Я-то их видел.

— А вам какое дело? — его глаза оставались злыми, а голос — угрюмым.

— Да никакого.

Не объяснять же ему, что он сам часто бывал в его шкуре и ненавидит всех этих довольных жизнью, благополучных, зарвавшихся мерзавцев, думающих, что имеют право издеваться над менее довольными и благополучными особями.

— А почему тогда помогли мне? — мальчишка недоверчиво сверкнул на него глазами.

— Потому что сам частенько бывал на твоём месте.

Филча до невозможности поразила собственная откровенность. Что это с ним? Почему он вдруг решил исповедаться перед этой малявкой? Драккл его поberi!

— Так что? Часто бьют? — повторил он свой вопрос.

Северус молчал, опустив голову и набычившись. Какого драккла этот сквиб лезет к нему в душу? Он не нуждается ни в чьей помощи, тем более, в помощи неполноценного существа, обделённого магией.

— Ну ладно, не хочешь — не говори. Уже пришли.

Аргус Филч дождался, пока мальчишка скроется за дверь, ведущей в слизеринские подземелья и отправился к себе.

С тех пор гриффиндорская четвёрка находилась под его неусыпным контролем. Многие их шалости были замечены Филчем, за многие они понесли заслуженные наказания. Но завхоз понимал, что далеко не все их выходки становятся ему известны. Время от времени мальчишка по имени Северус Снейп попадал в заботливые руки мадам Помфри, которая молча лечила его, не задавая вопросов и не считая нужным вмешиваться в его взаимоотношения с окружающим миром.

Устав стоять, Филч, кряхтя и охая, присел на землю рядом с носилками. Его рука потянулась к спутанным волосам Снейпа и погладила их, как ему хотелось сделать это тогда, когда Северус был ребёнком. Филч вспоминал, как его тянуло утешить мальчишку и сказать ему, что все его детские обиды со временем забудутся, что многие прошли через это и, став взрослыми, стали только сильнее и выносливее. Что он обязательно отомстит своим врагам,

потому что он сильный волшебник. И что он, Филч, верит в него, хоть мальчишке и наплевать на то, что думает о нём жалкий сквиб.

Помнится, Снейп перешёл тогда на шестой курс. В самом начале учебного года до Филча стали доходить разговоры о том, что произошло в конце пятого курса. Студенты с удовольствием смаковали подробности «шутки» с подвешиванием Снейпа. Филч прислушивался к разговорам, в ходе которых он сумел составить для себя картину происшедшего. Джеймс Поттер на глазах у всех, в том числе и девчонки, которая нравилась Северусу, подвесил его вниз головой, да ещё и снял с него подштанники на радость всем присутствующим. Филч не знал, отчего он был так взбешён. Как будто это не Снейп, а он сам оказался посмешищем для всей школы. Ну, и куда смотрит Директор? Почему он глядит сквозь пальцы на выходки своих любимчиков? Почему не наказывает их за издевательство над теми, кто любимчиками не является? Не хочет? Что ж... Тогда придётся заняться этим самому.

Попавшись на очередной шалости, Поттер попал на отработку к завхозу. Филч привёл его в свой кабинет, в углу которого возвышалась гора принесённых из кухни котлов и сковород, требующих чистки. Завхоз вручил Джеймсу в руки скребок и тряпку и потребовал оставить на столе свою волшебную палочку, чтобы уж точно быть уверенным, что отработка будет проходить без применения магии. Поттер, криво ухмыляясь, тем не менее, оставил палочку на столе и принялся за чистку котла. Стоя у него за спиной, Филч сильно ударил его ребром ладони по шее. Мальчишка вырубился мгновенно. Придя в себя, он обнаружил, что лежит на столе вниз лицом, связанный по рукам и ногам.

— Очнулся, паршивец? — почти ласково потрепал его по щеке завхоз. — Ну что, щенок, пожалуй, придётся тебе ответить за свои делишки. А то ты, кажется, оборзел от своей безнаказанности.

— Вы что себе позволяете? — вскинулся Поттер. — Я пожалуюсь Директору!

— Не думаю, что ты захочешь рассказать кому бы то ни было о том, что произойдёт сейчас, — осклабился Филч. — Ну, меньше слов, больше дела.

Грязная тряпка, которой Джеймс оттирал котёл, оказалась у него во рту. Его чуть не стошнило от её мерзкого

вкуса и запаха, пока Филч запикивал кляп поглубже в его глотку. Вот он стянул с Джеймса штаны... Что он собирается делать? Поттер похолодел. Он не мог видеть, что делается позади него. А Филч взял в руку тугой упругий кожаный хлыст и взмахнул им, примериваясь и рассекая со свистом воздух. Хлыст лежал в руке, как влитой. Филч размахнулся сильнее и впечатал первый удар в бледную задницу этого звёздного мальчика, этого зарвавшегося хозяина жизни, этого элитного негодяя, возмнившего себе, будто ему всё позволено. Поттер взвыл. Кляп не давал ему возможности громко кричать. Филч наносил ему удар за ударом, получая какое-то особое удовольствие от того, как кожа на его спине и заднице лопается, наливаясь краснотой или вздувается сине-багровым рубцом, не дающим крови выхода. Поттер извивался у него на столе, а Филч продолжал хлестать его до тех пор, пока рука не устала и пока от шрамов на теле этого щенка не осталось живого места. Закончив экзекуцию, Филч натянул штаны на окровавленную задницу Поттера и вытащил у него изо рта кляп. Гадёныш облевал ему стол, но это не беда.

— Слушай сюда, Поттер, — прохрипел Филч. — Если ты кому-нибудь расскажешь об этом — пеняй на себя. Будешь сам виноват. Над тобой будет ржать не только вся школа, но и все взрослые волшебники. Ты войдёшь в историю, как первый маг, избитый сквибом. Так что лучше тебе помолчать... сынок.

Слово «сынок» было сказано таким тоном, что Поттера чуть снова не вывернуло. Филч издевательски потрепал его по щеке и развязал верёвки.

— Ну, вставай, чего разлётся? Пшёл вон отсюда. Палочку получишь завтра у декана. Свободен.

Снейп так никогда и не узнал о том, что произошло с Поттером на отработке у Филча. Зато самому Аргусу это помогло хоть немного успокоиться и смириться с тем, что пришлось пережить Северусу в конце пятого курса.

От сидения на земле ноги у Филча затекли. Но он всё продолжал вглядываться в лицо того, кто неподвижно лежал перед ним на носилках. Он вспомнил тот год, когда Директор прятал в замке Философский камень. Квирелл примчался в Большой зал с криками: «Троль в подземелье». Филч знал, зачем Снейп отправился на третий этаж, пока детей разводили по спальням. Он вспоминал, как бинтовал

разорванную ногу Северуса после того, как тот встретился с трёхголовой тварью с ласковым именем Пушок. Досталось тогда мальчишке. Впрочем, это для него, Филча, Снейп продолжал оставаться мальчишкой. Для всех прочих он был «господин декан», и Филч гордился этим. Ведь такой молодой, ни богатства, ни происхождения, а вон, гляди ты, чего достиг собственным умом. Вот только в любви ему не везёт. Да уж, видно, таким, как он, не судьба...

Филч вспомнил, как на следующий год он чуть было не лишился своей любимицы — миссис Норрис. И ведь тогда не кто иной, как Снейп пришёл к нему в комнату с бутылкой огневиски, чтобы утешить его и пообещать, что с его любимой кошкой всё будет в порядке.

А тот случай, после гибели в лабиринте Седрика Диггори... Волан-де-Морт возродился и Северус вынужден был срочно явиться на его зов. Вернулся он оттуда поздно ночью. Филч как раз обходил, по своему обыкновению, замок. Миссис Норрис наострила уши и, постоянно оглядываясь на него, помчалась к входной двери. На полу у входа Филч ещё издали заметил какой-то чёрный куль, который при ближайшем рассмотрении оказался Северусом... Но, Мерлин, в каком он был состоянии! Его мантия намокла и отяжелела от крови, а в лице не осталось ни кровинки. Отправив миссис Норрис за подмогой, потрясённый Филч опустился перед ним на колени, приподнял его голову и стал тихонько гладить по мокрым от пота и крови, спутанным волосам, приговаривая что-то ласково-утешительное, то, что когда-то давным-давно в детстве говорила ему мать, когда он болел или разбивал коленку и чего он никогда никому не говорил во взрослой жизни.

На зов миссис Норрис сбежались Дамблдор, Мак-Гонаггалл и Флитвик. Они отправили Снейпа в больничное крыло. А он, Аргус Филч, так и не смог уснуть в ту ночь.

Филч тяжело поднялся с земли. Взяв в руки принесённую из замка лопату, он с силой вонзил её в сухую землю. Запахло свежескошенной травой. Филч вгрызался в эту твёрдую, неподатливую землю с силой, совершенно не свойственной людям его возраста. Он и сам не подозревал о наличии у себя подобной силы. Что это было? Может быть, сила отчаяния?

— Мастер Филч! Мастер Филч, — услышал он писк домового эльфа сквозь гул крови в ушах. — Позвольте, я вырою яму с помощью магии?

— Нет! — рявкнул Филч. — Я должен сделать это сам.

Он копал медленно. В голове гудело от напряжения. Перед глазами плыли красные и зелёные круги. Филч остановился, вытирая с лица струившийся по нему пот. Гул крови в ушах немного утих. Филч услышал приближающиеся к нему лёгкие шаги. Оглянувшись, он увидел подходившего к носилкам Гарри Поттера. Завхоз с ненавистью уставился на мальчишку. Тот остановился у самых носилок, вглядываясь в лицо лежащего на них Снейпа. Странно, но в его глазах не было ненависти. Завхоз готов был поклясться, что в них блеснули слёзы. Или, может быть, ему показалось?

— Мистер Филч. Позвольте, я помогу вам вырыть яму, — голос у Поттера странно дрожал.

— Нет, — упрямо ответил завхоз. — Я сам.

— Но ведь вам тяжело. Почему вы отказываетесь от помощи?

— Потому что я не хочу, чтобы его хоронили те, кто его ненавидит, — просто ответил Филч.

— У меня нет ненависти к нему. Я знаю, что он был наш. И что он всю жизнь охранял меня. Это я вёл себя, как дурак, и ничего не хотел замечать.

Гарри виновато опустил голову. Филч не верил своим ушам. Что это? Неужели этот Поттер переменил своё мнение о нём? Но почему?!

— Помогите мне, — попросил завхоз, протягивая Гарри руку. Тот взял протянутую руку и помог старику выбраться из ямы. Взмахнув волшебной палочкой, он наколдовал могилу достаточной глубины.

— Не могли бы вы... — Филч запнулся. Голос куда-то пропал, и он какое-то время молчал, пытаясь проглотить ком в горле. — Очистительное заклятие... — наконец смог выдать он.

Гарри понял. Он снова взмахнул палочкой. Теперь чистое, будто обмытое заботливыми руками, тело Снейпа лежало на носилках в одежде, на которой не осталось следов крови и грязи.

Филч встал перед ним на колени, приподнял голову Снейпа и приник к его лицу. Его тело сотрясали глухие

рыдания. Гарри стоял рядом. Глаза мальчишки блестели от слёз.

Наконец Филч заставил себя подняться.

— Мистер Поттер. Пожалуйста, если можно... Накладуйте ему саван.

Гарри взмахнул палочкой. Тело Снейпа лежало на носилках, завернутое в белую чистую ткань. Ещё один взмах — и носилки опустились на дно могилы. Яму быстро засыпало землёй.

Филч и Гарри стояли над свежим холмиком, опустив головы.

— Мистер Филч, — позвал Гарри.

— Что? — в голосе завхоза не было ни капли жизни.

— Вы... Вы любили его?

— У меня нет детей. — голос Филча становился всё тише. Последние слова Гарри еле расслышал за шумом ветра. — А его я считал своим сыном...

СОФЬЯ ЖЕЛОНКИНА

Яд Василиска – противоядие от слепоты

Гарри сморщил нос и открыл глаза. Белый потолок, тишина и запах зелий. Больничное крыло, ну конечно. Почему бы хоть раз для разнообразия не потолок спальни в башне Гриффиндора? Мальчик тяжело вздохнул и попытался подняться, чтобы надеть очки, но что это? В тело будто камней наваливали, таким тяжелым оно ощущалось. Что за ерунда?

Вот тут как раз нахлынули воспоминания с перрона Хогсмита. Да, это эпичное падение Малфой еще не скоро забудет. Начиналось все вполне безобидно. После сражения в тайной комнате с Василиском, у Гарри начались головные боли, он легко утомлялся на уроках, появилась сонливость. Однако Гарри не придавал этому особого значения. А чего такого? Конец учебного года, все устали, да и события в Тайной комнате немного не дотягивали до расслабляющей прогулки. Вот и Гарри не обратил на свое состояние никакого внимания. Подумаешь головные боли и усталость, к тому же на утро, после сна, все проходило!

Проходило. До поры до времени. А в последние дни перед каникулами перестало проходить. Наоборот, ко всему вышеперечисленному добавились жар, то появляющийся, то пропадающий, трясущиеся руки, сыпь на теле, да муть в глазах. Прекрасное дополнение, не так ли? Только мальчик и тут ничего не стал говорить взрослым. Зачем? Это все от усталости, а сыпь... Ну, видимо переел сладкого, придется отказать от пирога с патокой на оставшееся время до отъезда. Гермиона, конечно, была против молчания, да и Рон голосовал за то, чтобы все рассказать хотя бы мадам Помфри, но упрямый Гарри лишь отмахнулся, пережидая очередное накатившее головокружение.

И может быть все и вправду закончилось бы хорошо, но прямо перед тем, как сесть в вагон, голову как тисками сжали. Гарри схватился за поручень вагона, пытаясь сморгнуть муть в глазах, подумал, что для начала лета солнце печет слишком сильно, тяжело вздохнул, а в следующее

мгновение ощутил себя в лежащем положении на земле. К прочим бедам усилилась головная боль и появился шум в ушах, из-за которого он не слышал ни словечка, которые произносила паниковавшая Гермиона. Мальчик попытался встать на ноги, но организм решил, что с него хватит и отключил сознание своего владельца, а Мальчик-Который-Выжил мягко приземлился на подругу. СТЫ-ДО-БА!!!

- Мистер Поттер, вы пришли в себя, - сказала мадам Помфри, появляясь в его поле зрения и прерывая самобичевание. – Как ваше самочувствие?

- Спасибо, мадам Помфри, - кивнул мальчик. – Я чувствую усталость, но в остальном все хорошо.

- Ну, конечно! – казалось, василиск воскрес и разбрызгивает яд на все Больничное крыло, такой голос был у Снейпа. – Знаменитый Поттер не в состоянии признать свою слабость, даже если от этого зависит его жизнь.

- Полно, Северус, - осадила его школьная медсестра, направляя на мальчика палочку. В воздухе поплыли слова и цифры.

Гарри нахмурился, переведя взгляд на ненавистного профессора. Тот стоял чуть в стороне, скрестив руки на груди, весь его вид говорил о нежелании находиться здесь. «Ну и шел бы отсюда, - подумал мальчик. – Никто не расстроится». Мадам Помфри тоже не выглядела довольной, когда вчитывалась в волшебные строчки. Последним взмахом палочки она рассеяла заклинание и направилась к шкафчику с зельями.

- Мистер Поттер, скажите мне, пожалуйста, кусал ли вас Василиск в Тайной комнате? – спросила она, ставя на тумбочку у кровати зелья в ряд.

- Не то, чтобы кусал, но его клык застрял у меня в руке. Правда, потом Фоукс вылечил меня своими слезами. А в чем дело?

Снейп фыркнул.

- А дело в том, что в вашей крови теперь гуляет адская смесь слез феникса и яда Василиска, - ворчливо произнесла женщина и откупорила первую склянку. – И эта смесь вас потихоньку убивает.

Гарри застыл на кровати. Но как такое возможно? Разве не должны были слезы Феникса полностью нейтрализовать яд? Он же прекрасно чувствовал себя! Почему!? Паника потихоньку подкрадывалась к мальчику,

пульс участился, стало сложно дышать, а голова закружилась. Но стоп, а это точно? Гарри уже три раза был на волосок от смерти, но все равно остался жив.

- Но профессор Дамблдор говорил, что слезы феникса исцеляют любые раны! – возразил Гарри, отказываясь в это верить.

- Несомненно, мистер Поттер, вот только нигде нет точных данных о том, что они являются универсальным противоядием от ядов. Их используют в приготовлении очень сильных зелий, это так, однако сами по себе они не могут полностью устранить яд, особенно такой сильный, как у василиска.

- И... Сколько мне осталось? – робко спросил Поттер, бледнея.

- До конца лета вряд ли доживете, - с мерзкой ухмылкой ответил Снейп, не обращая внимания на резкий взгляд мадам Помфри. – Может хоть это отучит вас от необдуманных поступков и собьет спесь?

Мальчик вздрогнул от таких острых слов и перевел испуганный взгляд на волшебницу.

- Не переживайте, мистер Поттер, - поспешила его успокоить мадам Помфри. Голос ее звучал мягче обычного, что имело особы контраст на фоне язвительной речи профессора зельеварения. – Успокойтесь, дышите медленнее. Мы с профессором вам поможем. Будете жить еще долго.

- У вас есть противоядие? – радостно спросил Гарри. Ну вот, а он начал паниковать раньше времени.

- Не смешите, Поттер! – поморщился Северус. – Василиски вымерли давным-давно, создавать антидот к их ядам не было необходимости, пока вам не захотелось погеройствовать.

- Я не геройствовал! – горячо возразил Гарри. – Джинни умирала, ее надо было спасать, у нас с Роном не было времени бежать за помощью.

- И тем ни менее вы нашли время сходить к этому индюку Локонсу, - заметил профессор, окатывая Гарри очередной дозой презрения.

- Он же профессор по Защите от Темных Искусств!

- Если бы вы хоть раз включили мозги и проанализировали его поведение, то поняли бы, что он

разбирается в темных искусствах так же, как Лонгботтом в Зельеварении!

- Прекратите немедленно! – сделала замечание мадам Помфри. – Это Больничное крыло, а не стадион Квиддича. Профессор Снейп прав, Поттер, вам не следовало лезть в Тайную Комнату самим. Для этого в школе присутствуют преподаватели.

Гарри нахмурился, и побурчал: «Но мы и были с преподавателем», - однако так тихо, что его никто не расслышал. Куда ему до открытой перепалки с двумя взрослыми? Они настолько уперты, что ни за что не признают другую точку зрения, даже если она верна. Ему оставалось только принять зелья, что поочередно давала ему медиведьма, выдержать процедуру осмотра и уснуть, по настоянию мадам Помфри и своего организма, который посчитал, что слишком долго бодрствовал.

Все было относительно нормально. Да, приходилось пить много всяких противных зелий, чтобы поддерживать организм, пока Снейп экспериментирует над созданием противоядия, выдерживать унижительные моменты натирания его кожи мазью от сыпи, потому что сам он до некоторых мест просто не дотягивался, да придерживаться определенной диеты. Все это не смертельно. Дурсли иной раз кормили еще хуже, а остальное можно было вытерпеть, но беда пришла нежданно.

Гарри предполагал, что учителя не остаются в Хогвартсе на все лето, в конце концов, им тоже хочется отдохнуть, но он не ожидал, что они уедут все разом! Даже Дамблдор, и тот собирался уехать по каким-то важным политическим делам. А что, эти дела без него не сделаются? С мадам Помфри было непонятно, но кажется, у нее кто-то умер, она обещала вернуться в ближайшее время. Профессор Макгонагал отправилась на съезд Мастеров Трансфигурации, по той же причине уезжали Флитвик и Спраут, - серьезно, вот прямо все съезды решили осуществить в один год!? А остальные преподаватели? А не могут они. Почему? Ну не могут и все. Как итог – в школе не будет никого, кроме него и Снейпа.

Знал бы Гарри, что его реакция была почти такой же, как у Северуса Снейпа, которому поручили присмотр за гриффиндорцем. Профессор Зельеварения долго ругался, приводил аргументы, даже угрожал, но все это Альбус

парировал улыбкой и блеском в глазах. Чтоб он подавился своими лимонными дольками! Северус тоже отдыхать хочет, у него тоже планы и экспериментальные зелья! Но делать нечего, паршивца не оставишь на произвол судьбы. С Гарри директор тоже разговаривал.

- Так надо, Гарри, - сказал Альбус перед тем, как попрощаться. – Уверен, вы сможете найти с профессором Снейпом общий язык.

Гарри даже не смог ответить, просто проводил директора взглядом, а Снейп стоял рядом, чтобы отвести мальчика в новую комнату в подземельях, не оставлять же его одного в Больничном крыле или гриффиндорской башне. Если что случится, пока он доберется из своих подземелий на седьмой этаж, будет уже поздно. А так, подопытный кролик будет сидеть недалеко от, собственно, места проведения эксперимента.

- Идемте, Поттер.

Жить в подземельях со Снейпом то еще удовольствие, но Гарри убеждал себя в том, что это продлится не так уж и долго. Снейп сказал, что составит Гарри расписание, по которому он должен будет вставать, есть, принимать зелья, отдыхать, делать домашнее задание (если сможет), ложиться спать. Мальчик, как только за профессором закрылась дверь, пнул несколько раз ножку кровати, выпуская злость.

В целом, сосуществовать с зельеваром было возможно не только в теории, но и на практике. По всей видимости, и Снейп, и Гарри избрали одинаковую тактику: контактировать только по мере необходимости, а в остальное время игнорировать сожителя, - и она действительно работала, пока состояние Гарри не ухудшилось. Мальчик и так чувствовал себя не самым лучшим образом, но различные укрепляющие и восстанавливающие зелья делали свое дело, позволяя мальчику более или менее жить, как раньше. Теперь же он остро чувствовал, как яд влияет на его организм. Ощущать, как медленно приближается твоя смерть – ужасно.

Северус тоже переживал, так как эксперимент продвигался медленно. Нет, у него были готовы несколько вариантов, но он понимал, что они не доработаны, а на более глубокое изучение вопроса у зельевара просто не было времени, а возраст и телосложение мальчишки играли не в его пользу. Гриффиндорец был вялым, пассивным, теперь же

вообще практически не вставал с постели. Проблему нужно было решать срочно, поэтому Снейп взял склянку с первым вариантом противоядия и направился в спальню к Поттеру.

- Попробуем этот вариант, - сухо произнес он, протягивая мальчику склянку. - Хуже не будет, если только у вас не окажется какой-нибудь непереносимости на один из ингредиентов.

- А что там? - вяло поинтересовался Гарри, пригнувшись к странной жидкости с шерстинками.

- Не задавайте вопросов, ответы на которые все равно не поймете, пейте!

И Гарри выпил, с трудом удержав зелье внутри себя. Интересно, а существуют ли в принципе лечебные зелья, от которых ты не хочешь подарить свои внутренности унитазу? Он даже не мог сказать, что хуже: это противоядие или же Костерост. Мысли прервала внезапно накатившаяся боль, внутри все скрутило, не давая сделать даже вдох, и из зеленых глаз хлынули слезы.

- Больно, - просипел Гарри, сворачиваясь в клубочек. - Больно!..

Северус моментально произвел в воздухе какие-то пасы палочкой, а потом рванул к мальчишке, но Гарри оттолкнул его.

- Не трогайте!

- Не глупите, Поттер, я пытаюсь помочь! - вспыхнул Снейп, отводя слабую руку мальчика.

Северус наклонил Гарри над кроватью, взмахнул палочкой, еще раз, и того вырвало в созданный сосуд. Боль утихла, хотя и не прошла полностью. Северус гладил тощую спину, ощущая тяжелое дыхание гриффиндорца. Зелье дало неожиданный результат, видимо, все же присутствует непереносимость некоторых ингредиентов. Стоит провести анализ, а заодно проверить получилось ли хоть немного нейтрализовать яд.

- Ну как, лучше?

Гарри закашлялся и глубоко вздохнул. Показывать свои слезы этому человеку он не будет, ни за что!

- Отравить меня хотели? Так Василиск вас опередил! - дрожащим голосом нарывался Гарри.

- Следите за языком, Поттер! - голос профессора, который еще секунду назад был немного обеспокоенным,

теперь сочился холодом. Что ж, к этому мы привычны. – Я не посмотрю, что вы больны.

- Вы мне ничего не сделаете! – не совсем уверенно ответил мальчик.

- Неужели? Альбус придет еще не скоро, вы в полной моей власти, – вот имей взгляд человека физическое воплощение, и на месте Гарри давно полыхали бы угольки.

Гарри не стал спорить, хотя очень хотелось, но тут профессор в очередной раз взмахнул своей палочкой, и все желание пропало. Глупо, не так ли? Даже если Снейп и распоследний гад, не будет же он намерено вредить Гарри? Не настолько же он безумен, тем более что рано или поздно, Дамблдор вернется и обязательно проверит состояние гриффиндорца. О, Снейп всего лишь убрал рвоту.

- Что ж, ваши страдания не прошли даром, часть яда мы убрали, – задумчиво протянул Снейп после осмотра и стакана с водой. – Как вы себя чувствуете?

- Живот болит, – пробурчал мальчик, возвращая стакан профессору. – Спасибо.

- Не знал, что вы владеете такими словами, – язвил Снейп, но отмахнулся, когда Гарри попытался дать ответ. – Так как ваше состояние ухудшилось, будем пробовать давать вам то, что есть, иначе, боюсь, мы лишимся нашего гриффиндорского принца раньше времени.

- Я никакой не!..

- Принесу вам отвар для желудка. Зелья в данном случае могут только все усугубить.

Отвар Снейп действительно принес. Настолько горький, что свело все мышцы лица. Разве такое может хоть как-то помочь животу, который никак не хотел утихать? Гарри весь извелся, боли не давали покоя, а отвар было просто невозможно пить! Снейп-таки сжалился, добавил в него мед, чем сделал его пригодным к употреблению, вот только облегчение было недолгим. Мальчик тихонечко скулил на постели, а зельевар носился с кухни в спальню, оттуда в лабораторию и обратно, пытаясь облегчить боль. Язвил он в это время страшно, но только лишь потому, что переживал.

Когда наступило короткое затишье, Северус сразу же кинулся в лабораторию, доделывать зелье для желудка, которое подойдет Поттеру в такой сложной ситуации. Не прошло и получаса, как мальчик проснулся, вот только лекарство было еще не готово! Пытаясь не обращать

внимания на болезненные стоны, зельевар простоял над котлом еще час, а потом почти столько же ждал, пока зелье остынет, чтобы можно было добавить последний ингредиент. Слава Мерлину за лабораторию Хогwartса и ее редкие ингредиенты! Северус схватил склянку с готовым зельем и поспешил во вторую спальню.

- Вот, Поттер, выпейте, - Снейп приподнял голову мальчика и прислонил склянку к его губам.

- А хуже точно не станет? – все лицо было опухшим от слез, а голос сиплым и дрожащим.

- Точно!

Гарри нехотя выпил всю дозу и взглянул на Северуса своими зелеными глазами: очки потерялись где-то во время метаний. Зельевара как будто ударили в солнечное сплетение, слишком уставшим и уязвимым он был сейчас, чтобы вынести этот беспомощный взгляд. Мужчина смахнул со лба Поттера мокрые от пота пряди волос и промокнул лицо от лишней влаги собственным рукавом. Он так и не прервал зрительного контакта, поэтому заметил, когда боль оставила Гарри.

Веки постепенно сомкнулись, Поттер погрузился в сон, заставив Снейпа облегченно вздохнуть. Руки дрожали, дыхание сбилось, а в груди немного колело. Да, определенно, он уже староват для таких встрясок. Ну и что, что ему всего тридцать три? Послужите у Темного Лорда, а потом переметнитесь на сторону его врага, посмотрим, сколько морального и психического здоровья у вас останется! Тут определенно нужна долгая терапия у психотерапевта, одна загвоздка – в волшебном мире нет специалиста этой направленности. Вот и имеем закономерный итог.

Северус достал склянку с успокоительным зельем и пригубил его в один глоток. Давать следующий вариант противоядия Поттеру было даже страшно, вдруг у этого мальчишки еще какая-нибудь реакция проявится? Именно поэтому он пошел варить различные модификации целебных зелий. Хорошо, что он был мастером, иначе уследить за пятью котлами было бы просто нереально, а к утру не было бы готово и половины тех снадобий, что сейчас стояли в ряд на столе.

Гарри проснулся поздно, и, хотя чувствовал себя чуть лучше, двигаться было тяжело, поэтому Снейп принес завтрак ему в постель. Хотя завтраком это было назвать

сложно: бульон и очередной отвар. Мальчик хмуро посмотрел на еду, на самом деле есть совсем не хотелось, его тошнило после вчерашнего, но невыспавшийся зельевар интерпретировал это по-своему:

- А чего вы хотели? Ваш желудок еще не готов принимать более твердую пищу. Или герой не привык к таким скудным рационам?

К ужасу Гарри, да и самого Северуса, глаза мальчишки стали стремительно наполняться слезами. Вот уж чего-чего, а этого не ожидал никто.

- Почему вам так нравится издеваться надо мною? Что я вам сделал? Цепляетесь ко мне с самого первого урока! Не хотите меня видеть, так уйдите и не приходите больше, мне и без ваших слов плохо, - всхлипнул Гарри и задохнулся.

- Что, жалко себя, Поттер? – чуть неуверенно парировал зельевар.

- Да жалко! – тарелка со стаканом полетели на пол. – Извините, не каждый день умираешь и мучаешься болями. А если вам так хочется, чтобы я поскорее отправился на тот свет, то уходите в свой заслуженный отпуск, а меня оставьте в покое. Может быть, однажды утром вы придете, и я вас порадуя своим трупом, да Дурслям сообщить не забудьте, пусть тоже порадуются!

Ребенок скатывался в откровенную истерику. Гарри давился слезами, тяжело дышал и громко всхлипывал. Вчера, сходя с ума от невыносимой боли в животе, он в полной мере сознавал, что умирает, что никогда больше не увидится с Роном и Гермионой, никогда не полетает на своем Нимбусе, никогда не посидит у Черного озера. Он чувствовал себя таким маленьким и беспомощным, а рядом не было никого, кто мог бы поддержать его. Что, вот так и придется умирать в одиночку? Это и было самое ужасное – одиночество. Что толку быть героем, если сейчас, когда ему так плохо, никого нет рядом?

- Вы ведь ничего не знаете обо мне, а прицепились похуже Малфоя! Думаете, мне нравится у вас тут торчать и проводить с вами время? Вовсе нет. Но мне страшно умирать, - голос мальчика стал совсем тихим. Гарри обнял себя за плечи и уткнулся мокрым лицом в колени. – Я не хочу умирать...

Северус растерянно замер, не зная, как поступить. Иметь дело с дерзким нахалом, так похожим на своего отца,

ненавидеть и презирать его было просто и привычно. Но как быть с этим новым Гарри? Теперь, когда бравада и вызов исчезли из глаз, таких же зеленых, как у Лили, а черные вихры свалялись и повисли, пропитанные вчерашним потом, мальчик совсем не напоминал Джеймса. Скорее уж он был похож на самого Северуса в детстве – такой же худенький, испуганный и никому, по большому счету, не нужный ребенок.

Это тошнотворное чувство сожаления было вытерпеть сложнее, чем круциатус Лорда, и, ощущая себя самым последним трусом, Северус сбежал из комнаты Гарри, так ничего не сказав в ответ мальчику. Он остановился у камина в гостиной, слепо уставившись в темную стену. В желудке как будто медленно таял кусок льда.

Хоть Северус и знал, что из совместного времяпрепровождения с Гарри не выйдет ничего положительного, он не ожидал, что все придет к такому концу. С другой стороны, а как должен был вести себя ребенок, измученный болью и напуганный приближающейся смертью? Джеймс бы рвал и метал, а Гарри... А Гарри другой.

Поток обличающих мыслей прервал скрип двери. Северус стремительно обернулся и увидел в дверях шатающегося мальчика, все такого же потерянного и заплаканного. Удивительно, сам зельевар ни за что не вышел бы в таком виде под взгляд ненавистного учителя. Некоторое время оба смотрели друг на друга. Зеленые глаза в черные, а потом Гарри опустил лицо вниз и тихо произнес:

- Можно мне немного воды?

- Конечно, - поспешил ответить он, когда пауза затянулась, а лицо ребенка, казалось, стало еще более расстроенным. – Вернитесь в спальню, я сейчас принесу.

Остаток дня оба не проронили больше ни слова, каждому было слишком неловко и стыдно: Гарри за свою плаксивую реакцию, Северусу – за свои слова. Никто не спешил обсуждать случившееся. Зелья принимались в том же порядке. Реакции организма Гарри оставались все такими же непредсказуемыми и неприятными, а время утекало. Заканчивался июль, Гарри становилось все хуже. Принимать очередное экспериментальное противоядие было страшно, особенно после последнего, когда началось удушье. Казалось, даже свет потерял свою яркость.

- Это точно должно сработать, - тихий голос Снейпа прозвучал слишком громко и резко для слуха Гарри. Мальчик устало посмотрел на профессора, весь его вид говорил: оставьте меня, не трогайте больше. – Давай, ребенок, в этот раз я полностью уверен.

Гарри не знал, действительно ли это зелье не так ужасно, или он уже просто привык ко всей этой горечи за месяц. Через пять минут ничего не произошло. Через пятнадцать тоже. Как и через полчаса. И хотя никаких негативных реакций не последовало, мышцы все так же были напряжены.

- Отлично! – Снейп облегченно выдохнул, казалось, даже его плечи опустились, когда он взглянул на результаты, которые всплыли после диагностического заклинания. – Яд полностью уничтожен.

Гарри не мог поверить. Яда правда больше нет? Но почему он чувствует себя все также отвратительно? Снейп ошибся?

- Сомнений нет, - ответил на немой вопрос зельевар. – Корень проблемы уничтожен, осталось убрать последствия. Ваши внутренние органы повреждены, но я быстро это исправлю, у меня уже есть необходимые зелья и они *полностью пригодны* для вашего употребления.

Гарри все так же, молча, смотрел на него. Северус понимал, что, как взрослый, не может и дальше отмалчиваться и игнорировать их стычку. Он отвел взгляд и тихо произнес.

- Я прошу прощения, - Гарри весь обомлел от этих слов. Чтоб *Гроза Подземелий*, да *извинился!*? – Мне не следовало использовать свое положение и... Произносить те слова тогда. И в самый первый день тоже.

Гарри понял. Первый курс. Первый урок Зельеварения. Начало ненависти. На душе стало как-то легче. Никто, конечно, не сказал, что Снейп стал теперь менее противным, но какой-то узел внутри растянулся. Мальчик облегченно улыбнулся и кивнул. Взрослый сам признает свою ошибку и извиняется! Даже, кажется, вполне искренне. Жаль, что для этого пришлось отравиться.

- И вы меня простите, профессор, - Северус кивнул. – Сэр, а насколько мы еще тут застряли из-за моего здоровья?

- Следите за своим языком, мистер Поттер. Недели на две точно.

- Тогда мой день рождения будем отмечать здесь, - уже сонно ответил мальчик, улыбаясь.

Северус стоял и смотрел, как нахальный ребенок засыпает. После он плотнее укрыл его одеялом, смахнул волосы со лба и ушел за дозой заслуженного сна, размышляя над словами мальчика. День рождения Гарри Поттера в его апартаментах? Не в этой жизни! Но чем же заменить вредный для здоровья Поттера торт..?

АЛЕКСАНДРА ЛИТОВЧЕНКО

„LISKA TERRY”

Кошмар и счастье в моем доме

Часть 1. Очень долгая ночь

Анна нервно вздрогнула во сне, но не проснулась. Ее глаза были закрыты, она видела, как какие-то люди в длинных одеждах быстро шли по длинному коридору, вытянув впереди себя руки со светящимися палочками, и, дойдя до двери, с силой били по ней кулаком. Человек, стоящий впереди, ударил в дверь еще раз, однократно и настойчиво. Веки Анны дернулись, а губы приоткрылись, одним словом беззвучно шепнув немую просьбу. Она не знала кто эти люди, но их намерения казались девушке недобрыми, она не хотела, чтобы те попали в ту закрытую комнату.

В дверь ударили совсем громко. Анна содрогнулась всем телом. В последнее время она стала совсем тревожной, но после признания и принятия девушкой своих страхов и предрассудков ее подсознание стало помогать ей успокоиться, и если раньше Анна в ужасе просыпалась, заведя еще первые сменяющие друг друга реалистичные картинки своих кошмаров, и сидела на кровати до утра, больше не в силах заставить себя снова лечь и успокоиться, то сейчас она впервые смотрела чем продолжался один из ее похожих друг на друга снов.

Стоящий впереди человек обернулся, кивнув своим напарникам, и те кивнули ему в ответ, соглашаясь, но при этом ничего не говоря друг другу. На их головы были накинuty большие капюшоны, и девушка видела фигуры этих людей, будто летая сверху, что лишало ее возможности взглянуть на их лица. Человек впереди взмахнул рукой. Анна услышала его приглушенный выкрик, будто добравшийся до нее издалека и сквозь воду. Из его палочки вырвался белый шар, раздались крики и громкие удары. Затем распахнулась дверь ее комнаты.

Поднявшись в кровати, Анна так быстро очнулась от сна, будто его и не было. Инстинктивно прижав одеяло к своей груди, пряча тело, одетое в ночную пижаму, она ничего не могла понять в этой слепой темноте и не видела кто пришел к ней, в ее комнату в такое позднее время, пока не услышала тихие, но настойчивые голоса своих родителей. Несмотря на то, что Анна не вслушивалась в них, она различила в голосах неприкрытую дрожь.

— Анна, поднимайся и пошли. Не нужно одеваться, иди в чем есть, только тихо и быстро.

Откинув одеяло, Анна в мгновение ока оказалось рядом со своими родителями. Раньше они приходили в комнату дочери посреди ночи только в ее далеком детстве, чтобы посмотреть как спит их малышка и проверить все ли у нее хорошо, но с тех пор как Анна стала подростком они больше никогда, никогда этого не делали. Значит, прямо сейчас происходили нехорошие вещи, и как сильно Анна ни пыталась успокоить себя тем, что напасть точно обойдет их дом стороной, но несчастные события уже произошли почти со всеми семьями ее друзей, и у нее никогда не было ни одного довода тому, что с ее семьей этого не случится. Все это время девушка просто тешила себя надеждами, и хотя понимала, что и им этого не избежать, отгоняла прочь от себя эту правду.

Родители прижали ее к самой стене, заслоняя собой от опасности, от которой они могли не успеть ее скрыть.

— К стене, Анна, к стене! И наверх, скорее! - Отец тихо шептал ей в ухо, но Анне было сложно бежать. Они навалились на нее, желая спрятать сейчас же.

Добравшись до лестницы, Анна широкими шагами взлетела наверх. Несмотря на то, что еще пару минут назад она была в постели, а потом все стало происходить очень быстро, Анна поняла, что бежит прятаться в мансарду. Это было логично, ведь тот удар по входной двери, по звуку совсем похожий на удар по двери из ее сна, говорил о том, что к ним пришли гости, и на первом этаже сейчас опаснее всего. Первой вбежав в комнату, Анна до последнего надеялась, что родители зайдут следом, спрячутся вместе с ней. В последнее время пустые надежды будто окружили ее и питались ее верой.

- Все будет хорошо! Ничего не бойся и будь сильной! - было последнее, что услышала Анна перед тем, как осталась

одна в темноте. Повисла странная тишина. Обычно "гости" никогда ничего не ждали и сразу приступали к игре со своими жертвами. Анне казалось, что она так и умрет в этой темноте от страха, даже не успев запомнить последнюю секунду своей жизни. Это было бы не страшно и не больно, но все же Анна отчаянно боялась этого. Ее жизнь всегда была очень простой, но она не хотела терять ее, только продолжить рядом со своими родителями. Вдруг раздались крики чужих голосов. Анна подбежала к двери, нервно дергая ее за ручку. Конечно, родители закрыли ее. Девушка припала к двери, еле держась на подкашивающихся ногах. Она поняла, что ее родители встретились с Пожирателями, и те сразу перешли в наступление.

То, что происходило на два этажа ниже, слышать было невозможно, но в этом не было необходимости. Единственное, что было важно слышать Анне — то, как ее родители борются, знать, что они еще живы. Анна сжала пальцами виски. Пожиратели всегда ходили группами, и они были сильными темными магами. Как долго она сможет слышать своих родителей? Как долго они смогут бороться, чтобы не пропустить Пожирателей наверх к ней, своей дочери? Продолжая хватко держаться за неподатливую ручку, Анна почти осела на пол. Ей было бы не так страшно, если б гости просто пришли за ней. Только бы не трогали ее маму и папу.

Вдруг раздался страшный звук, будто тысячи стекол лопнули, разлетевшись на кусочки. Это был звук смерти родителей? Анна по-прежнему была жива, но надолго ли и зачем, когда жизнь больше ничего не значила для нее.

Она больше не слышала своих родителей. Горе задушило ее так сильно, что о слезах не могло быть и речи. Слезы всегда представляют собой отдушину, Анна же была слишком убита, чтобы позволить себе такую печальную роскошь. Медленно отползая к центру комнаты, она прижала к себе колени, до ломоты в шее низко склонив голову. Ей было холодно и очень больно, но больше не страшно. Пожиратели поднялись на третий этаж и уже были рядом. Они бродили по этажу, бегло просматривая комнаты в надежде поживиться чем-нибудь интересным. Анна слышала топот их грубых ног и безумный женский смех.

— Чего смеешься, дура? Так смешно совершать ошибки? Или, может, ты нарочно сжалась над ними?

— Заткнись, Крауч! Тебе давно пора подрезать язык, мальчишка! Будешь допускать такие вольности, и чья-нибудь палочка точно воткнется тебе в зад! - один из Пожирателей, видимо, ее кавалер, сразу же за нее заступился.

Смех женщины стал еще более громким и заливи стым. Слова ее заступника показались ей еще более забавными, чем то, над чем она смеялась поначалу, но она решила ни с кем не делиться шуткой, возникшей в ее голове, по крайней мере пока не справится со своим смехом и ей вновь не вернется способность нормально говорить.

— Это действительно не повод для веселья, Беллатриса, - включился еще один голос, более спокойный и рассудительный. - Мы должны убивать неверных Лорду и только, а ты то играешь с ними, как со своими мышками, то допускаешь промахи в заклинаниях. Ты должна была убить этих глупцов, а не закидывать их во временной портал.

Последние слова одного из них мгновенно и навязчиво засели у Анны в голове. Ее родители были живы? Господи, пускай это будет так. Когда она выберется отсюда, то сделает все чтобы разыскать их, но даже если не сможет этого сделать, и они больше никогда не увидятся, она все равно будет счастлива знать что они остались живы. Продолжать находиться в этой комнате становилось все опасней. Голоса подбирались ближе. Не было никаких гарантий, что незваные гости не заметят маленькую лестницу и не захотят подняться по ней. По крайней мере, любопытство должен был проявить хотя бы один из них. Анна оглянулась. Комната была пустая, и спрятаться было негде. Единственное, что было в этой комнате — покатые диагональные окна, которые можно было открыть, чтобы выбраться наружу. Только что она будет делать после, оказавшись на земле? Так и будет лежать с переломанными ногами, упав с третьего этажа, пока ее не найдут и не усадят в инвалидное кресло? Но это хотя бы даст ей шанс, чтобы... А потом она решит, что делать дальше.

Медленно поднявшись на онемевших ногах, Анна, игнорируя колюю боль, медленно направилась к одному из окон. Все, что от нее требовалось — всего лишь открыть его и решиться на прыжок. Отблеск стекла уже был в паре метров от лица девушки, когда ее ступня провалилась вниз, прогнув старую половицу, возмущившуюся долгим

противным скрипом. Анна вздрогнула и замерла. Ее сердце вступило в бой с грудной клеткой и яростно забилося о ее стенку. Разговоры за стеной прекратились. Повисла тишина.

Анна в несколько длинных шагов вернулась обратно в центр комнаты и опустилась на колени. Если Пожиратели поймут, что она хотела попытаться сбежать, это вызовет у них только большую агрессию.

— Слышали? А что это у нас там? - визгливо раскричалась женщина, смеющаяся еще пару минут назад. - Ведет на какой-то чулан.

— Сейчас посмотрим, - успокоили ее.

Тяжелый топот чьих-то ног по ступеням оповестил о том, что кто-то из Пожирателей уже поднимался по лестнице. Анна беззвучно затряслась от рыданий. Ее надежды только-только воскресли вновь, и вот уже угасли снова. Сейчас Пожиратели найдут и убьют ее.

Дверь широко открылась и ударилась о стену. Давно сидевшую в темноте Анну ослепил свет. Девушка подняла голову. Перед ней стоял молодой парень и смотрел на нее. Его лицо было недобрым и сосредоточенным, он как будто что-то соображал.

— Девка! Идите все сюда, здесь девка! Они спрятали от нас свою дочь! - вдруг следом за ним влетела растрепанная ведьма, чьи крики мешались с истеричным смехом. Волосы ведьмы были черными, сальными, запутанными и спускались до самой спины завитками, а ее мантия была на несколько размеров больше и висела на ней как большой балахон.

Вскоре в мансарде толпилась группа из всех четырех Пожирателей, светя на Анну своими Люмосами. Бедняжка мелко дрожала.

— Ну, мы это уже проходили. Все глупцы всегда стремятся уберечь своих выроdkов, чтобы продлить им их никчемную жизнь. Какая разница, убьем мы их детей сейчас или немногим временем позже? Уберем ее, и дело с концом, - сказал тот мужчина, что ранее заступался за смеющуюся ведьму.

— Совсем мелкая, Антонин, прям как ты любишь. Прежде чем она умрет, хочешь посмотреть, как она корчится под Круциатусом? - повернулась ведьма к одному из мужчин, сладко улыбаясь.

Антонин не ответил, но светловолосый мужчина вновь осадил ее. Если бы не он, эта ведьма с удовольствием превращала их каждое похождение в жуткую, но веселую Вальпургиеву ночь.

— Не стоит тратить время, ночь не так долга как ты думаешь, Беллатриса.

— Какой же ты скучный, Рудольфус! Как я только тебя терплю! - возмутилась женщина. Ей явно приносило удовольствие разыгрывать спектакль перед их жертвой.

— Просто убей ее и все! Я знаю, ты этого хочешь, - примирительно ответил Рудольфус и вышел из комнаты. Следом за ним направился Антонин. Жертва была безоружна и не сопротивлялась, поэтому не представляла для них интереса.

В мансарде с Анной осталась только ведьма и самый молодой Пожиратель, чей взгляд нес такой странный посыл, что пугал и настораживал девушку еще сильнее.

— Посмотри на нее! Она вся дрожит, думала, мы ее не найдем.

— И правда жалкая! Вот только убить я ее тебе не дам. Сегодня ты уже на совершала ошибок, хватит!

— Что это ты себе возомнил, Крауч-младший? Думаешь, я буду тебя слушать? - ведьма уже была готова вгрызться парню в лицо.

— Не сегодня, Беллатриса. Оставь ее мне и догоняй остальных. Я скоро присоединюсь к вам снова, - упрямо настоял на своем парень, спокойно выдержав ее взгляд.

— Я хочу взять ее себе!

— Я нашел, и я оставляю себе. Ты уже достаточно наигралась, Беллатриса,

Пожиратель отказывал ей как капризному ребенку, хотя на вид она была старше его лет на десять.

Но Беллатриса не выглядела так, будто была готова уступить. Она сощурила глаза и приблизилась к нему так близко, что ее волосы защекали его лицо, но он не шевельнулся и не отступил ни шагу. Казалось, она была готова начать драться за новую игрушку, которую она себе присмотрела, но вдруг, круто развернувшись, ведьма быстрым шагом направилась прочь из мансарды, погасив палочку и спрятав ее в полы мантии.

— Так и быть, я подарю ее тебе! Но будешь мне должен! - хитрая ведьма наперед просчитала выгоду и

скрылась, оставив его наедине с жертвой.

Пока шаги ведьмы не стихли, парень стоял, не торопясь прибегать к каким-либо действиям, и просто рассматривал девушку, светя ей палочкой прямо в лицо. Анна не отворачивалась, но свет резал ей по глазам, а веки дрожали, и она больше не могла бороться с ними, чтобы держать их открытыми. Подобно разноцветным бензиновым пятнам на луже, чернота вокруг нее покрылась белыми рябящими пятнами, исходящими от мерцающего шарообразного Люмоса.

Вдруг парень развернулся и покинул комнату также быстро, как до этого ее покинула черноволосая ведьма. Анна услышала, как он накладывает заклинание на дверь, запирая ее с внутренней стороны. Девушка затаила дыхание. Еще когда Пожиратели только начали совершать свой обход, она точно усвоила: то, что никогда не покидало, когда речь шла о безопасности жизни, и вызывало самый большой страх из всех возможных — это чувство неизвестности. И вместо того, чтобы просто убить, парень продолжил эту пытку, оставив ее наедине с этой неизвестностью, непонятностью о том, почему ушел, когда вернется и насколько строг будет его приговор. Анна не знала чего ждать, поэтому ждала хотя бы чего-нибудь. Ее руки крепко сжимали друг друга. Казалось, они всегда знали только такое положение. Девушка забыла как шевелиться и долго просидела в этой позе. Она была полностью погружена в свой внутренний мир, все ее чувства обострились и ходили под тенью помывающимися ими страха, готовые, как оголенные нервы, люто кричать от малейшего прикосновения к ним.

Прошел примерно час, но Анне казалось, полночи с того момента как он оставил ее, когда она снова слышала звук поднимающихся по лестнице шагов. Анна сильнее вжалась в пол от этого звука и мелко задрожала. Это и оказалось тем давлением, которое требовалось для ее чувств, чтобы окончательно оголить их, содрать с них кожу.

Дверь открылась. Девушка увидела, как к ней медленно подходит шар Люмоса.

— Да не трясись ты, аж бесит. Хотел бы убить тебя, сделал это сразу. Я не играю в игры, - было первое, что он сказал ей. - Я не убью, но по крайней мере пока. Пока ты также будешь помалкивать, например.

Анна различила, что в другой руке он держал синее суконное одеяло без наволочки. Из всего, что было в шкафу ее родителей, он выбрал для нее самое старое.

— Твои родители, наверное, были отшельниками или ужасными соседями, раз решили поселиться на отшибе, подальше от остальных. Как раз то, что мне подходит. Я искал себе такое неприметное жилье, поэтому останусь здесь. — Парень кинул одеяло ей в лицо. — Ты, конечно же, тоже остаешься здесь. Ты же не думала, что я просто отпущу тебя? Я не глуп, да и ты, надеюсь, не настолько обделена умом, чтобы рассчитывать на это. Как только я зашел в ваш дом, то сразу обратил внимание, что в нем нет эльфа-домовика, но прямо сейчас я смотрю на тебя и вижу этого самого эльфа. Будешь заниматься уборкой, потому что у меня нет на это времени, да и не будешь же ты болтаться по дому просто так. Тогда уж было бы и вправду лучше убить, чем ежедневно наблюдать твою бессмысленность.

Анна продолжала дрожать. Она совсем не вникала в суть его слов, позже она сама удивится, когда поймет, что поняла и запомнила то, о чем он ей говорил.

— Можешь перемещаться по всему дому, если хочешь. Мне не нужен призрак, который будет сидеть на мансарде как в заточении. Только знай свое место.

Парень вел свою речь строго и размеренно, но лениво. В его голосе слышались нотки раздражения, которые и были присущи людям, сразу взрывающимся на тех, кто был ниже рангом и хоть как-то выражал им свое несогласие. Да и вообще, равными себе он признавал очень малое количество магов, причем все они были Пожирателями подобными ему, и, как Пожиратель, парень вообще не считал за людей никого из тех, кто не разделял общих целей их круга, и в упор не видел никаких причитавшихся им человеческих прав.

— Хотя если тебе нравится сидеть здесь, сиди здесь. Мне все равно. Только не вздумай сбежать! Это раздражает, очень бесит. Если только попробуешь, будешь серьезно наказана, тем более я уже наложил заклинание на дом. Ты не сможешь сделать этого, даже если решишь выйти в окно. Я говорю и об этих окнах тоже, — с этими словами Пожиратель бросил настороженный взгляд на большие окна мансарды. — Только не подумай, что ты мне зачем-то очень уж нужна. Единственное, что я знаю точно — мне не нужны свидетели, которые сбегут и приведут ко мне ненужных

людей, министров, например. И еще я хочу, чтобы рядом был человек, на которого я могу возложить те поручения, которые ненавижу выполнять сам. Это глупые заботы, с которыми должны справляться только женщины, вот их и будешь делать ты, по крайней мере, пока не захочешь умереть и будешь проявлять покорность. Своенравные бабы меня очень злят! - закончив посвящение Анны в служанку, своего домашнего эльфа, парень развернулся и направился прочь.

— Кстати, меня зовут Бартемиус. Просто чтобы ты имя того, кого теперь будешь проклинать.

Он захлопнул дверь, и Анна снова осталась одна. Больше ее никто не навещал до самого утра.

Часть 2. Плен и принуждение

Анна проснулась от ощущения, что на нее смотрят. Привстав от пола, она заставила себя быстро скинуть со своего состояния ошеломленность. Девушка не знала, когда заснула и как быстро это произошло после того, как Пожиратель оставил ее. Она даже не помнила, что позволяла себе прилечь, а сейчас ее мучитель смотрел прямо на нее. Анна даже не слышала, как он поднимался по лестнице, открывал закливанием дверь.

За ночь страх девушки перед этим парнем слегка притупился, но она все еще боялась его. Барти был нервным и слегка неуравновешенным, и она не могла предугадать, что он решит сделать с ней уже в следующий момент.

— Смотрю, ты все же решила проявить свой несравненно волевой характер, - сказал он своим раздраженно-недовольным тоном.

Анна не сразу поняла, что он имел в виду, обращаясь к ней, но он указал ей, дернув подбородком. Синее одеяло было отброшено в сторону. Парню явно не понравилось, что он разрешил ей накрыться, а она даже не коснулась этого одеяла из-за своих гордых побуждений. На самом же деле Анна и не думала проявлять гордость. Вчера она просто отключилась от усталости и переживаний, ни о чем больше не думая и ничего не соображая. Но Барти стоял перед ней, и он видел все по-своему, уже оставшись недовольным представленной перед ним картиной.

Анна в первый раз подумала о том, что может попробовать объяснить ему, что все было не так как он успел подумать, потянулась к одеялу и уже приоткрыла рот, но его мысли работали быстрее, и она не успела сказать ни слова.

— Твое дело. Можешь мерзнуть, можешь не есть и не пить воду. Можешь загнуться от холода на этом полу, не желая спуститься к камину или хотя бы обернуться в пропахшее клопами одеяло. Мне все равно. Меня это не бесит.

Девушка заметила, что Барті часто употреблял предложения типа «это не бесит» или, наоборот, «это раздражает», будто сразу предупреждая о всех условиях, которые могли вывести его из себя. - Спускайся вниз и приступай к своей домашней работе. Я больше не хочу напоминать тебе о твоих обязанностях. С этого момента ты просто начинаешь их выполнять, я не собираюсь учить тебя или постоянно говорить об одном и том же.

Анна кивнула. Пока это было всем, на что хватило ее смелости и скромности.

— Вернусь к вечеру. Твою палочку я изъял, чтобы ты не придумывала никаких глупостей и не пыталась сбежать, хотя против моей магии ты все равно ничто. С таким же успехом можно просто начать разбивать окна голыми руками, что, конечно же, также не принесет никаких результатов, но так и быть, я предостерег тебя от попыток проворачивать хитрости и творить свое никчемное волшебство, изъяв палку. Поэтому ты не сможешь погубить себя, поддавшись соблазнам ввиду слабости своего женского характера. Чем быстрее примиришься с собой и признаешь, что теперь тебе от меня никуда не деться, тем легче тебе станет с этим жить. Все зависит лишь от количества извилин, живущих в твоей белобрысой голове.

Он смотрел на нее своим пристально-презренным взглядом, пока не решил что этого достаточно, чтобы напугать девушку и отогнать от нее даже то слабое желание проявить свое неповиновение, которое не могло не жить в ее душе, ведь он понимал, что не испытывать неприязнь к нему, Пожирателю, убийце и темному приспешнику было невозможно.

— Ты точно поняла? Что-то я не помню, чтобы ты хоть раз отвечала мне. — Барті хотел услышать, как она выражает ему свое согласие.

— Да, - робко ответила девушка. Ей хотелось отвернуться, спрятать глаза, но она не могла сделать это, пока он продолжал в них смотреть.

— Тогда скажи громче. - Он разжал свои пальцы и сжал их снова, переместив выше, на щеки девушки.

— Да. Я все поняла. — Ее покорность явно приносила ему удовольствие. Губы Барти задрожали в слабом подобии улыбки.

— Вернусь поздно и, надеюсь, ты останешься также благоразумна. — Барти оттолкнул от себя ее лицо и, круто развернувшись, махнул полами мантии.

Он ушел. Анна снова осталась одна. Спустя несколько секунд она поняла это. Она осталась одна! Ее положение было просто ужасным, она стала заложницей в собственном доме и должна была жить с человеком, которого ненавидела больше всех на свете!

Весь день Анна провозилась в пыли, наводя чистоту в доме и натирая полы до блеска, а ближе к вечеру приготовила самый простой ужин из гречки и бараньих ребер с овощами. Это было то, что оставалось у них в запасах, и девушка изо всех небольших остатков сил старалась, чтобы из этих ингредиентов вышло достойное блюдо, и Пожиратель не подумал, что она увивалась от работы, снова проявляя непокорность.

Анна посмотрела на часы. Уже было достаточно поздно. Именно в это ночное время Пожиратели и совершали свои рейды, и девушка понимала, что прямо сейчас ее мучитель вместе с другими темными магами истреблял ничем не провинившихся волшебников целыми семьями, мучил их, причинял им боль. И только ей удалось остаться в живых в связи с непонятной мотивацией, неожиданным умственным помрачением Барти. Девушке казалось, парень и сам не понял, как вышло, что он не убил ее. Иногда Анна думала, что он, овладев всеми изощренными искусствами телесных пыток, решил научиться такой же тонкой работе издевательств над струнами души, и она была первой, с кого он решил начать свое учение. Предчувствие подсказывало Анне, что одним ее проявлением покорности он не будет доволен вечно.

Бедняжке не хотелось ничего, особенно ей не хотелось увидеть его когда-нибудь еще, хотя она и понимала, что он не станет игнорировать ее существование, просто живя с ней под одной крышей, и еще обязательно к ней придет. Ей нужно продолжать жить, но как это возможно, когда он отнял у нее почти все, а потом перерубил корни, на которых крепилась свобода ее человеческой жизни? Судя по оставленным на ее кровати мужским вещам, Пожиратель еще и обосновался в ее комнате. Она не была самой большой, но, видимо, Барти и не любил, когда вокруг него было много пустого ненужного места, применения которому он не мог придумать.

Что ж, пусть лучше оскверняет своим присутствием ее комнату, чем комнату ее родителей. Оказавшись заложницей в собственном доме, где каждая вещь напоминала ей о спокойной жизни с родными, Анна чувствовала себя еще более одинокой, чем если бы он держал ее где-нибудь далеко отсюда. Она так сильно скучала по маме и папе. Где они были сейчас? Куда попали? Она бы хотела знать, что сейчас их дела куда лучше, чем у нее. Но еще больше она бы хотела их увидеть.

Вздыхнув, Анна направилась на мансарду. Она на ощупь добралась до верхнего этажа, за весь день Анна ни разу не зажгла свет ни в одной из комнат. Уже в мансарде бедняжка обессиленно рухнула на пол, подоткнув себе под бока то одеяло, что оставил ей Барти. Было немного холодно, и ветер пробивался сквозь широкие щели в крыше, но Анна не хотела перебираться отсюда. Раньше Анна почти не бывала в мансарде и не проявляла к ней особого интереса даже в детстве, лишь иногда забегая посмотреть на то, как в ней ничего не поменялось, и теперь оттого, что с этой комнатой у девушки почти не было связано никаких воспоминаний, она была лучшим из всех мест, куда бедняжка могла уйти после завершенных ею забот и вновь остаться наедине со своим горем. Она закрыла глаза. В ее ушах звенело, а в мозгу плавал студень. Возможно, так и чувствуют себя люди, чья жизнь стояла на основе их отчаяния. Всего за пару дней Анна достигла и пропустила через себя те степени страха, которые многим людям ни разу не доводилось испытать и за весь отведенный им срок жизни.

— Ты не спишь! — услышала она у себя над головой и

очнулась. Над ней возвышался Барти, его лицо нависло прямо над ней. Она и вправду не спала, но снова не услышала, как он поднимался и когда успел войти. Как ему это удавалось?

Больно оттолкнувшись локтем от деревянного пола, Анна быстро села, ее сердцебиение участилось. Она не могла знать, что было целью его визита на этот раз, но тому, что он пришел, была совершенно не удивлена. Она знала, что он придет и не заставит ее ждать себя долго.

— Разве не хочешь узнать, где я был и что делал? Ты можешь задавать мне вопросы, но только когда я тебе это разрешаю. — вкрадчиво произнес Барти. Он уже придумал для нее новый вид моральных пыток и теперь собирался разрушить выбранную ею технику молчания.

— Как... как прошел твой день? — робко выдавила она из себя, хотя предпочла бы не знать о тех ужасах, которые он творил.

— О, очень хорошо. Я убил... — Барти сделал паузу и не по-доброму ухмыльнулся, отчего по спине у Анны пробежал противный холодок. — Ну ладно, не только я. Мы убили этой ночью несколько семей. И в одной были эти мерзкие полукровки... — Парень скрежетнул зубами и обхватил себя за голову. Анна знала, что Пожиратели просто ненавидели нечистокровных волшебников. — Они быстро поняли, что бороться бесполезно и молили их не убивать, но я не удержался, чтобы не подарить им много пыток, и хотя и пытался обуздать себя, чтобы не терять много драгоценного времени, все же не смог лишиться себя этого удовольствия. Мне нравилось, как они кричали. Интересно, как кричала бы ты, если бы я не проявил к тебе свою милость?

Анна перебирала кончик одеяла между пальцами. Она не знала, как бы она смогла терпеть такую сильную физическую боль.

— Я спросил, как кричала бы ты?! — Барти впери в нее взгляд и повысил голос. — Отвечай!

— Наверное, очень громко...

— Да. Так бы все и было. Ведь ты такой же обычный человек, — спокойно сказал он, будто думая о чем-то своем. Он вел себя очень странно. То злился, то мгновенно успокаивался, то вообще закрывался в себе. Чего от него стоило ожидать? Анна не могла угадать. — А что насчет твоих родителей? Боишься за них? Беспокоишься? Думаешь, что

больше никогда не увидишь? Ведь вернуть их теперь просто невозможно

— Зачем ты делаешь это? - Анна несмело перебила его, оторвав взгляд от пола. Пусть говорит что хочет о ней, мучает ее, только ни слова о них. Он не достоин даже упоминать ее родителей, но, пока это причиняет Анне такую боль, Пожиратель будет продолжать это делать. — Тебе нравится, когда люди беззащитны перед тобой?

— Делаю что? - зашипел парень, опустившись на колени прямо перед ней. Он ждал этого, ее реакции, и он ее получил. — Я просто говорю то, что есть, и больше ничего. Уж не надеешься ли ты, что когда-нибудь, по какой-нибудь счастливой случайности, я не угляжу за тобой, ты выберешься и непременно их найдешь?

Анна молча кусала губы. Это было бы слишком хорошо, и она хотела надеяться на это, но понимала, что...

— Это невозможно! Не будь глупой, ну же! Твоя свобода для меня главная опасность, поэтому я буду придирчиво осторожен. Ведь если бы ты и выбралась, то тут же забыла о родителях и всем прочем и первым делом бежала, чтобы вернуться ко мне с огромным хвостом министерских шестерок. Ну как, что скажешь? Неужели то, что я не прав?

Это было неприятное чувство. Он был так близко, и он смотрел Анне прямо в глаза.

— Но даже если и не прав, что ж... Ты здесь, и я здесь. И здесь мои правила.

«Вот зараза, повторяется», подумала Анна. Он уже не один раз говорил ей об этом. Девушка молчала. Это должно было скоро закончиться. Главное держаться, не давать реакции, тогда она снова станет ему неинтересна, и он оставит ее.

— Даже не знаю, к чему ты привыкла за свою жизнь... — его речь текла долго, спокойно и мелодично. Он больше не психовал, не срывался на нее. Сейчас суть его слов была только в их смысле, и он старался причинить ей боль правдой, открыть Анне глаза на ее собственную жизнь и сделать это искусно, со всей присущей ему жестокостью, будто впитанной им с материнским молоком.

Анна старалась отключить мозг, не слушать, не воспринимать это болезненно, стать менее уязвимой. Волшебнице был неприятен сам факт того, что он сидит рядом с ней, но выбирать не приходилось. Только терпеть.

— Эй, так нечестно. Ты не слушаешь меня, — заметив остекленевшее выражение во взгляде Анны, Барти с силой тряхнул ее за плечи. Она просто не обращала на него внимания, и внутри него снова начала расти злость. — Если неинтересно, можем поговорить о чем-нибудь другом. Может хочешь знать, как я убил Болстеров и ждешь, когда я уже расскажу тебе об этом? Они жили почти по соседству. Ты дружила с их дочерью? Может, и с их сыном-пухляком была знакома?

И правда, была. В последний раз Анна виделась с ними не так уж и давно, еще когда они были живы...

— Нет, так не пойдет. Раз не хочешь говорить, что думаешь по этому поводу, я сам это увижу. Смотри на меня! — Барти говорил повелительным тоном. Именно так он общался со своими жертвами, принуждая их к чему-то жестокому. Анна повернулась. Она знала, что то, о чем он будет говорить, будет больно для нее, и в ее глазах уже стояли слезы. — В тот день они не очень-то были расположены умирать. То есть, совсем не собирались этого делать. Обычно ближе к вечеру люди запирают все свои двери. Никто не хочет видеть нас или подобных нам на пороге своего дома, и Болстеры ничем не отличались от других. Но, видимо, в тот вечер они ждали гостей, их входная дверь была открыта, и из дома лились звуки музыки. И кто бы мог подумать, что главными гостями для них окажемся мы? Они вот точно этого совсем не ожидали, и когда мы пришли, никак не хотели оказывать нам радушный прием.

Анна уже не сдерживала слез. У Болстеров и правда было много друзей. Они были самыми добродушными из всех, кого она когда-либо знала. Эти простые люди до последнего думали, что рейд Пожирателей обойдет их стороной, ведь «зачем мы им нужны? В мире много сильных волшебников, они гораздо сильнее нас, и скорей уж эти колдуны захотят прийти за ними, чем за нами». Именно так однажды сказал Финн, отец Тома и Катрин, пытаясь сказать своим детям, что все будет хорошо. Вот только Пожирателям не нужен был повод, чтобы нападать, убивать целыми семьями.

— Мальчишка раздражал больше всех. Он бросался всем под ноги и визжал, я убил его раньше всех, лишь бы он уже заткнулся. А его отец, этот тупой толстяк, лишь размахивал палочкой, но ни разу так и не произнес ни одного

заклинания. И он правда надеялся защитить этим свою семью?

— Хватит. Достаточно. Их уже нет, — Анна утерла слезы, сказав это самой себе, но Барти принял это на свой счет.

— Правильно. Уже нет. Уже нет, — повторил он, не позволяя Анне перестать думать об этом ни на секунду. - Но это же не значит, что мы не можем поговорить об этой семейке? Ведь в наших воспоминаниях они еще живы. А твои родители? Ты упорно не хочешь говорить о них, будто это запретная тема. Да, им повезло чуть больше, но хватит радоваться за них. Слышишь, перестань быть такой счастливой! Я не знаю где они и куда попали, но обещаю, - Барти наклонился к самому уху Анны, щекоча девушку кончиками своей челки. - Если когда-нибудь встречу их снова, обязательно убью. Не сомневайся, я сделаю это ради тебя.

Почему он говорил все это? Что плохого она ему сделала? Какими были его мотивы, кроме слепой жестокости, управляющей всеми его поступками? Слушать было уже невозможно. Он снова вспоминал ее родителей. Как она могла все это перетерпеть?

— А что насчет твоих родителей? — Анна отстранилась и уверенно взглянула на него. Она все еще боялась, понимала, что может вызвать агрессию Пожирателя в любую секунду, ведь для этого не надо было прикладывать усилий, но она не могла постоянно позволять ему оскорблять ее маму и папу, давить на ее больное место. - Где они сейчас находятся? Они, вообще, живы, раз позволяют своему сыну заниматься такими темными вещами?

Барти онемел. Он не ожидал того, что она может быть такой дерзкой, задавать ему такие вопросы. Девушка уже была готова к тому, что он проучит ее, укажет ей на ее место, но парень, явно не ожидая, что ему будет оказано сопротивление, не так быстро пришел в себя.

— Мои родители хотя бы находятся в этом измерении, в отличие от твоих! - по-змеиному зашипел он ей прямо в лицо.

— Это не имеет значения. Они знают, чем ты занимаешься? Одобряют это?

Барти не ответил, но смотрел на нее по-злому, предупреждающе. Он как будто стал уязвим, а Анна,

наоборот, нашла в себе силы:

— Ведь ты не всю жизнь был таким. Они заметили, когда с тобой начали происходить первые изменения? Попытались удержать тебя на верном пути?

— Хватит! ХВАТИТ! ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? — Барти вскочил на ноги, зарывшись пальцами в свои растрепанные волосы. — ПОЧЕМУ ТЫ ВДРУГ СТАЛА ГОВОРИТЬ? КТО ДАЛ ТЕБЕ ТАКОЕ ПРАВО?

Анна снова задрожала мелкой дрожью. Они были одни в этой комнате, во всем доме, и вся его злость была направлена на одну нее, но она, подстрекаемая собственной болью, уже не могла молчать. — О чем ты мечтал в детстве? В школе? Стать Пожирателем? Когда и как ты понял, что тебе нравится делать несчастливыми других людей? Дело только в идее Лорда? Почему ты подчиняешься ему?

— ЗАМОЛЧИ! ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ? ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВО ГОЛОСА! Я СКАЗАЛ, ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЗАДАВАТЬ НИКАКИХ ВОПРОСОВ! ТОЛЬКО ОТВЕЧАТЬ НА МОИ! Я ПРОСТО УБЬЮ ТЕБЯ ЗА ТВОЮ ДЕРЗОСТЬ!

Убьет? Что ж, и пускай. Лучше просто закончить все это, чем постоянно терпеть его издевательства.

— Неужели таким тебя хотели видеть твои родители, друзья, учителя? Ты, вообще, когда-нибудь любил, ценил в жизни хоть кого-то?

— ГОСПОДИ, ТЫ ВСЕ ЕЩЕ ГОВОРИШЬ! БУДЕТ ПРАВИЛЬНО ВЫБИТЬ ИЗ ТЕБЯ ЭТУ ДУРЬ!

Анна была готова к тому, что Пожиратель наградит ее Круциатусом за сказанные слова, но он только метался по комнате, чуть не вырывая себе волосы от злости на нее. Он не мог заставить ее замолчать! Это была всего лишь трусливая девка, и он был вне себя от злости. Пару раз кинувшись на стены, обезумевший Барти, кинув на девушку убийственный взгляд, бросился прочь из комнаты, громко хлопнув дверью. По какой-то причине он не тронул ее, хотя ему этого хотелось.

Часть 3. Свидетельница чужого разговора

Прошло довольно много дней с тех пор, как Барти, Пожиратель Смерти, заточил Анну в ее собственном доме. Время для Анны тянулось медленно, и когда она со скуки слонялась по комнатам, чаще ловила себя на мыслях, что дом все меньше напоминал ей о родителях и беззаботном детстве. Она уже начинала ненавидеть старый особняк, будто в том, что она оказалась заточена в нем жестоким Пожирателем, была вина самого дома.

Но больше всего, конечно, она ненавидела самого Пожирателя. Всерьез думала о том, что лучше б он убил ее еще тогда, при первой встрече, а когда Барти приходил к ней по ночам, в очередной раз собираясь довести ее до слез, Анне каждый раз хотелось спровоцировать его, заставить произнести то запрещенное, которое он применял каждый день, и покончить с этим, но надежды на то, что когда-нибудь, возможно, Пожирателя все-таки поймают, накажут и убьют, и она, обретя свободу, отправится на поиски своих родителей, не позволяли ей сделать этого. Один раз, когда Барти был дома, она спустилась вниз и даже осмелилась осторожно спросить у него где, по его мнению, могли находиться ее мама и папа, но Барти лишь разозлился, прогнал ее из комнаты и запретил интересоваться этим впредь. В тот вечер Анна была особенно расстроена и очень долго плакала. Ну почему он не убил ее? Ему просто был нужен объект для постоянной тирании и насмешек. Других своих жертв он видел только во время рейдов и справлялся с ними быстро, с Анной же он был за закрытыми дверями и мог издеваться над ней всегда, когда хотел этого, и когда ему было это удобно. И Анна бы терпела его спокойно, если б он не давил ей на самое больное. Но он давно понял, что беспокоило девушку больше всего, и даже не думал ее жалеть, каждый раз поднимая свои любимые темы.

Свободное время Анна проводила, перечитывая книги в домашней библиотеке. Иногда она даже находила в них загнутые страницы, отмечающие место, на котором остановился такой же любитель почитать, сидящий здесь ранее на этом же самом кресле. Анна знала, что ни у кого в ее семье не было привычки так загибать страницы, образовывая на них излом. Находя такую книгу, она тут же ставила ее на место и уже больше не доставала вновь. Такое

обращение к книгам казалось ей грубым и достойным лишь уровня Пожирателя. Анна поняла, что Барти тоже приходил почитать сюда, хотя и не могла в это поверить. Ведь книги в их библиотеке были для совсем легкого чтения, и то, что Барти проявлял к ним интерес, никак не вязалось с его образом безжалостного убийцы и не укладывалось в голове девушки.

Барти сидел в темной гостиной после очередного ночного рейда. Когда он только вступил в Пожиратели, убийства неверных стали приносить ему редкое удовольствие, ради которого (и ради Лорда, конечно) он, недолго думая, и решил обосноваться в группе. Своими стараниями и изощрениями в жестокостях, на которые он шел с искренним желанием, он смог быстро заслужить как уважение, так и зависть в своих кругах. Почти каждый только и ждал того, что темный маг оступится, уже не сможет вернуть себе прежнее положение, и уж тогда именно он займет место рядом с Лордом вместо Барти. Опасные миссии сменяли друг друга, но вскоре даже похождения в команде с Лейстрейнджами и Долоховым начали надоедать парню. В мире развелось так много нечистокровных и «ненастоящих» волшебников, что спустя полгода жизни, полной крови и убийств, Крауч начал сомневаться, что его короткой жизни хватит, чтобы запытать их всех. Суровый нрав все еще не позволял парню просто и быстро убить, но со временем он начал измываться над людьми уже с меньшим остервенением, хотя любого другого человека бы не перестала удивлять такая жизнь, и каждый день поражала его своей жестокостью. Пожиратель просто ходил и убивал, это по-прежнему приносило ему удовлетворение, но уже не подкрепляло его, не давало ему мотивацию и желание жить. И только недавно мотивация и желание снова вернулись, но парень не сразу понял в связи с чем это произошло.

Почему же он все-таки не убил Анну в ту ночь? (он узнал имя девушки, когда просматривал вещи в ее комнате, желая немного узнать о своей жертве, и нашел ее документы). Барти понимал, что эта девушка была для него достаточно симпатичной. Он сразу обратил на это внимание, еще когда впервые увидел Анну на полу. Именно в тот момент в его

голове щелкнул переключатель, и, даже не обдумав это как следует, он решил оставить девушку для себя. Дни сменяли дни, он привыкал к ней, и она нравилась ему все больше. Ему уже не хотелось кричать и издеваться над ней, но он не мог остановиться, хотя и не понимал, зачем продолжал это делать. Он заставлял Анну страдать, и девушка ненавидела его, иначе и быть не могло, но в итоге Барти решил, что пусть все будет дальше и так. Главное, что он не распрощается с ней. Она всегда будет проклинать его, а он возвращаться к ней снова и снова.

В эту ночь Барти не пошел к Анне. Вернувшись домой, он сразу сел в кресло, начал думать и ждать единственного человека, которого он мог назвать своим другом даже не смотря на то, что тот знал о всех его самых низких и ужасных поступках и все равно не брезговал его обществом. Он ждал в гости Регулуса Блэка, мага и Пожирателя, с которым они были на долгое время разлучены обстоятельствами, пока день назад группы их обходных рейдов случайно не вышли друг на друга, и старые друзья, бывшие сокурсники Слизерина, смогли встретиться вновь.

Раздался стук в дверь, и Барти снял заклятие с двери. Вскоре к нему прошла фигура в темном плаще. Регулус уже был осведомлен, что Барти поселился в этом доме тайно, поэтому закрыл свое лицо, чтобы на всякий случай остаться неопознанным для всех, кого встретит на своем ночном пути.

— Присаживайся, Рег, не стой столбом, — пригласил его Барти. Регулус занял кресло рядом, и скинул капюшон.

— А где та девчонка, твоя сожительница? - сразу заинтересовался он, осматривая темную комнату.

— У себя. Она живет наверху, на мансарде под крышей, и почти не выходит.

— Еще бы. Уверен, ты здорово ее запугал.

Барти не стал хранить в тайне от Регулуса то, что взял в плен девчонку. Он доверял этому парню, и сразу принял решение рассказать ему о ней.

— Вовсе нет. Напротив, я сказал, что она может свободно перемещаться и ходить где ей вздумается. В пределах дома, разумеется. Ее проблемы, если она этого не расслышала или как-то неправильно поняла.

— Так и я бы на ее месте не выходил. Небось только и делаешь, что издеваешься над ней да доводишь до слез, —

хохотнул Рег. Барти хмыкнул, когда Блэк так четко угадал все то, что он делал с девчонкой.

— А что еще с ней делать, позволь узнать? — язвительно спросил Барти.

— Вот что бы ты, умник, делал?

— Я? Ну, не знаю. Убил бы, я так думаю.

Они оба замолчали. Барти расхотелось язвить. Регулус подвел разговор к тому вопросу, который Крауч и сам часто себе задавал. Зачем, ну зачем он оставил ее?

— Ну так что, расскажешь сам, зачем она тебе понадобилась? Или я додумаю ответ за тебя.

— Убирать в доме. Она моя служанка, — быстро соврал Барти.

— Да тебе дела до этого нет! — не поверил Рег. — Ты и сам не прочь навести беспорядок везде, где бы ни появился. Да и вообще, неплохо было бы для начала начать с порядка в своей голове!

— Я не захотел убивать ее.

— Как быстро ты сменил ложь на правду! Регулус хлопнул в ладоши. Барти захотелось хлопнуть ему по лицу, но он сдержался. Все-таки Рег был его единственный друг, и Крауч ценил его общество.

— Да, я не захотел убивать, но если бы она все-таки умерла в ту ночь, я бы не очень расстроился. Поэтому не надумывай чушь!

— Тогда пойди и убей ее сейчас.

— Чего ты пытаешься добиться? — прорычал Барти.

— Ничего, просто интересно, к чему приведет тебя твое издевательство над самим собой. Постарайся проявлять хоть чуть мягкости к бабе, иначе так от нее ничего и не добьешься. Ты же уже оставил ее себе, так хватит упрямо верить в то, что не сможешь получить от нее нормального человеческого отношения. Мы с тобой оба натворили дерьма и натворим еще столько же, не меньше. Она еще будет противиться этому факту, но раз уж ты все равно не даешь ей выбора, свыкнется с этим со временем, и вот тогда значение будет иметь только твое отношение к ней.

То, что говорил Регулус, звучало правильно, но Барти не умел быть более мягким. Он даже не мог представить себя более спокойным и выдержанным, а когда пытался это сделать, все его внутреннее естество переворачивалось от возмущения, не желая даже в теории уживаться с этим

образом.

— Я не могу строить из себя дурака. Ты же знаешь, я это я, и другим мне не стать.

— Да, да. Твой отец, уважаемый человек и старый засранец, приложил руку к тому, чтобы ты думал именно так.

— Я не хочу слышать об отце! - Регулус умел попридержаться правду, но когда видел, что Барти нуждался в ней, никогда этого не делал.

— Твой отец бил тебя. Все проблемы идут из детства. А в твоём детстве не было любви.

— Да знаю я! — Барти взорвался, когда Регулус попал по его больной точке. — Мой отец издевался надо мной как только хотел, а матери было просто все равно! И да, я хотел и до сих пор хочу любви, тепла и ласки, потому что никогда, НИКОГДА этого не видел и НИ ОТ КОГО не получал! Я бы хотел, но я лишь мерзкий убийца, Пожиратель Смерти, и все в ужасе при виде меня, а мое имя приносит страх! Я стал таким и не жалею, да и ты, о нравоучитель, ничем не лучше! Ну как, ты рад, что довел меня?!

— Наверное, рад. — К удивлению Барти, Регулус весело смеялся.

У Пожирателей было специфическое понимание юмора, причем у каждого оно было свое, и когда кто-то из них вдруг находил причину веселья, это могло остаться непонятым его другом. Осталось таковым и в этот раз.

Анна лежала на полу своей мансарды, так же как и каждым поздним вечером. Она научилась определять время по своим внутренним часам и уже давно перестала смотреть на настенные, неспособные сообщить ничего, чего бы она не знала сама. Всего на мгновение ей слышались голоса. Казалось, будто говорил Барти и кто-то еще. Это было странно. Она знала, что Барти скрывал себя и ее от всех, никому не рассказывал о месте своего нахождения, поэтому никогда не приводил в дом гостей, и, хотя обычно ей не чудились никакие звуки, она все же решила, что ей показалось. Тем более услышать хоть что-то с мансарды и вправду было сложно. Но вдруг до нее донесся еще и еле слышный хриловатый смех. В доме точно кто-то был. Неужели это те Пожиратели как-то вышли на своего

напарника и решили заявиться к нему без приглашения? Если да, Анна уже представляла, насколько в ужасе был Барти оттого что его застали врасплох. Это был ее шанс! Сейчас она могла не только отомстить, выйдя к ним и показавшись им на глаза, вызвав у них этим массу вопросов к Барти, но наконец и покончить с этим. Та темноволосая ведьма уж точно бы вспомнила ее и на этот раз не упустила возможность убить.

Подумав об этом, Анна выскочила из комнаты, устремившись вниз по лестнице. До этого мир еще не видел человека, который так стремительно бежал навстречу смерти.

— Я НЕ ХОЧУ СЛЫШАТЬ ОБ ОТЦЕ! — вдруг взорвался Барти, и это заставило Анну остановиться. Барти даже и сам не представлял, как сильно он орал.

Анна присела, ей было легко спрятаться в темноте. Чем дольше она слушала разговор Пожирателей, тем интересней он становился. Так вот почему парень выходил из себя, когда она спрашивала его о родителях!

В эту ночь девушка узнала о Пожирателе больше, чем за всю их совместную жизнь.

Часть 4. Забота и терпение топят лед

Всю прошлую ночь Анна промучалась от раздумий, но в этот раз раздумья девушки не сводились к жалости к самой себе. Из головы Анны не выходил Барти и тот разговор, свидетельницей которого она стала.

За все то время, что девушка знала Пожирателя, ей ни разу не приходило в голову, что его злость к людям и окружающему миру породила такая же злость по отношению к нему, наточив ее как постоянно падающая на камень капля. Его отец бил его. Его отец ненавидел и всю жизнь придумывал своему сыну недостатки, а когда сам же и вырастил из него чудовище, тут же отвернулся от него и изгнал из семьи, не понимая, причиной чего послужило такое становление личности Барти.

То нежелание Барти затрагивать эту тему спустя стольких лет обид и унижений, которое он выказал поначалу, было логично и понято Анной, но его признание не только перед другом, но и перед самим собой в том, что он всю жизнь хотел и до сих хочет лишь любви, тепла и внимания

вместо того, что преследовало его и чем он сам окружил себя, ведомый обидой и непониманием, удивило девушку. Она распознала настоящую искренность в его словах. Подслушанный разговор будто вывел ее на стадию взросления, Анна поняла, как была наивна, когда думала, что люди сразу рождаются либо плохими, либо хорошими, и, отталкиваясь от этого начала, выбирают себе цепь действий, целей и поступков.

Хлопнула дверь. Анне тут же захотелось, как обычно, убежать на мансарду спрятаться там, будто это не она твердо решила этого не делать. Девушка напонила себе, что желание скрыться от парня вкоренилось в ней и дало сигнал по старой привычке. Она вдохнула, успокоилась и осталась на месте.

— Ты здесь? — удивился Барти, пройдя в гостиную. Его долгая ночная жизнь позволила ему приобрести неплохую способность видения в темноте.

— Здесь, — ответила Анна, уже усвоив, что на вопросы Пожирателя всегда надо отвечать.

Барти прошел и сел на диван. Он несколько раз зыркнул в сторону Анны, и, пытаясь не придавать значения тому, что она до сих пор находилась в гостиной и вроде даже не собиралась уходить, взял «Ежедневный пророк» и, закрывшись его большими страницами, принялся водить глазами по новостям газеты.

— Как... Как прошел твой день? — Анна собиралась быть доброжелательной, но пока ее вопрос прозвучал лишь просто и робко.

— Мой? — Барти был удивлен, что девушка первой заговорила с ним. Обычно парень сам заставлял Анну спросить его об этом, чтобы поиздеваться над ней. Он собрался возмутиться тому, что она отвлекала его от чтения, но почему-то не смог.

— Хорошо. — «Убил столько-то людей», также хотел добавить он, но воздержался. Барти вернулся к газете, но уже не был способен сосредоточиться. Анна обдумывала следующий вопрос.

— Может, чаю? — девушка снова подняла глаза на диван. Она не видела в темноте также хорошо, как он, но слышала его голос и знала, что парень был где-то там. — У нас в кладовке есть замечательный сухой чай. Летом мы всегда собирали, а потом круглый год заваривали его, —

Анна сказала даже больше, чем рассчитывала, и решила, что пока не нужно попусту распылять слова. - Ну так... как насчет чаю?

— Ты предлагаешь мне чай? — переспросил Барти, будто сомневался, что не все понял правильно.

— Его стоит попробовать. Он прекрасен.

— Ну... Почему нет?

Когда Анна спустилась в кладовую с мерной чашечкой, чтобы правильно выдержать все пропорции в приготовлении идеального ароматного чая, и, заварив сухие листья дымящимся кипятком, разлила его по маленьким сколотым кружкам, она ощутила себя так, будто вернулась назад, в то спокойное беззаботное время, когда все было так хорошо. Вернувшись в гостиную с подносом, Анна зажгла маленькую настенную лампу, отдавшую комнате свой тусклый свет. Ее освещения хватало, только чтобы образовать дорожку от стены до дивана, но этого было достаточно. Анна прошла и поставила чашку на стол перед Барти, а потом вернулась в свое кресло. Барти шепнул заклинание, проверяя содержимое своей кружки, и сделал осторожный глоток.

С тех пор как Анна начала проявлять заботу к Барти, ее жизнь стала спокойней, и хотя девушка по-прежнему пребывала в безысходности и у нее не было цели, но в ее душе поутихло трагизма, а проходящие дни начали казаться ей лучше. Каждый вечер Анна дожидалась Пожирателя в гостиной, готовила ему чай, спрашивала, что он хочет на ужин. Теперь вопросы задавала она, и Барти, каждый раз удивляясь, что девушка сама разговаривала с ним, медлил с ответом, но всегда отвечал. Барти все также уходил, возвращаясь домой ближе к ночи. Он по-прежнему убивал людей, Анна знала об этом. Но в то же время ей казалось, что по отношению к ней он стал более мягким. Он больше не орал и не запугивал ее. Она интересовалась его делами и говорила ему «до вечера», когда он отправлялся в ночной рейд, будто он не занимался чем-то ужасным. И один раз парень даже ответил «до вечера» ей.

Однажды она резала свинину на кухне, когда нож полоснул ее по руке. Она вскрикнула, потекла кровь, и девушка не помнила, чтобы Барти был рядом, но вдруг она

почувствовала, как он сжимает ее кисть, оглядывая рану. После он протянул ей бинтовой моток, посоветовав аккуратнее орудовать острыми орудиями впредь. Вот и сейчас, взяв сборник романтических рассказов из библиотеки и перейдя с ним на диван, Анна поражалась тому, что эту же книгу читал Барти. Он даже оставлял в ней отметки, выделяя полюбившиеся фразы героев карандашом. Это никак не вязалось с его суровым образом Пожирателя Смерти, и девушка не уставала удивляться тому, каким противоречивым был его внутренний мир.

— Анна, ты здесь? — вдруг услышала она. Обычно Анна слышала, как Барти возвращался, но в этот раз она слишком увлеклась изучением его психологии, делая выводы по подчеркнутым им предложениям. Она быстро спрятала книжку под подушку.

— Да, я в гостиной, — в ответ позвала она.

Барти вошел и сел поодаль на другой конец дивана. Он повернулся к ней и сложил руки на коленях. — Ты что-то хотел, Барти?

— Да, позволь сказать.

— Конечно, — Анна позволила.

— Недавно я стал думать о тебе, мне и твоём положении в доме. Я не буду спрашивать, хотела бы ты вернуть родителей. И так знаю, что хочешь.

Анна молчала. Конечно, он не мог, но с чего вдруг он решил заговорить об этом? Тем более ранее он сам дал понять, что тема родителей — запрещенная в этом доме.

— Но я мог бы дать тебе возможность отыскать их самой. Я предлагаю стереть тебе всю память обо мне и всем том, что происходило с тобой последние два месяца. После этого я покину тебя, и ты больше никогда меня не увидишь. Ты будешь помнить лишь о том, что твои родители были по ошибке направлены Пожирателями в другое измерение, и сможешь отправиться на их поиски. Все будет в твоих руках, как ты этого и хотела.

Анна не могла поверить своим ушам. Как он пришел к тому, чтобы предложить ей это? Да он просто обезумел!

— ДА НЕ СМОТРИ ТЫ НА МЕНЯ КАК НА СУМАСШЕДШЕГО! — вдруг заорал он, подскочив. — Я НЕ СПЯТИЛ!

— Ты не спятил и не обезумел. С тобой все хорошо, — принялась успокаивать его Анна, лишь бы он не кипятился.

— Я решил это не просто так! Мне казалось, что мне нравится издеваться над тобой, но я лишь измучился сам. Еще тогда, когда я впервые увидел тебя на полу и то, какая ты милая, ты понравилась мне, хотя я и отказался признавать это! Я привыкал к тебе, и теперь вот, я люблю тебя! И я никогда не смогу оставить тебя! Даже когда ты забудешь обо мне, я все равно буду тебя навещать, но ты этого никогда этого не узнаешь! Я должен дать тебе свободу, но не смогу оставить тебя!

Схватившись руками за голову, он выбежал из гостиной. Анна хотела окликнуть его, привести в чувство, но не смогла. Все это время девушка лишь хотела вернуть Барти его человечность, сделать хоть чуть добрее, но она и не думала, что он мог ее любить. Теперь Анна не знала, как ей реагировать на признание Пожирателя Смерти. Она понимала, что Барти и не ждал от нее взаимности, но все же собрал все силы, чтобы рассказать ей о своих чувствах.

Только Барти не мог себе и представить, что Анна тоже не сможет забыть его даже после Обливейта, примененного к ней.

STASYA VASILEVA

Неожиданное признание

Гермионе казалось, что он чем-то обеспокоен или огорчён. Сидя одна за столом в гостиной Гриффиндора и делая вид, что читает книгу, она незаметно наблюдала за ним. Она была на пятом курсе, а он на седьмом. В этот час в гостиной было совсем мало студентов - половина учеников всё ещё ужинала в Большом зале, а другая половина разошлась по спальням. Фред только что вошёл в гостиную и уселся за столик в другом конце помещения. Он сидел с необычайно серьёзным для него лицом и пытался делать домашнюю работу. Весьма нетипичное для него состояние.

Вдруг Грейнджер в каком-то необъяснимом порыве схватила блокнот, который всегда носила с собой и в котором записывала свои мысли по тому или иному поводу, и принялась писать на нем большими буквами:

"Ты в порядке?"

Неожиданно Уизли повернул голову в ее сторону и посмотрел на Гермиону. Его взгляд был грустным, но Грейнджер заметила, как его ярко-голубые глаза блеснули, когда он увидел ее. Девушка показала ему надпись. Фред неожиданно улыбнулся и принялся чирикать на своем пергаменте:

"Да, все хорошо." - прочла Грейнджер.

"Тогда ладно." - был ответ Гермионы.

Уизли лишь отвёл глаза. И тут Гермиона решилась. "Я тебя люблю." - начала она писать в своем блокноте, но вдруг Фред встал, быстро взял в руки свои учебники и ушел по направлению к лестнице в спальню мальчиков. Гермиона с еле слышным вздохом закрыла блокнот и подошла к окну. Темнело. Небо на Востоке уже было усыпано звёздами, но на Западе были все ещё видны последние лучи заходящего майского солнца. Под всем этим великолепием ровной темной гладью лежало Чёрное озеро, а где-то далеко за ним можно было разглядеть возвышающиеся громадной стеной горы, под которыми ярко и приветливо мерцали огни Хогсмиды.

Гермиона смотрела на эту красоту, затаив дыхание, и даже не подозревала, что один рыжеволосый семикурсник стоит на верху лестницы и наблюдает за ней с еле заметной мечтательной улыбкой на лице....

На следующее утро выдалась на редкость хорошая весенняя погода. Стояла суббота, и солнце палило немилосердно. Все до одного ученики Хогвартса высыпали на улицу. Скоро должна была наступить пора экзаменов, и большинство учеников усердно готовились к сдаче СОВ, ЖАБА, или простых переходных экзаменов с курса на курс. Гермиона сидела под раскидистой ивой у самой кромки Черного озера и, пыталась сосредоточиться, читая учебник по Истории магии. Но сконцентрироваться не получалось, она постоянно отвлекалась из-за пения птичек или мыслей о разных пустяковых и не очень вещах.

Вдруг слышались шаги и кто-то сел рядом с ней. Грейнджер повернула голову...это был Фред. Его огненно-рыжие волосы легонько трепал ветерок, из-за чего он часто убирал их со своего бледного веснушчатого и вечно улыбающегося лица. Гермиона невольно засмотрелась, настолько милой и по-домашнему уютной была эта картина.

- Привет.- сказал он, улыбнувшись.

- Привет.- ответила девушка, усилием воли стараясь оторвать взгляд от его васильковых, таких притягательных глаз.

- Как поживаешь?- спросил парень, и вдруг протянул руку и отодвинул непослушную прядь волос с щеки девушки. У Гермионы от этого, казалось бы, простого и невинного жеста перехватило дыхание.

- Все отлично, спасибо,- ответила она, кое-как справившись с эмоциями, бушевавшими внутри нее, и выровняв дыхание,- Готовлюсь вот к экзамену, что и тебе советую.

- Нет, подготовка к экзаменам это не по м...

- Фред! - перебил его громкий девичий голос. Ребята повернулись к говорившей - это была Анжелина Джонсон. Она с явным неудовольствием смотрела на Гермиону и Фреда, сидящих слишком близко друг к другу. - Не забыл, что у нас сейчас тренировка?

- Да, я помню. Ладно, мне пора, прости.- сказал Фред Гермионе, встал и направился к капитану команды по квиддичу.- Пока!- крикнул он, обернувшись напоследок.

Когда Уизли подошёл к Анжелине, она неожиданно, скосив глаза в сторону смотревшей на них Гермионы, обхватила руками его шею и поцеловала. В тот момент дыхание девушки перехватило. Дышать стало тяжелее, сердце ускорило свой ритм, а на глаза навернулись слезы. Гермиона опустила взгляд на книгу. Внутри бушевало отчаяние.

"Он никогда меня не полюбит..."

На следующий день был матч по квиддичу, Гриффиндор-Слизерин. Львы победили, в основном, благодаря Гарри. Гермиона радовалась вместе со всеми. Спустившись вместе с Роном и Невиллом с трибун на поле, она обнимала Гарри, как вдруг увидела, что Анжелина со всех ног несётся к одному из близнецов.

"Наверное, к Фреду. Она же его девушка."- подумала Грейнджер. Но потом увидела, что ошиблась. Анжелина обнимала Джорджа Уизли. А Фред стоял неподалеку и просто смотрел на них.

"Как она могла? - промелькнула мысль в голове Гермионы, - Она ведь его девушка!"

Она не заметила, как Фред украдкой взглянул на них с Гарри, все ещё стоящих в обнимку, а затем опустил голову и тихо ушел с поля....

Вечером того же дня Гермиона сидела в Большом зале на ужине. Настроение было неважным - девушка переживала за Фреда, которого не видела с момента окончания игры. Гермиона пыталась оправдать Анжелину - возможно, она просто перепутала близнецов. Но как можно перепутать с кем-то своего парня? Гермиона, например, с самого дня знакомства могла их отличить. А, если узнать близнецов получше, то можно было найти кучу отличий и непохожестей. Возможно, сказывалось то, что Гермионе почти все это время нравился Фред, она изучила его досконально. Выходит, Анжелина не так уж его любила, раз перепутала с Джорджем.

Вдруг в зал вошёл Фред и сел неподалеку от нее. Гермиона выдохнула с облегчением: выглядел он абсолютно нормально, все его лицо улыбалось, лишь где-то в глубине его голубых глаз затаилась грусть. Но, похоже, никто, кроме Гермионы, этого не замечал. К удивлению Грейнджер, у него в руке был листок бумаги, который он передал девушке:

"Ты идешь сегодня на вечеринку в честь победы Гриффиндора? Было бы классно, если бы ты пришла." - гласила записка. Гермиона быстро нашла в своей сумке перо и чернильницу и написала ниже:

"К сожалению, не смогу. Скоро экзамены, надо готовиться." - и передала записку обратно. Фред грустно вздохнул, пожал плечами и отвернулся.

Но в голове Гермионы уже созрел план.

Она готовилась долго и пришла на вечеринку с опозданием. Но зато была просто сногсшибательна! Белое лёгкое платье, туфли на невысоких каблуках, каштановые волосы спускаются по плечам красивыми кудрями, легкий макияж... Все взгляды тут же обратились к ней. По гостиной пронесся восхищенный шепот.

Она сразу заметила Фреда. Он разговаривал с Ли Джорданом в углу комнаты. Он выглядел очень элегантно и красиво в черном костюме, его бунтарскую натуру выдавал лишь разноцветный яркий галстук и небрежно уложенные рыжие волосы. Вдруг он повернул голову и увидел ее... Он сразу же расплылся в улыбке и пошел по направлению к девушке. Гриффиндорцы расступались перед ним. Все были в ожидании чего-то волшебного и прекрасного. Лишь один человек выглядел мрачным.

- Фред!- послышался голос Анжелины, но Фред не обратил на него ровно никакого внимания. Девушка, покраснев до корней волос, выбежала из гостиной.

Фред подошёл к Гермионе. Они стояли друг напротив друга несколько мгновений. Он смотрел в ее темно-карие глаза, а она - в его голубые. В это мгновение для Гермионы исчезли все вокруг, исчезла гостиная Гриффиндора, ее собственные заботы и переживания, исчез весь мир. Были только его василькового цвета глаза, такие знакомые и родные. Но в то мгновение девушка уловила в них новый, доселе невиданный ею блеск.

И Гермиона решилась, достала из сумочки заветный блокнотик.

"Я тебя люблю"- было написано там красивым ровным почерком.

Сердце Фреда на секунду замерло, он смотрел на листок в руках девушки и не мог поверить. Но вдруг его глаза вспыхнули, он счастливо улыбнулся, залез в карман пиджака и вынул свой блокнот.

" Я тебя люблю"

ARGENTUM LACRIMAM

Чай, Луна и теплый свитер (отрывок)

- Прости, что решили? Я не ослышалась? Да вы все с ума посходили! – сокрушалась директриса Кирова. – Там же магическая война началась! Ты подумала о том, что может случиться с группой одаренных и самонадеянных подростков?!

- Профессор, - я перебила поток бессмысленных укоров, - мы все обдумали и пришли к соглашению, что Хогвартс будет местом нашей практики на ближайшие два года.

- Дорогая, у нас, конечно, заключено соглашение с данной школой магии, но Экспериментальному Отделению Колдовстворца не обязательно туда посылать учеников! Подумайте о себе! Что с вами будет? – внезапно она замолчала. Спустя пару минут директор тихо, почти неслышно спросила: - у тебя были видения?

Я ничего не ответила, лишь обреченно посмотрела на свою собеседницу. Это была уже немолодая, но все еще красивая женщина, ее волосы цвета корицы были уложены в высокую прическу, строгое черное платье было вовсе не обязательно, но она всегда его надевала в рабочие дни, потому что считала, что глава учебного заведения просто обязана подавать пример преподавательскому составу и, что более важно, ученикам. У нее были завораживающие черты лица – прямой нос с едва заметной горбинкой, удивительные глаза изумрудного цвета, всегда казалось, что они смотрят прямо в душу, видят твоё волнение или тревогу, от уголков глаз в стороны разбегались лучиками морщинки. Розовые губы директрисы слегка скривились. Я оторвалась от разглядывания ее лица.

- Ну, что же, давай рассказывай, почему отлученный от рода волшебник, не обладающий в данное время полным объемом магических сил, полез в самое пекло по доброй воле?

Собираясь с духом, чтобы поведать профессору все те страшные моменты чужих жизней, которые я недавно случайно подсмотрела, я начала осматривать комнату, в

которой и происходил этот разговор. В целом кабинет директора мне очень нравился, его стены были обклеены песочными обоями с незамысловатым рисунком, состоявшим из ягод и цветов земляники. В кофейного цвета ковре утопали мои ноги. На одной стене находилось большое окно, освещающее небольшое помещение лучами теплого июньского солнца, по другим же стенам за исключением пространства, где располагался резной письменный стол из карельской березы, привлекающий внимание гостей своими причудливыми узорами, от пола и до потолка располагались стеллажи все из той же березы. Они были забиты всевозможными папками, связками документов, книгами, образцами учебников, классными журналами, которые, как мне всегда казалось, смотрели на меня с каким-то издевающимся выражением обложек. Я всегда недолюбливала эти собранные в книгу листы, во-первых, потому что недолюбливаю их содержимое: там всегда можно увидеть досадные ошибки учащихся. Во-вторых, я не раз сама заполняла эту адскую книжицу, так как была, можно сказать, старостой своего факультета, а из-за того, что мы живем в школе по одиннадцать месяцев, мне эта почетная обязанность осточертела.

Я снова перевела взгляд на профессора Кирову и уже собиралась начать свой рассказ, как почувствовала вставший в горле ком. Честно признаюсь, я расплакалась.

Первая неделя июня обещала быть очень напряженной: у последнего курса вот-вот должны начаться заключительные экзамены. Природа на этот раз радовала учеников теплой погодой. Птицы щебетали с самого рассвета и продолжали петь до самого заката. После того, как солнце скрывалось за горизонтом голоса природы не утихали, всегда можно было услышать робкие постукивания дятлов в лесу, которые боялись разбудить своих пернатых соседей. Перешептывались деревья, пересказывая друг другу таежные сплетни. Пение соловья разносилось по округе, но никто не возражал против прекрасной и трогательной птичьей музыки. Луна восходила поступью цариц на ночное небо, а ее звездная свита незаметно перемигивалась за спиной Белой Госпожи.

Вот и в это воскресенье все было спокойно. В низеньком общежитии магической школы горели окна, мелькая пробегающими в глубине комнат студентами. В одной из таких комнат собралась небольшая компания юных волшебников. Они, казалось, заполнили собой все небольшое пространство комнатки. Куда бы не взглянул зашедший в этот момент человек, он увидел бы чьи-то руки, ноги и головы. Школьники сильно отличались друг от друга. В мягком кресле очень удачно расположился юноша лет шестнадцати, закинув ноги на один из подлокотников, он откинул свою голову на второй, запутавшись рукой в своих черных недлинных волосах. Молодой человек был тощим и высоким. И хотя на первый взгляд он казался нескладным и смешным, друзья им очень дорожили за его легкий характер, чувство юмора и поддержку, которую он мог оказать в случае чего. На одной из кроватей, скрестив ноги, сидела невысокая и пухленькая девушка. У нее были пшеничного цвета волосы, завивающиеся в крупные кольца. На щеках у нее всегда был нежный румянец, такого цвета бывают лишь щечки смущенных маленьких детей. В светло карих глазах золотистыми искорками плясали смешинки. Увидев такого человека на улице, кажется, что у него всегда с собой есть аппетитная булочка с маком или повидлом, чтобы угостить своих близких. В противоположной стороне на второй кровати лежала на животе, положив на сцепленные в замок руки голову, стройная девушка. Ее волосы цвета горького шоколада рассыпались по плечам. Из-под опущенных пушистых ресниц девушка хмуро поглядывала на своих собеседников. На её бледной коже проступали еле заметные веснушки, а на руках виднелись тонкие шрамы и белёсые пятна, оставленные особо едкими зельями. На полу около брюнетки лежала, согнув в коленях ноги, еще одна ученица со светло-каштановыми волосами, которые образовали ореол мягких волн вокруг головы. Ее глаза цвета виски бездумно блуждали по стенам и потолку комнаты.

- Дорогие мои, мы должны выбрать магическую школу для практики. Времени осталось совсем ничего для принятия решения! – нарушая тишину, воскликнула пухленькая блондинка.

- Я бы с удовольствием остался бы здесь, и ты это прекрасно знаешь, Ида, - сказал, скривившись, брюнет, лежащий в кресле.

- Мы все с удовольствием так сделали бы, но если ты вдруг хочешь получить аттестат об окончании школы, то придется еще немного поучиться в другом месте... - после недолгого молчания с кровати в другом конце комнаты донесся голос, - к тому же два года не такой уж длинный срок.

- Мэгги, у тебя есть какие-нибудь предложения? – саркастично приподнял бровь молодой человек.

- Хороших магических школ полно. Я слышала, что в Бразилии есть прекрасная школа и во Франции, а еще...

- Хогвартс. – уверенно и холодно произнесла девушка, лежащая на полу. Она нагло перебила Идэю, которая, не обращая внимания, что вопрос задан был не ей начала перечислять варианты.

- Что? – все взгляды обратились на худую студентку, которая приняла вертикальное положение, сев.

- Я предлагаю отправиться в Школу Чародейства и Волшебства Хогвартс, это в Великобритании, - тихо пояснила девушка.

- Энни, ты уверена, что это хорошая идея. Я слышала, что там сейчас беспокойно, - неуверенно протянула темноволосая Маргарет.

- А мне предложение нравится! – все недоуменно покосились на парня. – Мне всегда хотелось увидеть Англию, но умирать там я не планировал!

- Мэтт! – в ужасе воскликнула блондинка, - как тебе не стыдно!

Начинающуюся ссору предотвратил стук в окно. Кокетливая рыжая сова чинно ступила на подоконник, как только ей открыли. Светловолосая студентка встала с пола и подошла к птице. Погладив сову, девушка забрала письмо.

- Это ответ из дома? – спросила Маргарет.

- Нет, это от Рема, - пробежав глазами письмо, Энни уточнила, - он спрашивает, хочу ли я недельку погостить у него этим летом.

- В деревни? – уточнила Мэгги.

- В Лондоне, Римус собирается остаться на лето в городской квартире Люпинов отдельно от родителей.

- Ты из-за него хочешь в Хогвартс? – спросил парень.

- Не только. Хогвартс является одним из лучших магических учебных заведений, к тому же по рассказам брата я знаю, что там хорошие учителя и школьная

программа сильно отличается от нашей, - невозмутимо ответствовала ему Энн.

- Ой, уже почти одиннадцать. Я думаю нам надо расходиться, завтра первый профильный экзамен в девять начинается, а обдумать все и принять решение мы сможем в течении недели, - здраво рассудила Ида.

- Действительно, - подал голос Мэтт. Он встал и, пожелав спокойной ночи, вышел из комнаты. Его примеру последовала и блондинка, оставив хозяек жилища.

Молча, студентки расстелили кровати, собрали нужные для экзамена книги в сумки и легли спать.

Уже под утро Маргарет проснулась от неясного тревожного ощущения. Открыв глаза, девушка столкнулась взглядом со своей соседкой. Мэгги все поняла без слов: Анна видела явно ни свое и явно ни радужное будущее. Грустно усмехнувшись, брюнетка тихо спросила: «Так значит все-таки Хогвартс?»

Ученики Экспериментального Отделения Колдовстворца всю неделю усердно готовились и сдавали экзамены, лишь ненадолго собираясь по вечерам, чтобы обсудить планы на лето и следующие два учебных года. Изучив некоторую информацию и немного поспорив, Мэтт и Ида согласились, что учеба в Великобритании будет действительно лучшим исходом для всех, к тому же множество смешных и интересных историй, которые ребята не раз слышали от старшего родного брата Энни, сыграли не последнюю роль в принятом ими решении.

- Тише... Тише... Моя хорошая, не плачь... Все хорошо... Я уверена, ты не допустишь того, что увидела, - успокаивала меня директриса. - Я поняла, что практика в Англии необходима. Завтра заходи за документами и своим передай, чтобы про них не забыли. Я сейчас зачитаю, получившийся список учеников, а ты меня поправь, если я где-то ошиблась.

Я кивнула в знак согласия, быстро утирая слезы платком и стараясь не шмыгать носом.

- Итак, Люпиана Агнесс Джит Миллер. Далее... Маргарет Каролина Мидлтон и Идэя Ава Плекс. Ну, и, конечно, Мэттью Нирвани. Никого не забыла? Всех назвала?

- Да, все верно, - я еще раз кивнула в подтверждение своих слов.

- Хотела спросить, как отреагировали Медэлин и Василь?

- О, прекрасно. Утром как раз неделю назад закончил практику в Дурмстранге и намерен подавать документы в Английскую Академию Артефакторики, а Мэдди сейчас сдает экстерном экзамены в Шармбатоне и летом планирует сдавать экзамены на колдомедика. Вы же знаете, она очень талантливый целитель. Решила, что обязательный опыт для защиты диплома наберет в Хогвартсе.

- Какая молодец! Всего на год старше вас, а уже сдает экзамены, чтобы досрочно закончить школу и также экстерном Медицинское Училище. Как я ей горжусь! Ты права она очень талантлива и не менее усердна, что тоже важно! – профессор была довольна, - Ты можешь идти. Скоро ужин, а ты отошла, Энни.

Я улыбнулась на прощание и вышла из кабинета Кировой. Насчет Мэдди Миссфолк она абсолютна права. Медэлин лет с восьми увлекается целительной магией, поэтому ничего удивительного в том, что, усердно учась и практикуясь, она сможет сдать в семнадцать с половиной лет экзамены на лицензию колдомедика, нет.

Я спустилась по мраморной лестнице на первый этаж и прошла в просторную столовую. Моя неизменная компания сидела за столом возле окна, поэтому я поспешила взять свой ужин на раздаче, где работали домовики. Передавая мне поднос, Темник, один из трех эльфов рода Миллер, укоризненно на меня взглянул травянистого цвета глазами на выкате. Да, я перед ним в каком-то смысле виновата. Дело в том, что за последнюю неделю похудела килограмм на пять при том, что я весьма жилиста, спасибо маме. От Люпинов я также унаследовала относительно высокий рост и светло-каштановые волосы, а глаза у меня папины. Зря я вспомнила о семье... Внутри судорожно забился и заскулил зверь, волк не привык сидеть в моем теле безвылазно. Я подошла к друзьям и буквально упала на скамейку рядом с Идой.

- Боже, кто предстал пред наши очи! Неужели сама Миллер зашла в столовую! – с напускным удивлением воскликнул Мэтт. Знаете, иногда очень хочется треснуть его

по голове чем-нибудь тяжелым. Увы, надеждам моим не суждено сбыться.

- Мы уже думали Кирова тебя не отпустит, - поделилась общими переживаниями Плекс. Я искренне ей улыбнулась.

- Тебе надо поесть, выглядишь паршиво, - как всегда задумчиво протянула моя соседка по комнате и по совместительству лучшая подруга и названная сестра.

- Кто бы говорил, Мэгги. Ты вообще на умертвие похожа, - огрызнулась я.

- Ты ешь давай, Маргарет права. Кто на тебя такую костлявую посмотрит? – возмутился брюнет. Я лишь закатила глаза на его слова и принялась трапезничать. К сожалению, волк внутри не заткнулся, поэтому к концу ужина на меня накинута страшная мигрень. Я напомнила ребятам про документы и направилась к себе в комнату.

Наше уютное логово встретило меня тишиной, спокойствием и свежим воздухом. Я прошла через всю комнату, пододвинула кресло и закрыла окно. Вид из этого самого окна был весьма симпатичный: главный корпус, выполненный из белого камня, в четыре этажа слегка загоразживал деревья позади него. Вообще территория нашей школы была невелика. Она включала в себя центральное здание, где на первом этаже располагался просторный холл и два зала: один для физических нагрузок в холодное время года, а второй был для различных объявлений и проведения праздников. На втором этаже были классные комнаты для изучения языков, этикета и некоторых наук неволашбников, например, физики и математики, а также биологии и химии, которые дополнялись Зельями, что проводились в подвале этого же строения, Травами, Астрономией и Магическими Сущностями. Последние предметы проводились в отдельных строениях будь то теплица или Звездная башня. Все остальные магические дисциплины преподавались на третьем этаже. На четвертом располагался кабинет директора, учительская и зал, где проводились совещания. В подвале помимо лабораторий находился склад с оборудованием и ингредиентами. Первый этаж главного здания был соединен небольшим коридором с пристройкой-столовой и кухней там же. В противоположной стороне от первого перехода находился второй, который соединял учебные корпуса с общежитием. Такое расположение

строений объяснилось просто: данное отделение Колдовстворца находилось где-то посреди тайги в Сибири в то время, как основное отделение находилось в районе Уральских гор, где именно никто, естественно, не знает. Причина появления второго филиала было обусловлено тем, что в начале двадцатого века идея общественного равенства добралась до волшебного сообщества, и колдуны решили в качестве эксперимента создать школу для одаренных магов, которые не могли бы по каким-то причинам учиться в общих учебных заведениях. В итоге, вот уже более полувека существует данное место, куда принимают учиться проклятых и благословленных, эмпатов и оборотней, а также волшебников с нестандартными способностями. За счёт того, что на каждом курсе, а их девять, учится не более пятнадцати человек, учителя, которые тоже в большинстве своем по каким-то причинам были отвергнуты обществом, имеют возможность почти индивидуально заниматься с учениками. Здесь было разделения скорее даже не на факультеты, а на профили, я вот училась на факультете рыси и волка, наш цвет фиолетовый, и у нас упор делается на боевые заклинания и различные теоритические направления. Учатся тут всем курсом, классы маленькие из-за отсутствия большого количества учеников, а в общаге живут так, как дружат между собой. Но все же отделение остается экспериментальным, и чтобы студенты могли доказать мировому сообществу, что безопасны и владеют достаточным количеством навыков и знаний, приходится договариваться со школами волшебства на учебу в течение двух лет и последующую сдачу ЖАБА.

Моя голова начала проходить, и я почувствовала сильную усталость, еще бы ее не чувствовать, когда почти неделю из-за судорожной зубрежки материала, который и так прекрасно знаешь, не успеваешь поест и поспать. Подойдя к своей кровати и отдернув балдахин, я увидела, что на моей кровати со всеми удобствами устроился питомец соседки. Я с укором посмотрела на белого удава: - Сашик, вот тебе не стыдно, тело ты безногое, а? Змей развернулся из кольца, потерся макушкой о мою протянутую ладонь и с величественным спокойствием свалил с моего спального места. Я лишь усмехнулась и залезла под одеяло, вскоре я отключилась так и не дождавшись Мэгги.

На следующий день я проснулась к обеду и засобиравшись на оный. Приняв легкий душ в конце коридора, я, завернувшись в полотенце, побежала обратно в комнату. Я забыла школьную форму, которую мне суждено было надеть сегодня в последний раз. Она сиротливо лежала на кровати. Аккуратно переложив вездесущее пресмыкающееся, я быстро надела черное закрытое платье с белым воротником, белые гольфы и удобные черные лодочки на небольшом каблуке и побежала в столовую. Друзья уже ждали меня, как и мой обед на подносе.

- Привет, одиночка! Мы думали ты уже лапы протянула, - ухмыльнулся Мэтт.

- Не дожدهшься! – ответила я, показывая ему язык. Рядом с подносом оказалась папка с моими документами. Я их быстро просмотрела, чтобы удостовериться, что все на месте. – Спасибо большое!

- Не за что, - ответила Маргарет. Она с хмурым видом читала письмо.

- Что-то случилось? – тут же поинтересовалась я, принимаясь за суп.

- О, это история о том, как крошка Мэг без роду и племени, обрела злобную родню и огромное состояние! – воскликнул Мэтт, кося под безумного идиота.

Я поперхнулась, закашлялась, а потом ошалело уставилась на друзей.

- Погиб отец Мэгги, а единственной наследницей объявил ее, - пояснила Ида.

Историю жизни своей соседки я прекрасно знала, собственно именно из-за родственников князя Волкова, которые являются чистокровными волшебниками, Маргарита Николаевна и оказалась среди нас. Родня не оценила нежных чувств главы рода к простачке и иностранке, поэтому проклинали ее, не зная, что она беременна. Мать спасти не удалось, но Маргарет выжила, хотя теперь она умеет концентрировать и направлять тьму. Отца подруга почти не помнит, так как он, как только мог скрывал ее от родственников, а когда ей исполнилось семь оплатил ее обучение в Колдовстворце.

- Похороны состоялись вчера, - надломленным голосом произнесла брюнетка, - я не смогу с тобой поехать к твоим родителям, знаю: они меня любят почти как дочь родную, но

мне просто необходимо принять дела, навестить могилу и поставить на место некоторых особо сомневающихся, - на последних словах девушка скривилась.

- Мне поехать с тобой?

- Нет, это не нужно, но спасибо, - она мне благодарно улыбнулась.

До конца дня мы укладывали вещи, прощались с однокурсниками, с учителями и со школой. Я буду очень скучать по учебным корпусам, уютной комнате, зеленому в любое время года лесу.

Вечером последний курс собрался в зале на первом этаже главного здания и получили аттестаты. Конечно, никто после этого никуда не ушел: мы долго сидели и вспоминали прошедшие так быстро года, пели под гитару, прощались и обещали иногда списываться.

На следующее утро, переобнимавшись со всеми знакомыми мы покинули школу, надеясь, что еще когда-нибудь сюда заглянем.

AMBER_KAT

Истина делает Вас свободными

О любви существует бесконечное число песен, стихов, рассказов и книг. Но ничто не сравнится с любовью, которую каждый в своей жизни переживает лично. Любовь бывает нежной и трепетной, страстной и жестокой, но самое страшное — это безответное чувство, такое близкое, но болезненно далёкое. Страшно признаться себе в том, что разгорается внутри; ведь чувства настолько нежные, что лишь одно отвергающее слово заставит сердце содрогнуться, забиться в агонии, зачерстветь. И всё — они убиты... Тупая пассивная боль, к которой можно лишь привыкнуть, — ваш сопровождающий на последующее время.

Адель пусть и не отличалась смелостью, но видела людей с похороненными чувствами, поэтому считала, что лучше будет чувствовать свою любовь, чем пустоту. Драко Малфой же был тем, кто прославился как любитель ломать чувства людей. Объединял Адель и Драко лишь факультет. Что её заставляло трепетать при его виде? Адель верила, что за его показной напыщенностью прячутся боль и страх, а возможно, и нечто более нежное. Она видела однажды, как он один, сидя в библиотеке, читал сборник стихов, который она и сама часто брала. Тогда она узнала во взгляде занятого размышлениями юноши полное одиночество. Что-то в этот момент сердце Адель почуяло, но... что она из себя представляет? Тень. Тёмные волосы, невзрачные черты лица, еле уловимый силуэт такой же кропкой, как и душа, фигуры. Тонкая и хрупкая.

Адель любила ночь. Она была тихой и бесконечно прекрасной в россыпи тысячи звёзд. Девушка любила ходить вдоль ночных коридоров и по внутреннему двору. Весной он зарастал молодыми цветами, которые дарили запах, ассоциирующийся у Адель с чувством, что она испытывала, глядя на Драко, его белоснежные, спадающие на глаза волосы, отчего он делался ещё более загадочным.

Драко не спалось. Одиночество создавало непреодолимую пустоту. Никто не жаждал узнать его

измученную проблемами душу. Кому нужны его печали, страдания и мечты? Всем важна лишь внешность и статус. Чем больше он отгоняет своим высокомерием и грубостью, тем больше им почему-то восхищаются.

Казалось, кровать хочет его вытолкнуть каждой пружиной матраса, а простыни и одеяла душили его. Не выдержав напора мыслей и почувствовав нехватку воздуха, он вышел из комнаты. Он знал, что его могут поймать, но лучше получить выговор, чем задохнуться прямо в постели. Ноги вели его сами. Ему нужно на воздух, увидеть небо.

Почувствовав нежный цветочный запах и свежесть ночи, он понял, что приближается ко двору. Наконец добравшись, он закрыл глаза и вдохнул полной грудью. Казалось, вся боль и переживания начали уходить вместе с выдохом, но как только дыхание вернулось в свой ритм, всё встало на свои места: та же тяжесть, те же мысли. Звёзды тем временем мерцали, и, глядя на них, Драко ощущал безграничность, возможность улететь туда, где нет людей, законов и проблем. Есть только ты и тёмная бесконечная мгла, повидавшая всё с начала времён.

Опустив взгляд, он увидел всё тот же двор. И девушку. Она сидела на лавочке, поджав колени, и на её лице читалось умиротворение. Присмотревшись, он узнал её. Кажется, её имя Адель, и она точно с его факультета. Невзрачная девушка, которая олицетворяет спокойствие и безмятежность. Он редко замечал её. Она словно ближе к миру и природе, чем к школе и людям. Но неприязни он к ней никогда не питал.

Что делать? Уйти или остаться? Ему не было отчаянно одиноко, но уходить точно не хотелось.

Драко направился к каменной лавочке, и Адель, услышав шаги, открыла глаза. Она испуганно выдохнула, но затем успокоилась. Это был не Филч, значит, паниковать нет причин. Это всего лишь Драко Малфой. Всего лишь... От абсурдности этой мысли, её сердце забило в разы быстрее.

— Можно? — спросил Драко, указав в сторону лавочки. Адель неспешно кивнула.

Как только он сел рядом, наступила тишина, и Адель ощутила прилив спокойствия. Она не нервничала, а просто наслаждалась моментом. Пусть они не скажут даже пары слов друг другу, для неё этот вечер уже особенный. Драко молчание удивляло. Адель оставалась в своих мыслях. В

подавляющем большинстве девушки либо суетятся, чтобы привлечь его внимание, либо ненавидят его и стараются показать это.

— Что ты тут делаешь? — спросил Драко единственное, что пришло ему в голову.

— Я просто наслаждаюсь ночью, — ответила Адель с чувством, похожим на пассивный лёгкий бриз.

— Красивое звездное небо, не правда ли? — Драко хотелось нарушить давящую на него тишину.

— Мне кажется всё, что имеет хоть какую-то близость к чему-то бесконечному, никогда не теряет свою красоту и уникальность.

Малфой проникся тем, что сказала Адель, и всерьёз задумался.

— Твоё имя — Адель, верно? — уточнил Малфой. Затем задумался, резонно ли представляться ему, потому что до этой минуты казалось, что все его знают.

Наконец, девушка перевела на Малфоя свой взгляд и заглянула ему прямо в глаза.

— Верно. Адель Иллариya Грэнтем. А ты Драко Малфой, верно? — спросила она, подражая его манере.

В ответ Малфой кивнул и слегка улыбнулся; каждый раз, когда называли его имя, он испытывал какую-то толику гордости. Но имя Адель ему очень нравилось. Оно звучало складно и благородно.

Снова повисла пауза. Теперь уже менее напряженная, обезоруживающая. Возможно, так повлияло на них знакомство, а возможно, легкая дрема усыпила смущение и стеснительность.

— Адель, я могу кое-что спросить?

Странно было для обоих, что Драко спрашивает разрешение. Ему сейчас и в голову не пришло бы надеть свою маску. Ему было не страшно быть собой.

— Конечно.

— Как ты всегда остаешься такой безмятежной? — она, удивленная вопросом, посмотрела на своего собеседника.

— Я вовсе не безмятежна. То, что я выгляжу спокойной, не значит, что я не испытываю в этот момент жгучую боль или иные чувства, — девушке хотелось говорить и говорить. Ей казалось, она так хорошо знает Драко.

Странно то, что он чувствовал нечто похожее. Доверие к почти незнакомой девушке.

Снова повисло молчание, но Адель призадумалась, к чему он это спросил.

— А ты и вправду всегда такой, каким тебя видят люди? Или внутри тебя кроется нечто иное? — девушка удивилась собственной смелости, но тотчас успокоила себя: она же не призналась ему в любви.

Драко улыбнулся, чувствуя, что ему не хочется снова отвечать на этот вопрос не только в мыслях, но и вслух.

— Даже если это так и внутри я не такой, какимставляю себя, никому нет дела до меня. Посредственность и гора проблем есть у каждого, и остальным не сильно хочется разгребать чужие невзгоды, — теперь улыбалась Адель.

— Возможно, ты просто не встретил ещё нужного человека, — Драко поймал себя на том, что не отводит глаз от мягкой улыбки Адель, уверенной в собственном суждении.

— Часто ты тут бываешь?

— Тут довольно опасно после отбоя, поэтому не очень часто, но это место и время идеальны для того, чтобы побыть собой. Здесь не нужно притворяться.

— Не нужно, — повторил Драко, как эхо.

Адель клонило в сон, и она, потеряв глаза, зевнула.

— Если ты не против, я пойду, — в Драко проснулась галантность из появившегося уважения к девушке.

— Я могу проводить тебя. Нам в одну сторону, — Адель очень этого хотела. Наверное, больше всего на свете.

— Спасибо, но я думаю, что тебе стоит побыть наедине с самим собой. Это лучшее время и место, но только когда нет свидетелей, — Адель улыбнулась и обняла себя руками. Она уже чувствовала, как волна разочарования из-за собственного решения подкатывает к глазам. Драко был поражён: либо она тактично даёт понять, что не хочет больше иметь с ним дело из-за какой-то старой обиды, либо она и вправду хочет сделать лучше для него.

— Мне действительно было приятно узнать тебя и себя чуть ближе. Доброй ночи.

Она махнула рукой на прощание и скрылась в тени, а слёзы тихо катились по её щеке, но она точно знала, что так действительно будет лучше.

Драко задумался над словами девушки, да и над самой девушкой. Адель была невидимкой для многих, но после

сегодняшней ночи ему казалось, что все люди стали тенями; всюду Драко видел лишь её.

Утро началось для Адель так же, как и всегда. Единственное, что изменилось, — так это её общение с Драко Малфоем. Взглядом. Адель чувствовала на себе его взгляд и поначалу тайком посматривала на юношу: проверяла, а не кажется ли ей. И ей действительно не мерещилось, взгляды Малфоя не были плодом её фантазий.

Спустя пару дней таких тайных подглядываний она осмелилась напрямую посмотреть в ответ. Девушка уже хотела боязливо отвести глаза, но затем твёрдо решила этого не делать, и, когда, наконец, их взгляды встретились, мир стал казаться бессмысленным. Бесконечность в полёте мыслей — это всё, что чувствовала Адель.

Она задавалась вопросом, не выглядит ли это глупо, когда она поворачивается и ищет его глаза, а потом просто неотрывно смотрит, пока кто-то его не отвлечёт. Но раз он продолжал искать её взгляд... Хотя эти мгновения и были короткими, всего-то секунд десять-пятнадцать, они словно спрашивали друг у друга: как дела, всё ли хорошо.

Спустя полторы недели после их ночного разговора Адель могла понять всего по одному его взгляду, что с ним произошло за утро. Бывало, что он всем улыбался на перемене и собирал толпу девчонок, но наступал момент, когда он вновь искал её, и тогда Адель понимала: он задыхается в этой толпе. В таких случаях она слегка улыбалась, чтобы поддержать его. А бывало, что Малфой, по всеобщему мнению, был зол и к нему любой боялся подойти за обедом, тогда он снова искал её, а когда находил, Адель замечала некоторое умиротворение и спокойствие в его глазах.

Но в последние дни она чувствовала себя плохо. Адель порой ощущала всю глубину одиночества, из которого не выбраться. Так временами случается со всеми, конечно. Все, с кем она общалась, были ей неинтересны в качестве компаньонов. Большинство однокурсников хоть и хороши, но это, всё-таки, Слизерин — тут своеобразный люд. Не было кого-то, кто бы мог выслушать её, не высказав при этом, что она занудная или странная.

И Драко уловил это. Он уже не мог не взглянуть на неё хоть разок за день, чтобы увидеть в её глазах поддержку. Что это было за общение без слов? Было ли оно вообще, или это

Драко сам придумал от отчаяния? И всё же он настырно продолжать искать её глаза, в которых многое таилось. Сегодня они были темны и печальны, и, когда она смотрела на него, даже пыталась улыбнуться, но он всё видел и решился подойти к ней, выждав подходящий момент. После занятий Адель шла по коридору, совершенно не торопясь. Ей было некуда спешить. Ничего не хотелось: ни идти в гостиную или спальню, ни оставаться на месте. Ей хотелось просто раствориться в воздухе.

— Адель, — эхо голоса разлилось по пустынному коридору и вибрацией отдалось по телу девушки.

Она обернулась и, увидев Малфоя, подумала, что он ей чудится. Её глаза уставились прямо в его, и снова они будто считывали друг друга.

— Драко? — тише, чем хотела, спросила девушка.

Малфой никогда не отличался застенчивостью и неуверенностью, но сейчас он чувствовал серьёзную нехватку нужных слов в голове.

— Как... твои дела?

— Ты спрашиваешь, потому что тебе и правда интересно или чтобы поддержать разговор? — Адель и подумать не могла бы, что сможет так смело говорить с ним. Она хоть и была влюблена, но боялась его. Боялась получить смертельное ранение от его слов. Но парадокс в том, что чем больше она страшилась, тем смелее становилась в разговоре с Драко.

— Я бы не искал тебя по всему Хогвартсу, если бы мне не было искренне интересно, — он мягко улыбнулся. Ему нравилась её честность, она даже не пыталась скрыть свою усталость или плохое настроение.

— В таком случае, мне хочется просто исчезнуть, раствориться в воздухе. Мне некуда и незачем идти. Это похоже на хандру, наверное.

Драко забеспокоился. Он, конечно, чувствовал, что что-то не так, но всё же надеялся на опровержение своих предположений.

— Если тебе всё равно, куда идти, тогда, может, мы просто пройдемся?

— А как же отбой? — на что Драко лукаво улыбнулся, отчего у Адель по спине прошли мурашки.

— Я думал, что тебя это не беспокоит. А в случае, если наткнёмся на кого-то, всегда можно сказать, что мы

засиделись в библиотеке и я сопровождаю тебя, — в ответ она просто улыбнулась. Адель идея устроила: умно и хитро. Ей нравилось, когда всё продумано.

Они шли по пустой школе и не заметили, как вышли на астрономическую башню. По дороге Драко и Адель почти ни о чем не говорили, но неловкого молчания от этого не создавалось. Только неловкое переглядывание: будто чем они ближе, тем сложнее просто посмотреть друг на друга.

На башне дул лёгкий весенний бриз. Он не был ледяным, но создавал приятное ощущение свежести, неся аромат озера и цветов.

— Может, расскажешь, что заставляет тебя чувствовать хандру? — спросил Драко, нарушая тишину ночи.

Адель смотрела на ночную природу, которую освещали звёзды и луна. Ей это нравилось. Всё это: ненавязчивый честный разговор и природа.

— Я чувствую ужасное одиночество. Это не значит, что у меня нет друзей или знакомых, но нет тех, кто по-настоящему мог бы понять меня. Иногда это совершенно не беспокоит, а иногда может и придушить.

Малфой чувствовал, что она говорит его мыслями. Это невероятно. Он и не думал, что Адель может ощущать подобное, ведь действительно наблюдал её умиротворенной почти всегда.

— Одиночество... иногда оно приятно. Но когда долго в нём находишься, понимаешь, что выбраться почти невозможно, — Адель кивнула в знак согласия, а затем подняла голову к звёздам.

— Видимо, не только я страдаю хандрой, — она слегка улыбнулась.

Малфой встал ближе к Адель. Она была немного ниже ростом, отчего казалась такой хрупкой рядом с Драко. Подул лёгкий ветер и слегка развеял чёрные волосы девушки.

— Любишь сирень? — Драко уловил знакомый аромат, которым повеяло от её волос.

— Мои любимые весенние цветы. У меня есть любимые на каждый сезон.

— Буду иметь в виду, — сказал он и загадочно улыбнулся, а щёки девушки разгорячились. Хорошо, что ночью не видно этого предательского румянца.

Хоть Адель и чувствовала прилив крови в своём сердце от одного только близкого присутствия Малфоя, камень,

который сдавливал её чувства и эмоции, никуда не делся. Ей хотелось кричать. Просто проорать во всё горло, лишь бы оно ушло — это чувство невероятной тяжести. Оно накатывало, как волны, а эмоциональные всплески лишь подливали масла в огонь. Казалось, она вот-вот взорвется.

Молчание затянулось, и уже начала нарастать неловкость. Каждый пытался понять себя: Драко хотел знать, что он делает тут с Адель, а Адель, в свою очередь, отчаянно металась в чувствах. Малфой был рядом, так близко к ней, но, несмотря на это, в душе росла мучительная боль, от которой девушке хотелось сбежать.

— Извини, я, наверное, пойду, — Адель собиралась направиться в сторону выхода, не дождавшись ответа, но тотчас почувствовала, как её запястье обхватывают длинные и холодные пальцы.

— Постой, Адель. Я тебя обидел чем-то? — от удивления девушка издала нервный смешок. А от ощущение его прикосновения ей хотелось парить.

— Что? Нет, конечно нет! Просто... я ведь тебя совсем не знаю. Не знаю, что ты ответишь на мои странноватые мысли и чувства. А я боюсь быть непонятой. И сейчас я... я боюсь, что стану не собеседником, а скорее плаксой.

Драко не знал, что на это ответить, но точно знал, что хочет выслушать её. Но как ей доверять ему, если они всего второй раз в жизни разговаривают, и то при совершенно странных обстоятельствах?

— Адель, я понимаю. Я понимаю тебя и твоё состояние. Я и сам не знаю, кому можно доверять, но почему-то готов довериться тебе. Чертовщина какая-то, но ты ведь сама говорила, что я просто не встретил того человека, которому был бы готов открыться. И теперь я понимаю это. Ты и есть тот человек, но только если ты сама на это согласна. Не хочешь стать моим настоящим другом?

Девушка застыла. В ушах у неё будто зазвенело. От переизбытка эмоций закружилась голова, а слёзы, казалось, вот-вот хлынут из глаз, прорвавшись наружу. Она словно оказалась в ловушке. Найдя родственную душу, да ещё и в лице Драко Малфоя, она оказывается неспособной открыться ему полностью, потому что страх признания в своих чувствах заставит скрываться, быть не до конца искренней. Это кольнуло болью в груди. Но она осталась. Она

смотрела в его глаза и видела, как он этого желал. И это все решило.

Он по-прежнему держал её за руку, и она подошла ближе.

— Я верю тебе. Я буду твоим другом, но мне нужно время. Я не могу сразу открыться тебе.

Он кивнул, и они вернулись к смотровой площадке.

— Скажи, ты грустишь только из-за одиночества? Или из-за чего-то ещё?

Адель задумалась. Может, попробовать ему сказать часть правды?

— Неразделённая любовь. Это больно.

Она облокотилась об поручни и опустила голову на сложенные руки. Она не хотела видеть его реакцию, слишком страшно было раскрывать такое.

Драко почувствовал некое разочарование. Не то чтобы он рвался занять место в её сердце... но он определенно растопился. Где-то в глубине души ему всё же хотелось, чтобы это был он. Но так глубоко обычно никто не смотрит.

— Я никого не любил по-настоящему. Мне сложно представить неразделённую любовь. Но почему ты не поговоришь с ним об этом? Или с ней? — девушка усмехнулась.

— С ним. Я боюсь. В моей голове существует теория, что отверженные чувства делают людей чёрствыми и убивают веру в любовь, а я не хочу потерять этого. Лучше я буду страдать, но чувствовать и верить, что эта чёртова любовь существует.

Казалось, Драко чувствует её боль. Чувствует кожей. Он так хотел ей помочь, утешить, но пока он придерживается незримой и негласной границы.

— Это логично. Но в то же время ты ведь всё равно несчастна.

— Ты совершенно прав, — Адель почувствовала, как несколько слезинок скатились по щекам. Тихо: так, чтобы этого не заметил Драко. Адель повернулась к нему лицом.

— А что же ты? В чём твоя глобальная проблема? — тихо усмехнувшись, Малфой потёр рукой затылок.

— Я уже говорил, что моё внутреннее «я» никому не нужно. Лишь пафос и статус. А мне так хотелось бы найти того, кто бы понял меня. Узнал хотя бы, какой мой любимый цвет, и нет — это не зелёный.

Адель улыбнулась. Вроде бы ей стало чуть легче от того, что она высказалась.

— А ещё я хотел бы, чтобы кто-то смог довериться мне. И я бы хотел выслушивать проблемы других. И ещё услышать правду. Порой суровую и дерзкую, но правду. Может, ты могла бы высказать мне всё, что хочется, даже если это будет звучать бестактно?

— Ммм... Ты потерялся в своих образах. Ты сам их создал и не можешь выбраться. Делаешь всё, что пожелают твои друзья, то, что они хотят видеть, хотя им даже не интересен ты, — Адель сделала акцент на последнем слове — «ТЫ».

Малфой задумался, и девушку эта пауза начала смущать. А кого бы не смущала пауза, после того как вы честно сказали что-то не очень приятное человеку, которого любите?

— Можешь считать меня мазохистом, но мне понравилось то, что ты сказала.

Адель выдохнула с большим облегчением. Впервые кто-то отнёсся серьёзно к её словам. Она расслабилась и почувствовала приятную усталость и сонливость, но ей хотелось и дальше говорить. Девушка села на пол и облокотилась на стену. Драко идея понравилась, и он присел рядом.

Снова повисла тишина и подул ветер.

— Я бы хотела быть ветром. Свободно парить в пространстве. Носиться вдоль окон, открытых и закрытых. Плыть в море травы и разносить запах цветов. Быть невесомой, но важной.

— Возможно, из тебя вышел бы легкий и приятный бриз. Я бы был просто торнадо или штормом.

— Это плохо. И не потому, что штормы и торнадо несут разрушения, — парень посмотрел Адель в глаза. — Они быстро умирают, теряют силы и исчезают насовсем, — и Адель отвернулась, вновь впиваясь глазами в небо.

Снова молчание, но без тени неловкости. Нарушила его Адель.

— Так какой же твой любимый цвет? — Малфой почувствовал, что улыбается и не может это скрыть. Да и не хочет.

— Синий и голубой цвета. Любые их оттенки. Как небо или море.

— Как море или небо? Очень литературно. Мне нравится. А что думаешь насчёт поэзии?

— Я люблю поэзию, но предпочитаю о чьих-то переживаниях читать. О тяжелых жизненных моментах. Тогда моя собственная кажется не такой уж плохой.

— Поэзия. Те же слова, которые имеют рифму. Интересно, почему людям нравится, когда что-то складывается в рифму или образует симметрию, но не нравится что-то абсолютно одинаковое? Только то, что содержит часть схожего, но является при этом индивидуальностью, — Драко нравилось, как она мыслит и что вообще задумывается о подобных вещах.

— Глубоко. Наверное, и с людьми так же: они могут быть совершенно разными, но при этом иметь и что-то настолько общее, что очень крепко их объединяет.

Затем они оба замолчали, задумавшись над словами друг друга. Тишина разливалась, оказывая расслабляющий эффект, несмотря на то, что чаще всего происходит обратное. Спустя время Адель стала очень тихо напевать мотив до боли знакомой мелодии. Делала она это просто, не задумываясь, будто забыв, что рядом сидит Драко. Малфой сразу отметил, что у неё очень завораживающий и бархатистый голос, хотя она просто без слов тянула каждый звук. Малфой начал узнавать мелодию. Это была песня о чём-то печальном и прекрасном. Он слушал и не смел её перебить.

Звёзды, лёгкий ветер, запах духов Адель и её пение — это создавало невероятную атмосферу, существование которой Малфой и представить не мог. Что-то в его сердце расцветало, заставляя всё больше и больше чувствовать то, чего он раньше не понимал. Адель закончила напевать, и Драко аккуратно, едва ощутимо положил свою ладонь поверх ладони Адель.

— О чем эта мелодия? Она мне знакома, но слов я не помню, — мысленно девушка чертыхнулась: песня была о любви, её самое прекрасное описание. Но ему этого знать не нужно.

— Она о жизни в розовом цвете.

В тот же момент Драко припомнил, где слышал мотив. Давно, когда он был ещё маленький, его родители отмечали день своей свадьбы. Был уютный праздник, музыканты, и в какой-то момент Люциус взял Нарциссу за руку и увёл на

просторный балкон, где не было людей. И там, под звёздами, они танцевали, а из зала раздавалась эта мелодия. Тогда, казалось, они оба были бесконечно счастливы. Если что Драко и знал о любви, так это то, что она выглядит так.

— Ты прекрасно поешь, — на его лице расцвела лёгкая улыбка. Адель же чувствовала смесь восторга и невероятной боли. Она всерьёз задумалась о том, чтобы признаться ему в любви, начхав на свои принципы и обещания. Но единственное, что она смогла промолвить в ответ, было «спасибо». Тем не менее, она улыбалась. Светилась. Чувствовала ладонь Драко на своей и не верила всему происходящему.

Так же внезапно, как и начался весь вечер, раздался звон часов. Каждый удар разрушал всю волшебную атмосферу между Драко и Адель. А также это значило, что уже полночь и комендантский час давно начался. Девушка не любила попадать в неприятности, а в том, что она в них попадёт, Адель не сомневалась. Эмоции на её лице сразу сменились раздражением и усталостью.

— О нет! Сейчас начнётся проверка, — Адель совершенно забыла о собственном правиле: выходить только за полночь, чтобы не наткнуться на дозор.

Драко почувствовал толику своей вины, что было ему в новинку.

— Не волнуйся. Я знаю путь, чтобы не попасться. Не даром же я ношу звание лучшего нарушителя правил, — Адель посмотрела на него скептически.

— Но это ведь значит только то, что ты много раз попадался.

— Без ошибок — нет и опыта. И поверь, удачных нарушений у меня куда больше, чем неудачных, — Драко встал и протянул ей руку. Адель пыталась не улыбаться, но это давалось с трудом. Какими бы противником неприятностей она ни была, с этим парнем она готова была в них вляпаться.

Пара огоньков «Люмоса» аккуратно перемещалась по тёмным коридорам старинной школы, ведь по ней бродил Филч со своей спутницей-кошкой. Драко озирался по сторонам, ведя за собой Адель. Оба сейчас проклинали то, что попали на Слизерин, и то, что комната факультета находилась в подвальной части школы, потому что с астрономической башни путь туда неблизкий. Бесконечное

количество лестниц, коридоров и проходов, которые повидали столько событий, будто хотели наказать нарушителей, так и завлекая их в свои лабиринты. Лунный свет, пробивающийся через старинные витражи, падал на картины благородных волшебниц и волшебников, которые уже мирно посапывали на своих местах.

Каждый звук, каждый шаг или скрип разносился эхом, и Драко с Адель постоянно оглядывались. Наконец, послышались чёткие шаги. Драко сразу понял, что это не Филч, потому что шаги эти были быстрыми и с лёгкой поступью. Значит, это староста одного из факультетов, а они, как правило, не слишком внимательны, уж с такими Драко легко справлялся.

— Я разберусь, иди спрячься в тени, я отвлеку, — и Драко направил девушку в самый неосвещённый угол. Мысленно Драко уже придумывал, что можно сказать старосте каждого факультета. Естественно, с гриффиндорцем будет сложнее: с женщинами Драко справлялся всегда легко, очаровывая их парой комплиментов, но с Гермионой Грейнджер не прокатывало никогда. К мужской части старост уже нужен подход. Главное, чтобы не Уизли: с этим всегда сложно.

И вот, из-за угла уже показывается фигура, явно женская. Малфой, кажется, вытянул джемпот: это была Пэнси Паркинсон.

— Драко! Не спится? — кокетливо спросила Пэнси.

— Да вот, загулялся, забыл о времени. Надеюсь, наша встреча останется между нами? — Драко посмотрел на неё своим фирменным взглядом а-ля Казанова. Наверное, если бы в этот момент какая-нибудь девушка увидела Паркинсон, то сразу бы разглядела огонёк ревности в её глазах, но Адель пряталась в тени и не могла ничего разглядеть, а Драко девушкой не являлся, поэтому кивок Пэнси и доброжелательную улыбку он принял за чистую монету.

Как только Пэнси повернула за угол, Драко позвал Адель и они двинулись дальше. Юноша снова выглядел собой и ободряюще улыбался Адель, будто бы и не примерял только что один из своих образов. Адель чувствовала себя особенной, ведь между ними не было никакой фальши.

Передвигаясь по одному из последних лестничных пролётов, нарушители уже было расслабились, как вновь послышались шаги. И вновь это был точно не Филч, хотя

шаги и были шаркающими, из-за чего появлялась неуверенность. Судорожно вспоминая, где же тут, на переходе с лестницы в холл, можно было найти убежище, Драко заметил гобелен, висящий у одной из стен до самого пола. Хватая Адель за руку и утягивая за собой, Драко завёл девушку за ковёр и нырнул туда сам. Она, очутившись в такой близости к Драко, почувствовала сильную слабость в коленях, а её сердце, возможно, готово было пробить синяк на груди Малфоя. Кстати, он пока был сосредоточен на наблюдении за предполагаемым Филчем, так что у Адель впервые появился шанс понаблюдать за Драко настолько близко. Наверное, не прижми он её своим телом к стене, она бы уже давно упала.

Едва пробивающийся в образовавшуюся между гобеленом и стеной щель лунный свет освещал острые черты лица юноши. Кожа казалась ещё более мраморной и бледной, но это не придавало ему больной вид, а лишь добавляло шарм. От него пахло хвоей и древесиной, будто он только что вернулся с лесной прогулки. Драко перевёл свой взгляд на Адель, беспокоясь за её состояние. Она сильно перепугалась — он чувствовал, как трепыхается её сердце.

— Всё в порядке? — спросил он еле различимым шёпотом. Она смотрела в его глаза, отчего Малфой чувствовал, как кровь его закипает и приливает к щекам. Какая-то магия сейчас сгущала воздух над ними, заставляя забыть. Так хотелось выразить то, что ощущается где-то там, в груди. Что-то непонятное и трепетное. В это мгновение всё словно замерло на тысячи лет, но в то же время пролетело так же быстро, как разносится ветром пух одуванчиков. Чувство, что причиняет и боль, и что-то приятное одновременно. Ещё чуть-чуть и этому будет невозможно противостоять.

БАМ!

Звук падающего канделябра развеял эту магию. Оба посмотрели в щель. Они увидели беловолосую девушку с Гриффиндора, а не Филча. Она шла с совершенно закрытыми глазами и, видимо, что-то опрокинула. Кажется, её зовут Луна, подумала Адель, и, видимо, она бродит во сне. Адель задумалась, наказывают ли за это?

— Готова? Осталось немного, — сказал Драко. Адель кивнула, и они, дождавшись, пока Луна отойдёт чуть подальше, двинулись к последнему пролёту.

И вот, остался только коридор и поворот в подземелье.

— Я думаю, тут нужно уже только бежать и не медлить, — уверенно сказал Малфой. Адель хотела было возразить, ведь будет шумно, но передумала.

— Я готова, — сказала девушка, и голос её был полон уверенности.

Кивнув друг другу, они помчались до самого конца коридора. Наконец, когда поворот уже был так близко, за углом появилась тень. Две тени. Человека и кошки. О нет. Теперь это был несомненно Филч, и с ним точно договориться не получится... Тени приближаются так быстро, что Драко понимает: они не успеют. Может, успеют завернуть за угол, но они бежали так шумно, а значит, точно не смогут зайти в комнаты. Добежав до поворота, Драко взял Адель за руку.

— Слушай, зайти мы не умеем, прячься за статуей, я его отвлеку. Мне не впервой получать наказания.

— Но...

— Без «но», Адель. Это слишком хороший вечер, чтобы он так для тебя закончился. Иди, — Адель убежала и спряталась за статуей Салазара, снова слившись с тенью. Драко же делал вид что, прячется буквально сразу за углом, как какой-то первокурсник. Тут же выскочил Филч и схватил Драко за руку.

— Самый главный нарушитель правил! Я так и думал, что это ты! Пошли-ка к твоему декану! Он как раз ещё не спит, — захихикал Филч.

— Руки свои убери! Ещё заражусь от тебя чем-то, поганый сквиб!

Адель удивилась, как быстро он снова вошёл в привычную роль. Хотя на то она и привычная, чтобы моментально стать тем, кого сам же создал. Подождав, пока шаги полностью утихнут, Адель вышла из убежища и направилась в подземелье. Зайдя в спальную комнату, она плюхнулась на кровать и стала осмысливать этот вечер. Вспоминая каждую мелочь, такую дорогую сердцу, Адель не могла перестать улыбаться. Она так хотела сохранить в своей памяти каждую секунду, чтобы время не смогло стереть даже мелкие детали, но знала, что потом останутся лишь самые яркие моменты.

Быстро переодевшись, девушка легла и быстро начала засыпать, хотя в мыслях до сих пор витала в облаках. Она не

позволяла себе строить иллюзии и надеяться на что-то в будущем, но когда сон почти полностью захватил сознание девушки, пронеслась одна быстрая и мимолетная мысль: «А что, если он действительно станет тем, кто полюбит меня такой, какая я есть?».

После, сон одолеет девушку, и на утро она даже не вспомнит об этой мысли. Адель будто заранее знала, что завтрашний день будет не такой, как прежние. Но она ещё не знала, что за ней следила соседка, которая думала примерно так же.

Лёгкость показалась Адель необоснованной, но весьма ощутимой. Она знала, что такое чувство дают только крылья влюбленности и надежды и что они легко ломаются, но ничего поделать не могла, старалась лишь слегка порхать, а не лететь во весь размах крыла.

Утро Драко было не менее приятным, несмотря на наказание и строгий выговор. Он был рад, что сделал это не ради своей прихоти, а ради кого-то ценного для него. Конечно же его «друзья» стали расспрашивать, из-за какой барышни его поймали на этот раз, на что Драко отвечал лишь то, что засиделся в библиотеке — но в это почти никто не верил, отчего рождались догадки относительно, кто же ею мог быть.

За завтраком глаза Малфоя и Адель снова искали друг друга. И вот, когда их взгляды соприкоснулись, кто-то окликнул Драко. Он рефлекторно повернулся на зов, а дальше всё произошло слишком быстро: Пэнси Паркинсон поцеловала Драко. Весь факультет заулюлюкал от того, что вскрылась загадка о ночной даме. Пэнси, прервав поцелуй, посмотрела на Малфоя голодным и собственническим взглядом.

— Надеюсь, тебе не сильно досталось из-за нашей прогулки вчера? — и улыбнулась настолько слащаво, насколько это возможно. Драко был ошарашен тем, что произошло, но не спешил и останавливать пьесу. Он никогда не останавливал. И сейчас он словно забыл о глазах Адель, которые так были ему интересны. Которые были наполнены слезами, такими же незаметными, как она.

Пока никто не видел, Адель выскользнула из зала и направилась туда, где меньше людей. Где можно тихонько поплакать, а потом снова просто быть. Снова ходить по земле, а не порхать.

Занятия шли своим чередом, и вот — время уже близилось к вечеру. Идти в спальни, где Пэнси будет плести невероятную ложь о прошлой ночи, Адель не хотелось, поэтому она в очередной раз отправилась на башню и стала просто сидеть, смотреть на звёзды, пока слёзы её стекали.

Пробили часы, но Адель уже было всё равно. Она сидит в башне, и её единственное желание — раствориться, только это уже не хандра. Это очень разбитое сердце. Именно этого Адель и опасалась, но всё же всегда надеялась, что простые слова не смогут сделать при падении так больно.

Девушка слышала шаги, но ей было безразлично, даже если накажут: она как можно дольше не хотела появляться в комнате девочек.

— Видимо, тебе сильно понравились вчерашние ночные приключения? — она узнала этот голос. Драко. Тот, кого меньше всего она сейчас хотела бы видеть. Или хотела бы, но в другой роли.

— Сам знаешь, я не очень люблю рисковать, — она не смотрела на него, чтобы не было видно её заплаканного лица.

Он сел рядом. Прямо как вчера.

— Что-то случилось? — достаточно обеспокоенно спросил Малфой.

Адель не знала, что ответить. Правду? Нет, она ещё не настолько была в отчаянии. Ложь? Врать тоже не хотелось.

— Сегодня, я поняла, что совершенно безразлична тому, кого люблю, — голос её был безжизненным. Простая констатация факта.

— А я понял, что начинаю влюбляться. По-настоящему, — и в этот момент небо и звёзды померкли. Ночь Адель никогда не казалась пугающе мрачной, а наоборот, была успокаивающей и свежей и, как ни странно, не была тёмной. Сейчас же тьма окружала и смыкала всю Адель так, будто ты ослеп и потерялся в этом мире насовсем, и даже самое сильное заклятие не осветит и не разгонит эту крошечную черноту вокруг.

Адель хотелось взвыть от отчаяния. Вот только она не знала, что Драко имел в виду: сам того не подозревая, он начал влюбляться в девушку. И парадокс в том, что понял он это, когда его целовала Паркинсон. Он хотел бы, чтобы на её месте была Адель, но знал, что её сердце уже занято.

— Надеюсь, это взаимно, — Адель до сих пор так и не посмотрела на Драко. Может, потому что боялась боли, а

может, потому что любое движение могло разрушить её хрупкое тело: как перегоревшая сухая ветвь, которая выглядит целой, но коснись её — всё превратится в пепел.

—Адель? — в ответ он услышал лишь мычание, но так и не увидел её глаз. — Посмотри на меня.

Она медленно повернулась, стараясь держать всё под контролем, но как только их глаза встретились, всю свою выдержку она потеряла. Лицо скривилось в гримасе боли, а слёзы хлынули из глаз. Горечь и желание, чтобы её утешили, овладели девушкой, и остановить это было невозможно. Не было такого места, куда можно было бы спрятать это всё, затолкать и не трогать, пока не останешься одна.

Малфой не был уверен в правильности своих действий, но он обнял Адель, и она, как маленький ребёнок, захныкала ему в грудь. Драко ощущал ненависть к тому человеку, который так сильно её мучает, и сочувствие к Адель. Он не мог понять, каким образом кто-то может пренебрегать такой девушкой.

Когда Адель чуть успокоилась, она подняла взгляд.

— Наверное, я невероятная плакса в твоих глазах.

— Я вижу лишь искренние чувства, — Адель, так или иначе, ощущала себя невероятно неуместной. Нужно было сменить тему, а из-за помутнения в голове вышло так, что она для себя только вернулась к изначальному вопросу, но поняла это лишь после сказанного.

— Лучше расскажи, как ты понял, что влюбляешься в ту самую? — Адель не смогла произнести имени Пэнси, да и без того довольно очевидно, что речь шла о ней. Драко отчего-то резко дёрнулся: ни то от быстрой смены темы, ни то от неожиданности вопроса.

— Просто в один момент чувствуешь, что никто другой уже не нужен. Верно? — Адель слегка нахмурилась. Сейчас она явно пребывала в том состоянии, когда всё становится неважным. Боль, конечно, не ушла, но превратилась в шум на заднем плане, и теперь Адель выглядела полностью безэмоциональной: это самое ёмкое описание чувств девушки.

— А ты признался ей в том, что испытываешь? — Адель нужно было поставить точку. Точку у себя в голове, что всё закончилось. Не стоит больше надеяться и верить. Но как же она жаждала получить хоть малейший шанс...

Малфой замялся. Врать не хотелось, но и признаваться в чувствах Адель посреди её сердечной драмы казалось неуместным.

— Я думаю, ты сейчас не оценишь то, что я тебе скажу.

Адель почувствовала, как смешок вырывается из её груди, и уж точно не от веселья. Ирония всего происходящего её убивала: она ведь подтолкнула Малфоя открыть свои чувства «той самой», в итоге его чувства оказались взаимны, и он из жалости теперь не говорит с ней об этом. Опустошённую Адель посетило жгучее чувство несправедливости Вселенной. Боль снова начала подступать. Малфой вызвал бурю эмоций, к которой Адель не была готова.

— Драко, я что-то неважно себя чувствую. Я пойду спать.

— Давай я провожу тебя, — парень поддался вперёд, но Адель вытянула руку вперёд в знак протеста.

— Не нужно. Я сама дойду.

Драко в оцепенении замер на месте и в очередной раз смотрел на то, как силуэт темноволосой девушки исчезает, отдаляясь от него.

Девушка шла, куда глядела: не мудрено, что она попалась Филчу. Ей было всё равно, она будто потеряла чувствительность к миру. Её вели к декану факультета — Северусу Снейпу.

Оказавшись в кабинете, она попыталась сосредоточить взгляд на его силуэте, перебирающем пыльные фолианты в другом конце помещения. Царил полумрак, который разгоняли пару свечей на столе профессора и лампа возле книг. Как и всегда, стояло много склянок либо с ингредиентами довольно странного вида, либо уже готовых зелий, которые ученикам предстояло повторить. Всё было упорядочено до перфекционизма.

Сам профессор был похож на тень в своих чёрных одеяниях. Адель же не собиралась оправдываться и вообще что-либо говорить в свою защиту, так как это не имело смысла.

Внезапно тишину прервал холодный и низкий голос преподавателя.

— Мисс Грэнтем, вы не частый гость в такое время и по такому поводу, но тем не менее вы здесь.

Адель молчала. Она знала, что оправдываться — себе дороже. Сейчас она не была готова перенести хотя бы одну критическую фразу в свою сторону.

Снейп, конечно, готов был разнести нарушительницу правил по всем параграфам, но когда обернулся, чтобы начать тираду, разглядел её лицо: заплаканное, поникшее и лишенное какой-либо надежды. Лицо, которое ему было до боли знакомо, потому что он видел его на протяжении многих лет. В зеркале. И судя по тому, что за Адель не числились прежде нарушения такого плана, не сложно было предположить, почему все мы тут собрались.

— Мисс Грэнтем, так как это ваше первое нарушение, я не буду наказывать вас, но впредь чтобы такого не было! — строго, но не сурово сказал декан. — Можете идти в спальни.

Адель не верила своим ушам. Она больше всего боялась, что сейчас просто разревётся от любого слова или косого взгляда профессора, но всё обошлось как-то слишком хорошо.

— Спасибо, — Адель уже шла к выходу, как её снова окликнули. Промелькнула мысль, что декан сейчас скажет, что пошутил, а она, дурочка, поверила. Обернувшись, она увидела профессора, приближающегося к ней с чем-то в руках. Он протянул ей небольшой пузырёк с темно-фиолетовой жидкостью.

— Это поможет вам уснуть.

Ошарашенная всем, что произошло за последний час, Адель просто на автомате шла в комнату девочек. Присев на краешек кровати, она подумала, что сможет уснуть сама. К чему вообще профессор дал ей это? Но как только голова девушки коснулась подушки, мысли, одна за одной, словно черви, вползали в её голову. Она думала о том, как глупо, наверное, выглядела перед Драко. О том, как Пэнси его поцеловала. О том, как Драко описывал свою любовь к девушке. Это становилось невыносимо. Гул мыслей и бесполезных вопросов и решений будто зажимали сознание девушки в тиски. Резко подскочив, Адель быстро влила в себя содержимое пузырька и замерла.

Мысли утихали. Душа почувствовала долгожданный покой. Сон начал наваливаться. И волна спокойствия, наконец, унесла её за горизонт снов.

Пробуждение было на удивление лёгким. Адель ощутила прилив сил, а в голове витала лёгкость. Вчерашний день покрылся для неё туманом, поэтому она помнила лишь то, что он был просто плохой.

Сегодня же был выходной, но завтрак никто не отменял, и Адель решила, что хочет надеть лёгкое платье. Кремовое невесомое платье. Волосы девушки, как и всегда, образовывали лёгкие волны, чёрные, как смоль. Казалось, что Адель является олицетворением слова «эстетика».

На завтраке она сидела и мечтательно смотрела на небо за витражными окнами, в то время как Малфой волнительно искал взгляд той самой, что заставляла его чувствовать. Он умоляюще смотрел на её профиль, но так и не поймал ни единого, даже самого мимолетного взгляда Адель. Со вчерашнего вечера он ничего не понимал. Единственное, что он чувствовал, — это страшное смятение.

Профессор зельеварения следил за девушкой своим утрюмым взглядом, где-то в глубине души вздыхая с неким облегчением. И в то же время он знал, что действие зелья продлится лишь до тех пор, пока с Адель не заговорит «тот самый». А пока она будет забвенно наслаждаться жизнью, без лишних тревог неразделённого сердца. Зелье было создано самим профессором и исключительно для себя, но когда он увидел Адель, что-то защемило в его сердце. Что-то личное, иначе он бы и не подумал о том, что сделал.

Малфой твёрдо решил, что после завтрака пойдёт и поговорит с Адель, но чем больше он уверял себя в этом, тем больше боялся. Боялся, что снова всё испортит. Снова сломает нечто хрупкое, что ему доверили; поэтому когда темноволосая девушка шла по коридорам и Малфой почти приблизился к ней, вся его решимость растаяла. Он до самой сути понял, о чём говорила Адель: о том, что лучше любить безответно, чем получить разбитое сердце, услышав окончательный отказ. Лучше иметь надежду. Маленькую, которая будет вливаться в сердце, как стекольный осколок, заставляя понемногу, несмертельно кровоточить.

Адель же шла навстречу природе и солнечному дню. Шла медленно, чувствуя, как мир, будто сотканный из щёлка, касается её кожи, заглаживая что-то печальное. Девушка захватила любимую книгу со стихотворениями и небольшую подстилку и расположилась под деревом возле озера. Она лежала, читала стихи и проникалась их скрытым

смыслом, спрятанном за элегантными и чувственными словами. Иногда она расхаживала около каёмки озёра, чувствуя под ногами прохладную воду. И всё это время она даже не подозревала, что из одной из башен школы за ней наблюдал Драко. Он тоже читал стихи, видя, какая боль спрятана в каждом слове, будто весь мир поэта жил в вечном и нескончаемом миноре, и, конечно, иногда сделал за тем, что делала Адель.

Драко застрял на одном стихотворении: что-то в нём было такое, что заставляло его перечитывать строки снова и снова. В нём говорилось об упущенном. Мысли Драко зацепились за это слово. «Упущенном...» — снова и снова повторял он. «А хотел бы я стать поэтом? Или хотел бы тот человек им быть? Может, упущение всей его жизни заставило его писать стихи? А не стану ли я поэтом? Нет, не стану».

Адель видела, что солнце клонилось к закату, и, взяв книгу и подстилку, направилась в замок. Правда идти в комнату девочек не хотелось, поэтому она просто стала бродить по школе. Хотя, она уже точно решила, куда хочет забрести. На башню. Почему-то её тянуло туда, будто там было что-то приятное. Может, воспоминание? Но Адель не могла точно припомнить, есть ли у неё хорошие воспоминания оттуда.

Оказавшись на месте, она стала смотреть вдаль: на розовые облака, подсвеченные уходившим за горизонт солнцем. Вдыхая воздух, наполненный полевыми травами, Адель чувствовала бесконечную безмятежность. До тех пор, пока не услышала своё имя. Ровно в тот момент, когда в воздухе повисло её имя, магия рассеялась. В спину словно резко вогнали кинжал, который прошёл сквозь сердце, и боль пронзила всё тело. Пошатнувшись и схватившись руками за сердце, Адель развернулась. Туман выходил из её мыслей, а безмятежность сдуло, будто это был лёгкий дым от благовоний. На девушку, казалось, навалилась огромная плита, и ноги её переставали держать. Она чувствовала, что скатывается к полу, но её удержали руки. Знакомые до боли руки.

— Адель, что с тобой? — Малфой обеспокоено придерживал девушку.

— Драко? Что ты тут... делаешь?

Оперившись о плечи Драко, Адель постаралась встать ровно. Как только контроль над телом вернулся, она отошла от парня на несколько шагов. Воспоминания накатывали, словно волны у морского прибоя. Вспомнились последние вечера, когда они сидели именно в этом месте и говорили о внутренних «я».

— Я хотел поговорить, — уверенно сказал Малфой.

— О чём же? — Адель пыталась сосредоточить на Драко свой взгляд, но это было сложно. Она то и дело отводила его, видя воспоминания. А ещё закатное солнце светило прямо в глаза, отчего Адель чуточку щурилась и сосредоточенности ей это точно не придавало.

— Скажи мне, кто запал в твоё сердце? — шокированная вопросом Адель сразу приняла оборону.

— Не могу сказать. Я понимаю, что мы откровенны друг с другом, делимся своими переживаниями, но прости, об этом я не буду говорить.

— Ладно. Тогда выслушай, что я скажу. Как я и говорил вчера, я понял, что нашёл ту, которая дорога моему сердцу. Ту, которая запала туда настолько, что я хочу измениться ради неё. И понял я это, когда меня поцеловала Пэнси, — на этом моменте Адель незаметно сжала кулаки. Ей нужно уйти отсюда, иначе она точно спрыгнет с башни, ведь сейчас это казалось самым близким выходом.

Драко подошёл к Адель ближе, и она приподняла голову.

— И я понял, что полностью и безвозвратно влюбился в тебя. Твоё искреннее сердце покорило меня без остатка, и мне нужна только ты. И в тот момент я хотел, чтобы меня целовала только ты. Всегда, — Драко взял её руки. Их трясло, а сама Адель молчала.

— Я понимаю, что твоё сердце занято. Прекрасно понимаю. Я отговаривал себя признаваться тебе, но я решил, что лучше рискну и, возможно, упаду, чем буду жить без тебя. Я и так прославился как бесчувственный эгоист, так что зачерствав, моё сердце не изменит мой мир радикально, только убьёт всё живое внутри меня.

Слёзы начали пробивать защиту Адель. Её сильно трясло, а Драко с некоторым испугом смотрел на неё. Адель вытянула свои руки из его хватки и повернулась спиной. Голова кружилась, внутри всё звенело, бурлило и взрывалось одновременно. Она была в шоке и понимала, что сейчас можно сказать о своих чувствах, но всё равно молчала. Всё

равно было страшно. Почему? По инерции или по привычке, наверное. Адель почувствовала, как Драко стоит позади неё настолько близко, насколько позволяла та тонкая грань дистанции.

— Адель, скажи хоть слово, прошу.

Горло будто сжалось, во рту пересохло. Сейчас или никогда. Адель смотрела на заходящее солнце, и почему-то оно придало ей решимости. Преодолев расстояние, ту тонкую грань, она прижалась к нему спиной.

— Это ты. Я отвечаю на твой вопрос.

Драко не сразу понял. Это он? Что за вопрос? Он спросил, кого она любит, и ответ не заставил себя ждать. Она сказала «это ты». И мир перевернулся в голове Драко Малфоя.

Она любила его гораздо дольше, чем он её. Дольше, чем он знал её. Он и был тем нечутким придурком, который каждый раз ей причинял боль. И плакала она в день, когда Пэнси поцеловала его. Когда Адель убедилась, что не нужна ему... и тогда он сказал ей, что нашёл ту самую... и она убежала...

Адель повернулась к нему лицом.

— Я любила тебя самым сильным неразделенным чувством, Драко. И даже после того, как я поняла, что ты не такой, каким тебя видят люди, я боялась сломать то, что у меня было. И я терпела.

— Ты невероятная, Адель Грэнтем. Неужели ты думала, что Пэнси Паркинсон — это предел моих мечтаний? — Адель улыбнулась. Она почувствовала облегчение, и за её спиной снова оказались крылья. Но теперь она не побоится взмахнуть ими в полную силу.

— Любовь зла, уж поверь мне.

— Верю.

И в этот момент Драко потянулся к ней и поцеловал её нежные губы. И они оба взлетели туда, где нет одинокой любви.

Люди, как правило, редко меняются, но иногда бывают исключения. Драко и Адель стали именно этим исключением. Они дополняют друг друга, помогая стать лучше. Драко начал стряхивать с себя маски и откровенно говорить то, что он действительно думает и чувствует. Конечно, популярность он стал терять, и не прошло много времени, прежде чем появился новый «слизеринский

принц», но эта корона ему больше не была нужна. Сбросив её, он почувствовал лишь большую свободу. Адель стала чуть более смелой и открытой к людям и более откровенной с Драко. Теперь не было преград в виде недосказанности и непонимания. Такие изменения повлекли за собой новый круг общения. Образовывалась своя компания людей.

Когда наступило лето, Драко и Адель часто приходили в гости друг к другу, знакомясь с родителями. Они гуляли по полям, наблюдали за звездопадами, говорили обо всем на свете. Они искренне любили. Драко всё-таки стал поэтом и посвящал Адель стихи, но они были полны надежды и говорили о «прыжке веры».

Адель увлеклась выращиванием цветов. Драко мечтательно смотрел на Адель каждый раз, когда она бережно подвязывала розы или просто ходила по саду. Школа закончилась и последовал довольно логичный исход: Драко сделал предложение Адель, сказав ей, что она бесценный цветок его души, цветок, что никогда не завянет и будет цвести вечно, и если она не против, то, возможно, она захочет расцвести только для него одного?

И она ответила, что не сможет прожить и дня без его слов любви, сложенных в стихи.

И такая любовь будет жить вечно в сердце каждого. Каждого, кто верит в невозможное. Кто верит в книжную и идеальную любовь. Только те и переживут её. Те, кто готов делать «прыжки веры».

P.S.

Профессор Снейп наблюдал за сей пьесой. Увидев, как Адель нашла то, что искала, на утрюмом лице появилась совсем мимолетная улыбка.

— Северус, я гляжу, твоё сердце равнодушно к живой любви, — из ниоткуда появился Дамблдор и теперь наблюдал вместе с профессором Снейпом за счастливой парой, лежащей под деревом возле озера и читающей стихи друг другу.

— Не более, чем ко всему другому, — и лицо его, как и прежде, стало каменным.

— Я знаю, что вы сделали. Лили бы гордилась вами, — и Дамблдор снова исчез, оставив профессора наедине со сказанными словами.

ДИАНА ГУСЕВА

Рождественская звезда

Это было очередное рождество. На улице темно, огни гирлянд, такие же разные, как и людские души, в этот вечер мерцали в унисон. И лишь на одном доме на площади Гриммо не было огоньков. На доме номер 12.

Там жил совершенно непримечательный для магглов человек, всего лишь герой Магической Британии. Гарри Поттер.

Так уж сложилось, что после войны в нем что-то... перегорело. Он больше не радовался жизни, не видел смысла в праздниках, почти перестал общаться с Роном и Гермионой. Раньше, они периодически его навещали, но раз за разом встречали лишь наигранное гостеприимство и холодный взгляд изумрудных глаз. Со временем, они стали приходить всё реже и реже, пока число визитов не сократилось до одного раза в год. В рождество.

Гарри все осточертело. Какой смысл в праздниках, если они уже победили Воландеморта, а единственный стоящий противник на данный момент - это смерть. И её не победить. А ещё они с Джинни разошлись. Она была единственной, кого он любил. То есть, он так думал.

Гарри сидел в кресле у окна и смотрел на улицу. Площадь какое-то время была пуста, но постепенно заполнялась народом. Кто-то тащил ёлку, кто-то - подарки, люди пели и веселились. А Гарри... Гарри смотрел на это и думал.

"Куда же меня занесла эта жизнь? Раньше, я тоже был способен чувствовать себя счастливым, но теперь... Теперь у меня ощущение, словно я потерял свою душу. Словно ориентируюсь только думая: а что бы я почувствовал, будь я прежним? Мне страшно. Все катится под откос. Главное - сохранять трезвость мыслей и духа. Фрррр... Надо проветриться".

Он оделся потеплей, вышел из дома и пошёл, куда глаза глядят. Он шёл по улице, глядя под ноги, изредка поднимая взгляд на прохожих, и был, наверное, самым угрюмым человеком в такой праздник. Сам не заметил как, Гарри вышел к катку. Там было много людей, каждый из которых катался как умел, и как ему хотелось. Гарри заметил, как в самом центре катка мелькнула белобрысая макушка. Вдруг между людьми образовался проём и он увидел владельца платиновых волос. Тот стоял спиной, и лица было не увидеть. В сердце Гарри мелькнула какая-то искра и сразу потухла. Он лишь успел её заметить, и больше всего его удивило, что та была ЖИВАЯ. Он полагал, что в его душе всё давно умерло, но, как оказалось, это было не так.

Поттер увидел лишь часть, видимо, заранее продуманного выступления, прежде чем платинового красавца вновь загородил народ. Но этого было достаточно, чтобы понять две вещи: он катался как Бог и, в действительности, был незаконно красив.

Гарри долго стоял у катка, высматривая платиновые волосы в толпе, но ничего так и нашёл. Вздохнув, он пошел дальше. Гуляя, он думал о Рождественской Звезде - так он неосознанно стал называть того парня.

"Я даже не видел его лица, но похоже, что-то во мне встрепенулось, даже просто от его силуэта. Интересно, я думал, я давно уже мало чем отличаюсь от камня. Что ж, я обязан встретить его снова, чтобы это проверить. И да будет на то воля судьбы".

Он шёл и шёл дальше. Вскоре, на его макушку (он так и не научился носить шапку, ведь все равно рано или поздно он умрет, и какая разница, от чего) приземлилась первая снежинка, а затем крупными хлопьями повалил снег. В сердце каждого это возродило веру в светлое будущее и светлый праздник. Для Гарри же это значило лишь снижение видимости, что совсем не было ему на руку, если он хотел найти ледяного красавца. А он хотел.

Вдруг он уловил в воздухе прекрасный запах. Пахло свежими, горячими, пряными булочками с корицей. Гарри вспомнил, что пока его в его душе ещё горел огонёк, он очень их любил. А значит, это должно было помочь ему вернуться к жизни, кроме того он замёрз и согреться не было бы лишним. Он принюхался и пошёл на запах. Вскоре, сквозь метель он увидел вывеску пекарни. "Слава тебе, Господи,

наконец-то!" - прошептал он замёрзшими губами и толкнул дверь.

В нос ему ударил запах свежего хлеба, пряностей, глинтвейна и, конечно же, коричных булочек. В пекарне было достаточно много людей, они весело переговаривались, пили чай и ели, как выяснилось, лучшую выпечку в городе.

И вдруг среди галящей толпы Гарри увидел ЕГО.

"Рождественская Звезда" - слетело с его губ достаточно громко, чтобы почти все услышали и замолчали. На его счастье, справа от него стоял подоконник, заставленный горшками с красными цветами - так называемыми рождественскими звёздами, куда он и поспешил перевести взгляд. Народ, смотревший в его сторону ещё несколько секунд, вернулся к разговорам, приняв Гарри за человека, первый раз в жизни увидевшего эти цветы. Убедившись, что в его сторону уже не направлено столько заинтересованных взглядов, он поспешил купить себе пару булочек с корицей и крепкий горячий глинтвейн.

Отвернувшись от кассы в сторону небольшого зала, он осмотрел его на предмет наличия свободных столиков. Заметив два незанятых стола в разных концах помещения, он выбрал ту половину, где видел Рождественскую Звезду.

Он шёл к столику, параллельно смотря по сторонам. Вдруг, за окном он увидел людей, певших рождественские хоралы. Он засмотрелся: их глаза горели радостью и верой, их голоса были полны любви и доброты, в их лицах читался огонь их душ. Гарри все ещё шёл, но совсем не смотрел, куда именно. Внезапно он врезался в кого-то. Резко наклонившись, ему всё же удалось удержать поднос, что удивительно, даже не разлив глинтвейн. Он разогнулся и поднял глаза на ошарашенного человека в которого он влетел.

"Извин-" - начал он, но не смог закончить. - "Малфой?! Это ты - Ро..." - Гарри прикусил язык.

"Поттер? Мдаа, герой Магического мира всё ещё выглядит так, словно только что победил Воландеморта", - усмехнулся Драко Малфой, осмотрев Гарри с головы до ног. - "А что я - ро..?"

"Эээээ... Да я просто спросил: "Это ты-то рождество в маггловском Лондоне отмечаешь?" - выкрутился Гарри.

"А что? С тех пор как родители лишились почти всего, им стало трудно содержать Мэнор, а это было, наверное, единственным, что я любил в магическом мире. Ну, ты и сам знаешь".

Драко скорее по привычке смерил Поттера агрессивным взглядом, ведь Гарри самолично свидетельствовал за оправдание его родителей в суде. Так или иначе, это был не тот полный ненависти и презрения взгляд, который Гарри часто ловил на себе в школе. Этот взгляд был полон почти прошедшей, но ещё напоминавшей о себе боли. Целью этой агрессии было не нападение, а защита, ведь Драко так много плохого о себе слышал, ждал подвоха во всём: все считали его Пожирателем, оправдавшимся за счёт денег. А это было ужасно несправедливо.

Гарри заглянул внутрь себя. Будь он прежним, он бы не хотел видеть в глазах Драко эту боль. Он бы не хотел, напоминать ему обо всём произошедшем, что так тяжело повлияло на них всех. В конце концов, он уже давно был влюблён в наследника Малфоев. Только никогда не верил, что это может оказаться взаимным, почему и победил Воландеморта. Ему совсем нечего было терять, он просто хотел умереть и пользовался случаем. Но у него не получилось. Зато он стал героем Магической Британии, что тоже имело свои неплохие плюсы. Хотя, даже став оным, он не смог бы получить Драко, и ему оставалось лишь ждать следующего случая умереть. Стоп. Вдруг в мерном потоке мыслей молнией проскочило осознание: неужели, всё это время, его огонь не мог разгореться, из-за того, что в его жизни больше не было Драко Малфоя?.. От этой поразительно похожей на правду мысли в сердце Гарри что-то произошло. Больше всего это было похоже на толстую корку льда, плотно окутывающую его сердце, по поверхности которой побежали первые трещины.

- Да. Прости, давай не будем об этом. Извини, что налетел на тебя. Могу я чем-то загладить свою вину?

Малфой пристально оглядел Поттера. "Безусловно, ты можешь!" - подумал он. - "Но тебе явно не захочется платить такую цену, за то, что ты просто налетел на бывшего Пожирателя в кафе". Гарри Поттер. Герой. Парень со шрамом. Парень Драко. Но это лишь мечты. То, о чём наследник Малфоев мечтал так давно, почти с самого

детства. Но у Драко никогда раньше не было выбора. Он - пленник Воландеморта, родителей, репутации, не мог выбирать своё счастье. До этого момента. "Интересно, я же могу сейчас попросить чего угодно, примерно подходящего по ущербу столкновению. Но в голову мне приходит только одно..."

- Пригласи меня на ужин, Поттер.

- Что?!

Гарри был ошарашен. Безусловно, он этого хотел, но это было очень неожиданно. Впрочем, эта неожиданность сделала треск льда его сердца только громче.

- Что слышал. Пригласи меня на ужин. Ты налетел на меня, я уронил свой поднос, и теперь мне нечем перекусить.

Малфой внаглую врал о потерянном перекусе, но на войне все средства хороши.

- Ладно... Куда бы ты хотел пойти?

- Хммм, дай-ка подумать... Отведи меня в свое любимое место. В место, которое много значит для тебя.

- Я, конечно, могу отвести тебя к Уизли, но мне кажется, они прочитают под этим совсем другой подтекст.

Гарри был рад и удивлен, что он смог даже слегка пошутить. Драко же густо покраснел.

- Как-нибудь в другой раз.

- Хорошо, я не премину пригласить тебя позже на ужин в Нору. Я знаю, куда нам пойти. Как насчёт сегодня же?

- Я не занят.

- Отлично, в восемь приходи в эту самую пекарню, а дальше... узнаешь.

- Учти, я позвоню Панси и Блейзу. Они будут знать, что я ушел с тобой.

- И что это? Запрет мне тебя похищать?

- Надеюсь, ты и не собирался. Но я всё равно не могу доверять бывшему врагу, будь он хоть трижды герой Магической Британии.

- Так вот как ты обо мне думаешь...

- Поттер, стой, ты куда?

Гарри, ничего более не сказав, повернулся и почти полетел к двери размашистым шагом, плащ его развевался. И лишь у порога он остановился.

- Наши планы всё ещё в силе. Не забудь прийти.

После чего он распахнул дверь и растворился в рождественском вечере.

"Мне надо побыть одному и подумать. Мне кажется, мое сердце вновь покрывается льдом. Но это другой лёд. Это не безразличие и ожидание смерти, а скорее боль. Сожаление, разочарование, скорбь, жалость. И всё это густо приправлено болью. Неужели, я настолько заигрался? Неужели, я стал для него врагом тогда и останусь таковым на всю жизнь в его глазах? А о чём я думал?! Хотел, чтобы мы забыли старые обиды и смогли быть вместе?! Невозможно. Мы уже давно сделали свой выбор".

А Драко стоял у столика в кафе, смотрел на дверь, что раскачивалась под порывами ветра, и не мог сдвинуться с места.

"Что я наделал?! Зачем я только стал говорить о старой вражде?! Пойми, Гарри, я не мог тогда поступать иначе, у меня не было выбора! Я сперва хотел дружить с тобой, затем влюбился. Я каждый день видел тебя, разговаривал с тобой. Казалось, моя детская мечта сбылась, но... Мы были по разные стороны баррикад, хоть и учились в стенах одной школы. Я не мог показывать хорошее к тебе отношение, мне ясно дали это понять. Прости меня, Гарри. Каждая моя издёвка была сказана через силу, каждое оскорбление придумано с мыслями о том, кто не даёт мне показывать своих чувств. Но я всегда любил тебя и никогда не хотел причинять тебе боль".

Близился восьмой час.

Гарри шёл, сам не знал куда. Он думал. "Мда. Мы, боюсь, никогда не сможем быть вместе. Хотя, погодите-ка... Как он сказал? Не могу доверять бывшему врагу, будь он хоть трижды герой Магической Британии... Бывшему. Действительно, чего я хотел: мы виделись в последний раз, когда были ещё врагами. Но он, видимо, думал об этом раньше, и я стал для него бывшим врагом. Это определенно хороший знак. Сколько, кстати, времени? О Боже, уже семь, а я гуляю, сам не знаю где! Мне же нужно всё подготовить! Ну что ж, Драко Малфой, тебя ждёт незабываемый вечер в моей компании".

Тем временем, Драко всё ещё был в пекарне. Он долго смотрел вслед Гарри, хотя тот уже давно простыл. "Гарри,

знаешь же, я не хотел обидеть тебя. Ну что ж, главное вечер ещё в силе. Шанс ещё есть. Куда же ты меня отведёшь, герой? Остаётся только ждать". С такими мыслями он привёл себя в относительно порядок, заказал чай и сел за столик у окна. "Что же мне принесет этот вечер?"

В то самое время, Гарри выбирал еду, заказывал столик и думал, что больше понравится Драко: шампанское или вино, а если вино, то какое?..

Его сердце все ещё было покрыто льдом, но когда он думал о Драко, этот лёд словно отступал на второй план, становился совсем не важен и незаметен.

Без десяти минут восемь, дверь пекарни вновь открылась, но внутрь зашёл не очередной обычный посетитель, а Гарри Поттер. Плащ Гарри был покрыт крупными каплями растаявшего снега, а в непослушных волосах виднелись зацепившиеся тонкие снежинки. Драко ждал его. Гарри пришёл за *ним*. Он здесь не ради важной встречи или интервью, почти самый влиятельный человек в Магической Британии зашёл в кафе забрать на ужин бывшего Пожирателя Смерти. Кто-то сказал бы: "Невозможно!" Они и сами раньше так думали. Но этот вечер изменил всё навсегда.

Гарри подошёл к Драко и подал ему руку, насмешливо улыбаясь и растягивая слова, как делал Малфой, когда они ещё учились в Хогвартсе:

- Прошу Вас, Драко Люциус Малфой, принять в качестве извинения за случайное столкновение ужин в компании всенародного героя Гарри Поттера, а также всё, что за ним последует.

Драко слегка покраснел, но это всё равно было очень заметно на его аристократически бледном лице. Он усмехнулся про себя: "Поттеру запомнилась моя манера говорить? Интересно, что мне она никогда не нравилась. И что он имеет в виду, говоря о последующем? Хотя, думаю, я могу ему доверять, судя по тому, как горят его чистые изумрудные глаза. Горят в предвкушении, счастье и каком-

то детском восторге. Конечно, я соглашусь. Когда ещё такой шанс представится?"

- Хорошо, я согласен. Что бы это ни значило.

Они шли по улицам, полным огней. Было уже совсем темно и это добавляло рождественскому вечеру особенную прелесть. Драко вдруг стал замечать, что он уже шёл этой дорогой сегодня. Не успел он вспомнить, откуда же он тогда направлялся, как их взгляду представился каток. В этот час там было ещё больше народу, чем раньше, только вместо семей с детьми там катались пары. И что-то ещё изменилось во внешнем виде катка. Драко долго не мог понять, что же за перемена произошла, пока Гарри не потянул его за локоть в сторону огороженного уголка на льду. Когда он подошёл, то увидел аккуратный столик на двоих в окружении гирлянд. На столе стояли свечи, а рядом ждал указаний услужливый официант. На коньках.

Они сели. Перед каждым незаметно появились блюда, по бокалам разлили горячий пряный глинтвейн, просто необходимый в столь морозный вечер. Драко огляделся. Отсюда открывался замечательный вид: пары, катающиеся на коньках, а под ними - лёд, полный красок. В нём отражались цветные огоньки, и это выглядело так, словно люди катаются не по льду, а по небу, залитому северным сиянием. Драко скосил глаза на Гарри и заметил, что тот тоже любит, только не на лёд, а на него...

Резко повернувшись, он застал Гарри врасплох. Тот выглядел как кот, которого поймали за стаскиванием куска мяса со стола. Как неисправимо взъерошенный, смущённый кот. Драко понимающе и слегка самодовольно усмехнулся глубоко у себя внутри, но Гарри этого не показал и сделал вид, что ничего не заметил.

Они принялись за еду и посмотрели друг на друга, но нашли это слишком смущающим и вновь отвернулись в сторону льда.

Гарри растворил свой взор в разноцветном ледяном зеркале и думал. "Странно, что во всей этой завораживающей картине, я счёл самым прекрасным - Малфоя. Как он мог не заметить, что я не свожу с него глаз? А, впрочем, будем надеяться, что это действительно было так. И всё-таки, я не мог не смотреть на него: эти

платиновые волосы, такие, наверное, мягкие... А этот холодный взгляд металлически-серых глаз... Ох, чёрт, я снова на него смотрю! Надо думать о чём-то отвлечённом, например, об облаках: таких воздушных, мягких, блондинистых... Чёрт!"

А у Драко же в голове творилось, примерно, следующее: "Какого наргла, он на меня так смотрел? Не будь меня на этом конце стола, я бы назвал этот взгляд... влюблённым? Нееет, быть этого не может! Это же Гарри Поттер, ради Мерлина! Для него, скорее всего, уже давно найдена хорошая партия. Хотя... Слышал, они с Уизлеттой разошлись. Быть этого не может!.."

Гарри и Драко сидели за столиком и ели. Блюда были очень вкусными, а Драко отметил, что глинтвейн, который периодически подливали в бокалы, всегда был горячим. Значит, Гарри и этим озаботился. Да и вообще, весь этот ужин был каким-то уютным и по-домашнему теплым. Не стал бы Гарри так утруждаться ради Малфоя, если бы всё ещё считал его своим соперником и устроил всё это только лишь из чувства долга. Они уже давно не в школе, Воландеморта больше нет, и они уже не такие разные, как раньше. Теперь у них нет рамок, что прежде сдерживали их, и единственное, что мешало Драко признаться - нежелание обременять Гарри своими чувствами. Если только не...

"Кажется, Малфой очень изменился со времён Хогwartса", - думал Гарри, смотря в сторону катка, но изредка незаметно, будто бы случайно, бросая на Малфоя заинтересованный взгляд. - "Настолько, что его уже нельзя назвать Малфоем, в нём не осталось почти ничего от их породы. Кроме, может быть, гордости, аристократичности и манер. А в остальном, он не стал похож на обычного человека, а скорее приобрел свои собственные тонкие особенности, которые не всегда можно разглядеть за пеленой событий минувших дней. И новому ему больше подходит не холодное "Малфой" - от него сразу веет предубеждением - а, скорее "Драко". Просто "Драко".

Вскоре, горячее подошло к концу, а впереди их ждал десерт. Но ни Гарри, ни Драко больше не хотелось есть. Разве что, после небольшого перерыва.

- Поттер, это был неожиданно хороший ужин, но перед десертом, не помешало бы размяться. Раз уж мы на катке, я пойду покатаюсь.

- Отличная идея, я с тобой, если ты не против.

- Конечно, нет. Тогда я пошел брать коньки.

Драко начал удаляться в сторону здания проката зимнего инвентаря.

- Дра... Малфой! - вдруг крикнул Гарри, ненароком чуть не выпалив уже ставшее таким родным и привычным имя.

- Подожди! Я забыл, я же успел предусмотреть и это!

Гарри подозвал официанта, который поднёс ему заранее подготовленные коньки.

- Надеюсь, я не ошибся с размером. А вот цвет, я уверен, тебе понравится.

Драко вернулся к столику и подошёл поближе, чтобы рассмотреть коньки. Они были бархатно-зеленого цвета, и оторочены серебристым мехом. Драко не хотелось думать, что они точно повторяют цвета факультета Слизерин. Он искренне надеялся, что Гарри выбирал их, не подчёркивая принадлежность Драко к Хогвартским змеям, а думая о нём, как об отдельном человеке, личность которого не ограничивается стереотипами о его факультете. Так или иначе, ему действительно очень понравились коньки.

"Он выглядит слегка грустным", - наблюдая за его реакцией, отметил Гарри. - "Неужели они ему не понравились? Я долго их выбирал: серебристый - это цвет его волос, а зелёный удачно оттенял глаза. Может быть, он всё же оценит этот подарок?"

- Тебе нравится? - спросил Гарри.

- Шутишь? Они очень красивые, только... Почему они выполнены в цветах Слизерина?

- Ох... - Гарри начинал понимать, в чем именно состояла причина грустного голоса блондина. - Если тебе не нравится, я могу заменить, мне просто показалось, что они тебе пойдут...

- Нет, не надо их заменять, они мне очень нравятся. Просто, мне показалось, ты выбрал их, потому что я закончил Хогвартс на Слизерине. Но если они подобраны для меня, то я с величайшим удовольствием покатаюсь на них сегодня.

- Почему же только сегодня? Я думал, ты любишь кататься на коньках.

- Так это же... Стоп. Это что, подарок?

- Ну... Да.

- Я не могу его принять, это же так дорого! Тебе не стоило.

- Можешь! Без возврата, без обмена! - Гарри был почти уверен, что уговоры бесполезны, но не собирался оставлять попыток.

- Хорошо. - Наконец сдался Драко, столкнувшись с уверенным и непреклонным взглядом зеленых глаз. - В таком случае, огромное спасибо, я буду пользоваться ими с величайшей радостью.

- Ну вот и отлично! Встретимся на льду!

И Гарри пошел в сторону скамеек, чтобы переобуться, оставив Драко стоять в счастливом ступоре с его новыми коньками в руках.

"Хммм... Он выглядит довольно счастливым", - думал Гарри, завязывая бордовые шнурки на коньках, цвета темного шоколада. Он тихонько поглядывал на Драко, сидящего напротив, это было очень удобно делать из-за свисающих на лицо всклокоченных волос. - "Пожалуй, я справился с подарком. Его улыбка сейчас может осветить весь Лондон, если бы ему потребовалось больше света. Хотя, куда уж больше, сегодня Рождество - ночь, когда никто не спит".

Гарри и Драко вышли на лёд. Он был сверкающим и чистым, приятно звучал под ногами, словно звенел. От него не веяло холодом, воздух и так был морозным, прозрачным, и единственным, что витало в этом свежем, пустом пространстве, был снег.

Драко быстро и легко заскользил по льду. Гарри невольно вновь залюбовался им.

"Как же ты всё-таки прекрасно катаешься!" - думал он, не катаясь красиво, как Малфой, а скорее просто стараясь не налететь на кого-нибудь и не упасть самому. - "Если перенести катание на то, что я чувствую, то это ощущается, словно ты взрезаешь коньками лёд, покрывающий моё сердце. Тот становится всё тоньше, всё восприимчивее от каждого касания спасительного металла. Моя

Рождественская Звезда. Благодаря тебе, я могу на время забыть об этом льде. Но только на время".

Драко описал полный круг и подъехал к Гарри, который хоть и умел кататься, но точно не получал удовольствия от этого. По крайней мере сейчас, когда единственное, к чему он равнодушен - это Малфой.

- Поттер, что копаешься? Хочешь, покатаемся вместе?

Гарри не ожидал, что Драко сейчас заговорит с ним и тем более, что предложит делать что-то вместе, так что не в силах что-либо сказать, он только кивнул.

Малфой покатился к центру катка, после чего, не найдя Гарри рядом с собой, остановился, повернулся к нему в ожидании и приглашающе подал руку. Гарри какое-то время стоял в ступоре, ещё после предложения Драко, но посмотрев на руку, которую протянул ему тот, предпочёл размышлениям реальность. Поттер оттолкнулся, неосторожно проехал небольшое расстояние до Малфоя и, остановившись, схватил того за руку. Несмотря на то, что Драко сам протянул ему ладонь, причём совершенно автоматически, не отдавая себе отчёта, он удивился, когда Гарри коснулся его. Рука в руке. Ему вспомнилось так и не случившееся рукопожатие, когда он предложил Гарри дружбу на первом курсе. Внутри всё съёжилось от воспоминаний о тех временах, и Драко решил переключиться на настоящий момент. Ощущения от прикосновения Гарри несомненно были новыми. Драко чувствовал и тепло его рук, и то, как эти руки могли нежно гладить его по волосам, как сильно могли бы обнимать, как высоко поднимать. Могли бы. Если бы не всё то, что они никогда не смогут забыть. Вражду. Вражду их семей, вражду их друзей, вражду их сторон. Хотя они сами никогда не чувствовали друг к другу острой неприязни. Лишь ненависть к истории, которую им навязывали, к ошибочному мнению о человеке, который боролся на другой стороне. К мнению, которое было составлено не ими. Не их мнению. Ещё не поздно все изменить, ведь ничего ещё не начиналось. Сейчас они узнают новых, других себя. Не просто заново, а впервые.

Драко посмотрел Гарри в глаза, в эти сияющие изумруды. Гарри чуть не упал, когда подъезжал и резко останавливался, так что он не успел посмотреть в глаза Драко. А тот, разумеется, этим пользовался. На очки

прилипли крупные пушистые снежные хлопья. Они быстро растаяли, и теперь у Гарри сильно ухудшилась видимость. Как только он встал ровно, то снял очки и протер их, забавно щурясь. Драко нашёл это очаровательным.

- Поттер, я забыл спросить самое главное. Почему ты выбрал именно это место для ужина? Я хотел, чтобы ты отвёл меня туда, где случилось что-то важное, значимое для тебя.

- Так и есть, на этом катке произошло очень важное событие моей жизни.

- Что же здесь случилось, если не секрет?

- На этом катке сегодня я впервые встретил нового тебя.

Драко задохнулся от этих неожиданно похожих на правду слов. Он не ожидал, что Гарри так просто сможет открыть ему душу, не прибегая ни к искажению, ни ко лжи. То, что он сказал, было таким простым, но при этом заставляло сложные механизмы души напрочь выходить из строя. Драко заглянул внутрь себя. Действительно, он же никогда по-настоящему не знал Поттера. Всё, что было известно о нём, Малфой получил либо от родителей и их окружения, которые всегда настраивали его против Гарри, либо из собственных наблюдений за ним. А наблюдать за Поттером, когда он в окружении людей (то есть всегда, это же Поттер) - это то же самое, что поскрести по его фальшивой поверхности, по облику героя, который ему приходилось поддерживать. Сам Поттер был другим. Каким?

- Поттер, я тоже хочу узнать нового тебя. Я никогда не видел тебя настоящего, но жажду этого всем сердцем.

В этот момент они оба не столько поняли, сколько прочувствовали тонкий смысл этих простых слов и залились лёгким румянцем, но не отводили друг от друга глаз. Их отношение друг к другу вдруг стало ясно, как день, и осветило их души таким же сияющим светом.

Драко и Гарри стояли в самом центре катка, но совсем не замечали, что происходит вокруг. Они медленно сближались, не разрывая взглядов. Расстояние между ними не было бесконечным, и вскоре его совсем не осталось. Их губы сомкнулись и распахнулись навстречу новым ощущениям, не успели они понять, что же именно произошло. Но это было неважно. Главное, они знали, что это было правильно.

Они нежно целовались, но весь мир не ждал их, они были всем своим миром. Им больше никто не был нужен в то прекрасное мгновение.

И в этот момент, ледяная капсула, окутывавшая сердце Гарри не выдержала и раскололась, оросив его душу тысячами мелких ледяных брызг. Каждая льдинка от тепла его души превратилась в пар, из которого образовался шар, и внутри него снова забилося живое, любящее сердце. Эта сфера была предназначена для того, чтобы сохранить любовь Гарри и никогда больше не выпустить из его сердца Драко Малфоя.

Они отстранились друг от друга и неуверенно и нежно встретились взглядами. Гарри улыбнулся и поправил серебристую прядь, убрав её с лица Драко.

- Гарри.

- Драко.

Эти имена, которые они знали так долго, но никогда ещё не произносили вслух. Теперь они звучали непривычно, но как-то... правильно. Так или иначе, у них будет ещё много времени, чтобы привыкнуть к ним, к их именам, которые ещё никогда не произносились с такой любовью.

Тишина между ними была довольно уютной, но Драко как никогда хотелось её нарушить.

- Я люблю тебя, Гарри.

- Драко... Кажется, моё сердце, словно оттаяло. Словно я снова могу любить. И я потрачу эту возможность только на то, чтобы любить тебя. Я люблю тебя, Драко. Моя Рождественская Звезда.

После того, как между ними рухнула многолетняя стена недопонимания, им захотелось намного больше узнать друг о друге. Совершенно забыв о десерте, который они планировали доесть, они решили поехать на Гриммо, 12, чтобы отметить Рождество в своей своеобразной, но уютной и радостной обстановке. Следовало поспешить, им надо было ещё украсить дом Гарри, ведь он был единственным домом без украшений не только на площади, но, наверное, во всём Лондоне.

Они уже подходили к дому, как на пороге столкнулись с Роном и Гермионой, которые пришли поздравлять Гарри с Рождеством, но никого не застав, собирались уходить.

Увидев Малфоя, они очень удивились. Рон было хотел спросить, что этот змееныш делает здесь, но вовремя получил толчок в бок от Гермионы, которая была в таких вещах куда проницательнее своего супруга. Зная Гарри, они взяли с собой и украшения, и угощения, так что ко времени, все четверо сидели за столом, в красиво украшенной гостиной и ждали полуночи. Благо, Рон и Гермиона знали Гарри так давно, что они могли заниматься предпраздничными хлопотами, не произнося ни слова.

- Итак, - начал Гарри, чтобы заполнить слишком пустую тишину. - Вы точно помните Драко.

Это был не вопрос, а утверждение. Конечно, семь лет при постоянной вражде сложно забыть. Целью этой фразы скорее было выяснить, что из себя представляло на тот момент отношение Рона и Герми к их старому недругу.

- Конечно, мы помним, - ответили хором Рон и Гермиона. При этом на лице Рона появилось выражение, словно ему соль на раны насыпали, а на лице Гермионы пробежала тень недоверия, впрочем, почти сразу сменившаяся заинтересованностью.

- Так что, он теперь твой парень? - спросила Гермиона прежде, чем кто-либо успел среагировать.

После этих её слов Рон подавился воздухом от неожиданности, а Гарри и Драко залились румянцем.

- Не просто парень, - после некоторой паузы ответил Гарри. - Он - моя Рождественская Звезда.

Шум Вечернего поезда

Драко стоял на перроне и ждал поезда. На платформе стояли люди самых разных слоев: от богачей до бедняков, от добродушных до злонамеренных. И каждый из них ждал поезда. Вернее, того, кто на нём прибудет.

Вон та семья, рыжие, Уизли, ждут сына и дочь, хотя они и без них похожи на полноценное семейство. Чуть ближе стоят семьи слизеринцев: Нотты, Креббы, Гойлы, Забини, Паркинсоны... Все из них знакомы Драко, но у него нет никакого желания здороваться с ними сегодня.

Сегодня у него важный день, ведь он ждёт не члена его семьи, не Малфоя. По крайней мере пока.

Драко в этом году прибыл домой раньше конца учебного года, потому что пока он занимался благородным нарушением правил, а именно, прогулкой посреди ночи по Запретному лесу в запретной компании, на него напал кентавр, который помнил его, как помощника Амбридж. И его друг не успел прийти ему на помощь вовремя, он опоздал лишь на мгновение, но опоздал. Драко пришлось отправиться на лечение в Мунго, и он пропустил конец года. Но ему было всё равно. Сейчас он ждёт того, кто был причиной всей его радости от учёбы в Хогвартсе. А вот и стук колес...

К платформе подъезжал Хогвартс-Экспресс, из окон школьники махали людям на перроне. Поезд шумно стучал колесами, замедляя ход, и, наконец, дал гудок. Драко прикрыл глаза и вслушался. Он вырос в высших кругах и редко слышал гудок паровоза, но теперь, он напоминал ему о его самом дорогом человеке. Этот протяжный, гулкий, звонкий гудок символизировал радость и все светлые события его жизни, в частности, встречу в этом самом поезде. Встречу с...

Вдруг чья-то рука коснулась его плеча. Драко открыл глаза и нежно встретил тёплый взгляд ярких изумрудов через стекла очков.

- Привет, Драко, - сказал собеседник.

- Привет, Гарри, - счастливо улыбаясь ответил Малфой.

Семьи воссоединялись на этом перроне, он постепенно пустел. Люди становились радостнее в этот день, и они сами

были счастливы, как дети. Гарри тихо улыбнулся, убрал прядь белесых волос с лица Драко и нежно его поцеловал. Отстранившись, он улыбнулся вновь, и они медленно пошли к выходу по полупустому перрону, спеша рассказать друг другу последние новости. За их спинами подавал прощальный гудок паровоз. Они ещё не раз появятся на этой платформе, но теперь они целое лето проведут вдали от Хогвартса. Колеса застучали по рельсам всё быстрее и тише, тише, тише...

Как же Драко был благодарен давнишнему стечению обстоятельств, которое свело их в этом поезде. В поезде, чей шум навсегда останется в его сердце, как символ грядущих, и несомненно хороших перемен.

Чистые Краски

Тучи сгущались. Серые, тяжёлые, уставшие от тоски, что они сами же и несли с собой, они схлестнулись над городом, превратив небо в бесконечный потолок. Начался дождь.

Город был сер. Люди куда-то бежали от капель, не понимая, что бежать уже бесполезно. Одним касанием дождь превращал их в неотъемлемую часть безжизненности и давящей грусти города. Делал людей лишь фоном для картины одному ему известной. Превращал всё в ничто, жизнь в смерть, смысл в пустоту.

Взгляды несуществующих зрителей картины дождя скользили по городу, ни за что не цепляясь. Всё было одинаково серо и безжизненно, даже если под чёрно-белыми плащами бегущих бились сердца. Несмотря на то, что весь город пребывал в неустанном движении, он выглядел на удивление незыблемым.

Но внезапно картина изменилась. Все взгляды, все мысли были обращены на неё. В размеренную серость происходящего ворвался цвет. На площадь вышла девушка.

Её волосы были почти белыми, но разительно отличались от бесцветного, которым были густо припорошены улицы. Одежда, и так необычная, совсем сбивала с толку, нарушая привычную серую палитру. Глаза девушки мечтательно устремлялись ввысь, в такое же

бесцветное небо. А на лице играла спокойная, но счастливая улыбка.

Девушка шла, почти летела по улицам, не замечая никого вокруг. Её занимало одновременно всё и ничего. Вернее, всё то, на что прочие люди не считали нужным обращать внимание. Она ласково смотрела в серую высь, наслаждаясь стуком капель по лицу, по крышам, по мостовой...

И вся она светилась искренним счастьем, непонятым более никому. Её свет менял мир вокруг. И пусть люди относились к ней как хотели, пусть даже вовсе не замечали, она меняла каждого из них. На глазах замороженной публики, мир обретал краски.

Каждого зрителя эта перемена заставила окунуться в размышления. Для каждого это стало важным уроком. Ведь мир меняется, его меняют люди. И в серость не так сложно пролить цвета.

Перед затихшей публикой, Полумна Лавгуд покидала площадь. А за ней мир оставался красочным. Более того, он становился всё ярче и ярче. И мир каждого зрителя изменился вслед за картинным.

Где-то наверху удовлетворённо усмехнулся дождь, довольный своей работой. Он затянул занавес, скрыв город за непроглядным ливнем, но и ему было не под силу спрятать живой, полный цветов мир.

На удивление даже самому дождю, капли окрашивались в цвета.

BEVOLSEN

Однажды на Рождество

Он никогда не любил вечеринки, которые каждый год Дамблдор устраивал в учительской в канун Рождества. Он вообще не любил праздники. Все эти улыбающиеся лица, болтовня ни о чем, веселый смех – его раздражали. Он был бы рад забиться поглубже в свои подземелья, словно мышь в нору, в надежде, что окружающие о нем забудут. Но действительно верить в такое чудо было бы с его стороны крайне наивно. Дамблдор о нем никогда не забывал.

Блестящие голубые глаза за стеклами очков-половинок весело смотрели на него, словно ожидая чего-то. Северус вынырнул из пучины собственных мрачных мыслей и натянуто улыбнулся, делая вид, что оценил анекдот, который директор упоенно рассказывал ему последние несколько минут. По мановению волшебной палочки опустевший бокал Снегга сам собой наполнился пуншем, и Северус машинально сделал глоток, чувствуя, как приятное тепло разливается по организму, наполняя тело легкостью.

Глаза директора хитро блеснули.

- Если Вы думаете меня напоить, то у Вас ничего не выйдет, - спокойно произнес Снегг, в упор глядя на Дамблдора. – Снова.

- Я не тороплюсь, - улыбнулся директор. – Это Рождество не последнее.

Каждый год одно и то же. Северус мысленно вздохнул, но говорить ничего не стал. Он преподавал в Хогвартсе вот уже три года, но ночь в канун Рождества всегда проходила для него одинаково – в ожидании ее скорейшего завершения.

Громкий смех привлек его внимание, отвлекая от невеселых мыслей. У жарко полающего камина, занимая собой почти весь диван, расположился школьный лесничий. Его наполовину скрытое косматой бородой лицо покраснелось то ли от жара огня, то ли от количества выпитого алкоголя. Активно жестикулируя, он что-то рассказывал сидящим вокруг коллегам. Все смеялись,

подначивая великана, чтобы он рассказал что-нибудь еще. Хагрид всегда был кладезем всевозможных историй, на все случаи жизни. Сидящая напротив гиганта профессор МакГонаггалл что-то негромко сказала, и компания снова разразилась громким хохотом, а Хагрид покраснел еще больше, смущенно улыбаясь.

Было странно видеть профессора трансфигурации без ее неизменной зеленой мантии и строгого пучка. В этот вечер Минерва была в темно-синем платье, соблазнительно обтягивающем неожиданно стройную фигуру (под свободной мантией всегда было не разглядеть), темные волосы собраны в высокую прическу и несколько упругих локонов обрамляют точеное лицо.

- Любуешься видами? - усмехнулся директор, проследив за его взглядом.

- Интересный орнамент каминного портала. Похож на древние письмена, - и глазом не моргнув, соврал Снегг. - Кельтский?

- Язык пиктов¹. Перерыл уже целую кучу справочников, но так и не понял, что за послание там зашифровано. Надо бы спросить у Минервы, она неплохо в этом разбирается.

Брови Снегга удивленно приподнялись, вызвав добродушный смех директора.

- Умение превращать ежа в подушечку для иголок и феноменальные способности в шахматах не единственные достоинства моего заместителя.

Северус невольно посмотрел в сторону сидящий в кресле МакГонаггалл. Их взгляды на мгновение встретились, и Минерва улыбнулась ему уголками губ, чуть приподняв бокал с вином, что держала в руке.

- Знаю, ты все равно меня не послушаешь, - Дамблдор поднялся из кресла и похлопал Снегга по плечу, весело улыбаясь, - но попробуй повеселиться. Хотя бы в этот вечер, - голубые глаза лукаво блеснули за стеклами очков. - Вдруг понравится.

С этими словами директор направился в сторону о чем-то шептавшихся профессоров Трелони и Синистры. Как хозяин вечера он следил, чтобы никто из гостей не скучал.

Снегг коротко вздохнул. Легче сказать, чем сделать.

¹ Пикты – древнейший из известных народов, населявших Шотландию (прим. автора).

- Идите к нам, Северус, - раздался вдруг приятный женский голос.

Профессор МакГонагалл смотрела на него со своего места, чуть выглядывая из-за закрывшей обзор мадам Помфри, только что присоединившейся к компании. - Мы не кусаемся.

И снова эта едва уловимая улыбка на тонких губах. Она почему-то завораживала. И Снегг молча подчинился, не в силах противиться этой улыбке. Странно. С ним прежде никогда такого не случалось.

Остаток вечера пролетел незаметно. Давно ему не было так легко и... весело. Флитвик оказался большим знатоком пошлых анекдотов, от которых сидящие вокруг дамы смущенно краснели. А с мадам Помфри можно обсудить необычные способы приготовления редких зелий. Она даже обещала показать Северусу одну из своих работ на эту тему, написанную несколько лет назад для целительского журнала. Хагрид как всегда веселил всех удивительными историями. А с Минервой они наверное впервые просто обсуждали квиддич, а не спорили до хрипоты, прожигая друг друга недовольными взглядами. Удивительно, но в этот вечер декан Гриффиндора была совсем на себя не похожа. Больше всего она напоминала Северусу кошку, мягкую и расслабленную. Никакой строгости во взгляде и этих вечно нахмуренных бровей. Даже ее движения, обычно резкие и деловитые, сейчас были плавными и грациозными.

Не желая показаться невоспитанным, Северус старалсяшний раз не смотреть на нее, но взгляд его черных глаз снова и снова возвращался к сидящей напротив женщине.

Сколько ей лет? Что-то около пятидесяти наверное, если учитывать сколько он ее знает. Но выглядит она явно моложе. На лице почти нет морщин, и волосы еще черны. Кожа гладкая и светлая, о такой говорят цвета слоновой кости. Прежде он никогда не обращал на это внимание.

Кажется, МакГонагалл заметила его изучающий взгляд, и ее щеки смущенно порозовели. Северус поспешил отвернуться, мысленно проклиная себя. Пришлось сделать вид, что он увлеченно обсуждает зелья с мадам Помфри. Впрочем, беседа его действительно увлекла, и на какое-то время Северус забыл о происходящем вокруг. Когда же, наконец, Поппи попрощалась и ушла, Снегг с удивлением осознал, что кроме него и МакГонагалл в учительской никого

не осталось. Все постепенно разошлись. Часы над каминной полкой пробили три ночи. Минерва все также сидела в кресле, задумчиво глядя на полыхающий за каминной решеткой огонь. Казалось, мысли ее витают где-то далеко за пределами учительской. Северус невольно залюбоваться ею. Все же удивительный сегодня вечер.

- Профессор, - он осторожно коснулся женской руки, покоящейся на мягком подлокотнике кресла, - все разошлись. Наверное, и нам пора?

Минерва едва ощутимо вздрогнула и подняла на него рассеянный взгляд.

- Что... - она окинула опустевшую комнату удивленным взглядом и, словно спохватившись о чем-то, поднялась на ноги. - Да, Вы правы, Северус. Простите, я задумалась.

Снегг пропустил ее вперед, направившись следом за ней к двери. Ее рука потянулась к дверной ручке, но внезапно Минерва обернулась.

- Знаете, Северус, а Вы сегодня были совсем не таким, как обычно, - улыбнулась она своей мягкой, какой-то кошачьей улыбкой, от которой у Снегга по телу разлилось приятное тепло. Наверное, все же не стоило так налегать на пунш.

- Вы тоже, Минерва.

Отблески пламени играли в ее глазах, делая их удивительно притягательными. Оказывается, они у нее синие. Не голубые, как, например, у директора, а именно синие, теплые и бездонные, словно морские глубины. Ее взгляд затягивал.

И прежде чем Северус осознал, что он делает, он шагнул к стоящей перед ним женщине и коснулся ее губ в нежном поцелуе. Его руки заскользили по ее плечам, чувствуя, как податливое женское тело расслабляется в его объятиях. Ее дыхание пахло вином и спелыми яблоками. И этот аромат пьянил ничуть не меньше, чем рождественский пунш.

В затуманенном разуме вдруг вспыхнула запоздалая мысль «что он делает?», но в следующее мгновение он с удивлением осознал, что Минерва отвечает на его поцелуй. Повинуясь внезапному порыву, он притянул женщину к себе, чувствуя, как учащенно забилося ее сердце. Ее руки обвились его шею, и на несколько бесконечно долгих минут они потерялись в вихре захвативших их эмоций.

От подаренного поцелуя кружилась голова. Минерва мягко отстранилась и тепло улыбнулась ему, и от этой улыбки что-то приятно шевельнулось в груди.

Она подняла свои бездонные синие глаза куда-то поверх головы Снегга и внезапно рассмеялась приятным бархатистым смехом. Прямо над тем местом, где они стояли, цвела веточка омелы².

- С Рождеством, Северус...

² Английская рождественская традиция целоваться под омелой (прим. автора)

ЕКАТЕРИНА ХМЕЛЬНИЦКАЯ. „КЕТИ ТЯН”

Искушение Вины

Глава 1

Драко Малфой никогда не думал, что так рано может стать отцом. Активная половая жизнь имеет свои плюсы и минусы. Иногда, окунаясь в потоки большого удовольствия, совершенно забываешь о том, что нужно беспокоиться о своём дальнейшем статусе. Гарри — слишком соблазнительная грязная омега, надо признать, поэтому малейший запах течки сводит с ума. Определённо, если о совершённом грехе узнают родители или брат — проблем не избежать. Однако блондин слишком юный, чтобы самому принимать такие важные решения. Ничего другого не оставалось, кроме как отговорить идиота от глупой затеи.

Именно думая об этом, Малфой нашёл Гарри в библиотеке для разговора. Всякий раз, когда Поттер испытывал психологические трудности, он очень много читал. Детская привычка, наработанная годами, помогала избавиться от стресса лучше снадобий и заклинаний.

— Ты должен избавиться от ребёнка, Поттер, — тихо прошипел молодой папаша вместо приветствия и слов любви.

Студенты спали, и лишь призраки, летающие между стеллажей туда-сюда, могли стать свидетелями тайного выяснения отношений. Юный спаситель мира сидел у окна, чтобы лунный свет мог ярко освещать текст в книгах. Вместо того, чтобы видеть пятый сон, бедняга пытается преодолеть рвотные позывы.

— Даже и не подумаю плясать под твою дудку, Драко, — холодно ответил он, наконец найдя в себе силы оторвать взгляд от книги.

— Я не собираюсь ломать свою жизнь из-за глупого траха с тобой, — маг зло стиснул зубы, чувствуя безысходность положения.

— Что, испугался, что отец по попке надаёт за секс без презервативов? — Гарри хотел казаться грубым, но глаза, красные от слёз, выдавали правду с потрохами.

Поттеру не в первой быть объектом чужих грязных желаний, на самом деле. Жизнь в магической академии была трудной, но счастливой до определённого момента. Драко пел слишком красивые серенады о любви, и надо было быть полным дебилом, чтобы поверить. Прав был кузен — жизнь не меняется, как не посмотри.

— Слушай, а может, это вообще не мой ребёнок. Ты же возвращался к Дурслям полгода назад и даже спасал жирного мудака от дементоров, — у Рона и Гермионы слишком болтливые языки. С тех пор, как эта сладкая парочка стала официально встречаться, о секретах Мальчика-Который-Выжил невольно знают все.

— Не смей так говорить о Дадли... — резко захлопнув книгу на своих коленях, пригрозил Гарри, сверкнув глазами.

— Что-то ты подозрительно легко завёлся, хотя говорил, что ненавидишь его. Что, оказались в одном доме и захотелось вновь почувствовать себя шлюхой? — правду говорят, что никогда и никому нельзя раскрывать своё даже самое болезненное прошлое, иначе это потом вылезет боком.

Устраивать магическую дуэль посреди ночи, когда все спят после магических сражений, не хотелось. В конце концов, многие устали от всех событий. Рон до сих пор не может пережить кончину старших братьев-близнецов, виня себя в том, что не смог прийти на помощь вовремя.

— Какая же ты мерзкая тварь, Драко Малфой, — Поттер тихо цинично засмеялся, перед тем как исчезнуть в неизвестном направлении.

Было раннее зимнее утро, когда Гарри, со слезами на глазах, появился на пороге собственного дома. Плачущий омега совершенно не был похож на могущественного мага, спасшего весь мир. Дадли не впервой видеть брата подавленным, потому что по детской глупости, он сам иногда доводил того до слез.

Однако сейчас психологическое состояние Гарри и в самом деле оставляло желать лучшего. Видимо, в их магическом мире тоже полно всякого разного дерьма, от

которого хочется сбежать куда угодно. Даже в дом, который ошибочно многие годы считал для себя адом.

— Не стоит стоять на холоде, раз уж вернулся сюда. — первое что смог выдавить из себя Дурсль, стараясь не показать свою дрожь в голосе.

Родителей не было дома и это значительно упрощало момент воссоединения. Папа бы определенно едко высказывался по поводу блудного приёмного сына, но, где-то в глубине своей души, он тоже волновался за ребенка.

— Дадли, я, — нашел в себе силы произнести гость, замерзшими от холода губами.

— Заходи в дом, я пока поставлю чайник, — как ни в чем не бывало отмахнулся альфа, открывая входную дверь.

Гостю ничего не оставалось, как исполнить приказ и переступить через порог. Ничего не изменилось, с тех пор как он последний раз навещал Дурслей. Все тот же старый, но родной интерьер, который не меняется годами, успокаивал душу. Хотя в какой-то части его магической судьбы была постоянная стабильность. Предстоял очень серьезный разговор и, лишь думая об этом, брюнет не мог перестать плакать. Гормоны, из-за глупой ненужной беременности, не давали покоя, пусть заклинание и скрывало живот от признаков никуда не деться.

Однако сейчас задумываться о своем положении глупо, так как он только появился в городе. Пешая прогулка по заснеженным улицам избавила от чувства тошноты, от поглощенной ночной еды перед побегом.

— Эй, мистер волшебная палочка, может позавтракаешь со мной, раз такое дело? — альфа, поставив чайник на плиту, полез в холодильник в поисках сосисок и яиц.

— Почему ты постоянно дразнишь меня? — в ответ сирота со шрамом на лбу быстро разулся и, сняв верхнюю одежду, направился на кухню.

Прошлые попытки двоюродного брата хотя бы подойти к плите, заканчивались плохо. Поэтому, Петуния всегда заставляла Поттера собирать завтраки в школу. Да и иногда готовить полноценно, когда взрослые были заняты на работе. Подобное рабство на самом деле очень сильно пригодились, даже на занятиях в Хогвартсе. Рон иногда просит что-то вкусное приготовить своими руками, несмотря на шикарные обеды в столовой. Гермиона с

завистью потом наблюдает, как рыжий уминает свежие кексы, без стыда и совести. Так что брюнет был точно уверен, что людские кулинарные таланты точно не забылись в тоне магических лекций.

— Потому что лично для меня ты, как был мелким засранцем, так и остался, — с некой незлобной усмешкой, констатировал он, наконец отыскав нужные продукты.

— Давай я, не хватало чтобы ты еще дом поджёг, — проигнорировав замечание, маг решил взять готовку на себя, не прибегая к помощи волшебной палочки.

— Сначала сопли высморкай и лицо умой, ботаник недоделанный, — слегка оскорбленный таким подколом, пухляш не собирался так просто отдавать сковородку.

С горем пополам Поттер всё же сделал вкусный питательный завтрак. Школьники сидели за столом молча, выпивая чашки горячего чая, после того, как пустые тарелки были отправлены в раковину. Дадли молчал, постукивая кончиками пальцев по стеклянной чашке. Мысли в голове путались, но наконец, всё проанализировав, он изрёк:

— То есть, тебя трахал парень из влиятельной знаменитой семьи, а ты надеялся, что его родители так легко воспримут «неожиданную» новость? — сделав свободной рукой кавычки и закатив глаза, альфа усмехнулся.

— Я не собирался беременеть, просто на Хогвартс напали, и мы, усталые, перестали думать головой, — оправдание такой крупной глупости звучало слишком жалко, потому что голос дрожал.

— Поттер, ты дебил, хоть тебе все твои друзья в попу дуют, вознося твои подвиги до небес. Такие как твой Малфой — голубая кровь, им нужна статусная жена. А ты — грязнокровка, плюс в роду у твоей матери не все обладали вашими палочками, — указав на себя пальцем, как на живое подтверждение, подытожил он своё начало лекции.

— Он сказал мне, что лучше избавиться от ребенка, пока не поздно, а я испугался и сбежал, — вспоминая ночную ссору, продолжил гость, сверля взглядом пол.

— Гарри, ты юлишь, не договаривая правды: он, что не захотел признавать своего наследника, утверждая, что ты изменил? — когда многие годы мучаешь кого-то изо дня в день, начинаешь читать поведение между строк.

По спине волшебника прошёлся сильный холод, словно он снова находился на улице без тёплой одежды. Интуиция кузена с каждым днём пугала всё сильнее, но врать бессмысленно, и оба это понимают.

— Он заявил, что отец мальчика — ты и что я потёк как последняя шлюха, — с болью в голосе проговорил омега, сжав руки в кулаки.

— Матерь божья, ты ему и это рассказал, — альфа со вздохом ударил себя по лбу ладонью, понимая, откуда растут ноги такого блядского отношения.

— Он использовал однажды на мне сыворотку правды, и я не смог молчать, — когда сильно в кого-то влюблён, не всегда замечаешь те или иные неправильные поступки в свою сторону.

— Нет мозгов — считай, калека, и никакая магия не поможет, — собеседник смотрел на беременного парня взглядом, полного сожаления. Если бы умник не продолжал изучать свои ботинки, заметил бы, что взгляд Дадли начинает сверкать жёлтым сиянием.

— Он хочет убить младенца во мне в угоду своему семейному чистокровному роду! — этот факт для души Гарри является самым болезненным.

— Почему это я не удивлён: конечно, под натиском семьи и не такое ляпнешь, если захочешь сохранить жопу в тепле, — Дурсль усмехнулся, допивая чай из своей кружки и поднимаясь со стула на ноги.

Идиота-брatца надо спасти всеми возможными способами, пока не поздно. Обычный человек не может противостоять магам, но есть то, что альфа может сделать. Конечно, мысли бредовые, но всё же лучше, чем смотреть, как близкий сердцу очкарик сходит с ума. Возможно, хотя бы искреннее искупление вины в важную минуту поможет обоим понять друг друга.

— Значит так, ты остаёшься с нами в этом доме, вплоть до самых родов. Родителей и все мелочи я беру на себя, в конце концов, ты мне не чужой, — холодно и деловито произнёс спаситель, выходя из кухни.

Глаза сироты, услышав эту фразу, округлились настолько сильно, что сложно было представить. Примерно пять минут гость анализировал шокирующую информацию, затем, встав со стула, он побежал на второй этаж к успевшему зайти в свою комнату альфе.

— Ты не должен испытывать трудности из-за меня! Отец тебя возненавидит после этого и лишит всяческих удобств! — голос обычно спокойного брюнета вылился в испуганный крик, как только он представил последствия разговора.

«Это мелочь, по сравнению с той болью, что испытывал от меня ты», — хотел было сказать Дадли, но язык не повернулся. Вместо этого он произносит совсем другое:

— Твой блондинистый пидорас в чём-то прав. Твоё тело и в самом деле много раз терпело изнасилование от меня.

— Я простил тебя, Дадли: в те первые разы ты ведь был не в себе, — приступы биполярного расстройства — вещь пугающе страшная прежде всего для болеющего.

— Это не оправдывает того, что я заклеил меткой собственного брата. Лишив тебя возможности создать истинную пару. Твой Малфой ненавидит меня за это, и это слышно в его речах, — Дадли никогда не думал о том, чтобы влюбиться в девушку или парня своего возраста: для сексуальных утех всегда подходил собственный брат.

— Большой Ди, почему у тебя такой тон, словно ты от чувства вины хочешь себя убить? — волшебник не верил своим ушам, потому что всё происходящее слишком фантастично.

Вместо этого он резко развернулся и обнял Гарри, крепко прижимая того к своему пухлому телу. За годы, что они росли вместе, он ни разу не проявил своих истинных чувств — что ж, видимо, пора начинать.

— Тебя точно дементоры подменили, — борясь с желанием зарыдать в голос, проговорил беременный, густо покраснев.

— Можно сказать и так, Гарри, — улыбнувшись, Дурсль без страха в глазах говорил про этот пугающий момент в своей жизни.

— Никогда не думал, что ты на самом деле волнуешься обо мне, — Поттер чувствовал, как собственное сердце готово выскочить из груди в любой момент.

— Что ж, думаю, нет смысла скрывать свои истинные мотивы теперь, — будущий глава семьи тихо усмехнулся, отбрасывая свою неуверенность.

Произошло то, что навсегда изменило жизнь обоих братьев, и никакие магические чары не смогут стереть этот момент из памяти, даже если очень захотеть. Альфа

поцеловал беременного ранимого омегу, нарушая все законы родства и природы. Не почувствовав сопротивления на свои действия, он провёл своим языком по нижней губе гостя.

— М-м-м! — зажмурившись, едва слышно и жутко мило простонали в ответ на ласку.

Видимо, звезды так сошлись, что родителей не оказалось дома и никто не сможет помешать этому безумию. Даже если ситуацию построили враги магической проклятой семьи, Дурсль благодарен за подобную возможность совершить грех.

— Останови меня, потому что я начинаю заводиться, — отстранившись от желанных губ, проговорил старший всего на один месяц боксёр.

— Я скучал по тебе, большой Ди, так что я хочу побыть твоей продажной Потти, — отрицательно помотав головой, волшебник снял со своего носа очки, положив их на тумбу у кровати.

— Я снова могу укунить твою шею, потому что я весь в отца — гребаный эгоистичный собственник, — гены пальцем не заткнешь: как бы люди не старались меняться, в некоторых моментах всё равно все похожи на родственников.

— Просто люби меня так, как никто другой во всей вселенной, — сирота показательно выгнулся, открывая доступ к своей шее.

— Ты, я смотрю, и там не перестал почитать сопливые романы стареющих писательниц, — закатив глаза, альфа с предвкушением провёл языком по своим губам.

— Я люблю читать книги — ничего в этом такого нет, — обиженно, по-детски проговорил Гарри, слегка краснея от смущения как девчонка.

— Милая девочка Потти, хватит болтать и раздень меня, — тихо засмеявшись, приказал пухляк в привычном для себя тоне маньяка.

— Гарри не красней так, ради бога, — тихо посмеиваясь над братом, проговорил соблазнитель, когда оба уже были полностью раздеты.

Естественно, находясь в одном доме фактически с рождения, любовники не раз видели голыми друг друга.

Петуния не следила за пристрастиями сына облапать кузена, и в этом даже были свои плюсы.

— Ты никогда не целовал меня раньше, я не знаю, как себя вести! — возмущённо пробормотали куда-то в подушку.

— Я, конечно, мудака и козел, но трахать беременного мага точно не буду, — поспешил заверить хозяин комнаты, припомнив ранее недетские игры между ними.

— Боишься, что после секса превращу тебя в жабу? — без подколов друг друга школьники просто не могли даже в такой ситуации.

Вместо ответа Поттер едва не задохнулся, когда умелый язык брата начал ласкать его плоть. Уж что, а устраивать персональные пытки для предмета своего обожания Дадли всегда умел. Пухляк вылизывал член словно конфету, наслаждаясь каждым моментом. Не зря за свою жизнь сладкоежка очень много увлекался леденцами. Ладони Поттера в доказательство умения и мастерства любовника сжимали простынь, впиваясь в ткань ногтями.

— Дадли... я, ах! — правильно говорят: сколько бы не было любовников в жизни, самые первые разы запоминает тело.

Семя омеги перепачкало живот и бёдра, но на это было обоим плевать. Проведя пухлой ладонью по запачканному бедру, он собрал немного жидкости на свои пальцы. Затем показательно облизнул свою кисть языком, пробуя сперму на вкус.

— Ты всё ещё проигрываешь мне в нашу маленькую игру, милая Потти, — вспомнив детское прозвище брата, нежно прошептал он, но на этот раз без намерения оскорбить.

— Почему у тебя не стоит...? — вдруг произнёс едва отошедший от оргазма омега, окинув туманным взглядом хитреца.

Что-то определённо было не так, но погружённый в свою боль сирота начал замечать всё только сейчас. Сегодня среда, и у Дурсля должны были быть занятия по боксу, если он правильно помнит расписание. Тот факт, что его оставили дома одного, мог означать только одно.

— Я принимаю уже неделю седативные, Гарри, поэтому мой член на какое-то время бревно, — сын Петунии не хотел посвящать в свои трудности того, кто и так не знает, как дальше жить. Однако Гарри по жизни слишком приставучий

и уж точно не успокоится, пока правды не узнает. Поэтому единственным разумным выводом было рассказать всё сейчас и сразу.

Гость нахмурился и, заставив себя сесть на кровати, огляделся по сторонам. Внешнего проявления агрессии на окружающий мир не виднелось. Мебель была целая, не поцарапанная о удары в стекло. Новые оконные рамы, правда, настораживали не меньше, потому что зная буйную фантазию биполярного Дадли, нужно готовиться к худшему.

— Что ты сделал? — наконец спросил студент магической академии, затаив дыхание, понимая, что просто так курс лекарств заново не пропишут.

— Напал на отца с ножом, когда он в очередной раз попытался управлять мамой, — вот так неожиданно одно успокоение перетекло в раскрытие преступления.

— Боже, Дадли, — Гарри не знал, что нужно говорить в таких ужасных ситуациях.

— Он живой и даже на работе в бумажках ковыряется, не парься, — поспешил успокоить брата преступник, указав рукой на кучу препаратов на письменном столе.

— Видимо, мне и в самом деле нужно остаться здесь и присматривать за тобой, — облегчённо выдохнув, подытожил гость, обняв любовника за шею.

Поцелуй успокаивал обоих, даже несмотря на то, что слишком страшно было смотреть в будущее. Сейчас они снова есть друг у друга, и это определённо самое важное чудо на данный момент.

— Я решил, что как только родишь, уничтожим всё, что доказывает наше родство на бумаге. Плевать на то, что это преступление против общества, — разорвав короткий поцелуй, почти приказал будущий супруг своей омеге. Пухлая ладонь собственнически коснулась свежей метки на шее, которую Дадли успел поставить во время раздевания Поттера.

— Если ты обещаешь мне лечиться и быть рядом — я готов пойти на это, — словно окончательно потеряв контроль над реальностью, прошептал в ответ Гарри.

— Предлагаешь пожениться всем на зависть? — тётя Петунья не одобрила бы такое поведение, но кто будет спрашивать тех, кого уже нет.

— Ох, я мечтаю об этом, — Поттер был готов окончательно пасть в глубокую бездну, лишь бы чувствовать себя по-настоящему нужным.

Дверь в спальню резко открылась, намекая на то, что парочка влюбленных теперь не одни. Бледная Гермиона не знала, как реагировать на то, что творится у неё перед глазами. Не найдя Гарри утром в столовой, она, как хорошая подруга, отправилась его искать. Это тот самый уникальный случай, когда прилежная ученица хотела бы, чтобы её заклинание по поиску не сработало.

— Только не говори мне, что ты ещё и с ней в Хогвартсе спишь? — не нужно долго думать, чтобы осознать, что гостя с того же факультета, что и лежащий под Дурслем болван.

— Она моя хорошая подруга, и уж точно ничего не было, — выдохнув, покрасневший до кончиков ушей брюнет быстро накрыл своё голое перепачканное спермой тело одеялом.

— Вы же кровные братья — так нельзя! — наконец произнесла, она спрятав свою палочку в карман мантии.

— В древности кузенов женили между собой в знатном роду, это сейчас общество резко кинулось в понятия морали, — Дадли, скучая по своему брату, от нечего делать увлёкся древней историей и, надо сказать, не зря.

— Ты всю жизнь издевался над Гарри, почему я должна поверить в твои чувства? — шпионка достаточно много услышала личного разговора, поэтому предъявляла свои вопросы.

— Хочешь верь, хочешь нет: мне плевать, однако почему ты любишь Рона Уизли? — взгляд Дурсля на секунду стал золотым, словно он читал мысли в голове девушки.

Маги молча застыли, не зная, как реагировать на происходящее. Если бы сын Вернона и Петунии с рождения показывал свои способности — было куда проще. Однако дары не всех волшебников проявляются с самого рождения. Некоторая сила пробуждается только после большого стресса или угрозы жизни.

— Чего молчишь, Грейнджер, м? — биполярник приветливо нежно улыбнулся отличнице, читая её эмоции как открытую книгу.

— Я не знаю, почему люблю этого рыжего дурака, — со вздохом, наконец, честно выдала она, пряча свой взор в пол.

— Тогда каких доказательств ты ждёшь от такого сумасшедшего парня как я? — насладившись рекреацией на свой вопрос, только начавший пробуждаться чародей зажмурился, возвращая своим зрачкам привычный цвет.

— Я буду следить за вами двумя, — гостья хотела казаться чересчур серьёзной для своих лет.

Если бы Большой Ди не изменился, он бы обязательно нашёл бы, что ответить. Например, где верная фея была раньше, когда Малфой грубо трахал доверчивого омегу без презерватива. Лекции о морали может читать каждый, а вот заступиться в трудную минуту дано не всем. Хотя, судя по смущённому потоку мыслей в женской голове, она сама-то лишится девственности не раньше двадцати восьми, после того, как устроит карьеру и выйдет замуж.

— Твой парень сейчас очень страдает, оплакивая братьев, а ты тут паришь нам мозги, — мягко напомнил альфа гостье о более важной проблеме.

— Верно. Гермiona, возвращайся в академию — я буду в порядке, — вспомнив о друге, Гарри резко посерьёзnel.

Гостья исчезла из дома, не прощаясь, буквально за одну секунду. Наследник Вернона, довольный тем, что смог сдержать эмоции в полуголом виде, подошёл к письменному столу. Большое количество разных лекарств нужно принимать по часам, даже если душа это ненавидит.

— Как давно ты умеешь читать мысли? — робко спросил Гарри, наблюдая, как брат берёт из двух разных баночек две цветные пилюли.

— Только когда по-настоящему злюсь, — как-то неопределённо ответил тот, не особо-то обращая на свои изменения внимание.

Запив лекарство, он быстро вернулся в кровать, обнимая своего омегу и прижимая его тело к себе. Этот зимний день определённо надолго запомнится двум влюбленным братьям своей магической необычностью.

Пять месяцев спустя в одной из городских больниц родился волшебный мальчик на радость молодым родителям — Дадли и Гарри. Чтобы избежать проблем с законом, молодой маг уничтожил все документы, доказывающие дальнейшее родство по крови с братом. Составив новые, они легко вступили в брак ради спасения своей запретной связи.

— Каил Дурсль-Поттер звучит, — укачивая кроху на руках, проговорил альфа, довольно улыбаясь.

— Меня больше удивляет тот факт, что, переживая за нас обоих, во время родов ты пробудил свою магию,

— слабо усмехнувшись, проговорил Гарри, наблюдая, как возлюбленный легко летает в воздухе.

— М-да. Я и не думал, что это у меня есть. Хотя я счастлив: теперь у меня есть повод побывать в магическом мире и набить кое-кому морду, — мститель невинно улыбнулся и приземлился у кровати.

— Зря я сказал тебе, что Малфой считает твою персону жирным мудаком, — Гарри понимал, что с новым положением вещей чистокровного мага ничего не спасет.

Голоса Гермiony и Рона в коридоре нарушали семейную идиллию. Сбежав с лекции пара, не могла не появиться на таком важном событии в жизни друга. Медсестра упрямо не пускала гостей в палату, и это начинало раздражать Уизли.

— Я обещаю, Гарри, что скручу этого аристократа в позу камасутры так, что он сам заботится забеременеть, — слушая чужие голоса, с улыбкой обещал Дадли своей любви.

— Эй, дорогой, я уже ревную, — только что родивший школьник нашёл в себе силы обидеться.

Положив ребёнка в кроватку, Ди нежно поцеловал теперь уже официально своего любимого супруга. Стоит ли думать о правилах, когда некоторые люди, сами не понимая своего счастья, хотят убить родных детей. Дадли определённо не даст новой жизни узнать правду о своём рождении, чтобы сыну не пришлось так же искупать свою вину за ошибки.

Глава 2.

Двенадцатилетний Каил Дурсль-Поттер проснулся в своей постели в холодном поту. Сны из прошлого видеть юному магу не впервой, но этот перевернул весь его мир. Вскочив с постели, он в одной ночнушке побежал в уборную, тяжело дыша. Включив кран, он быстро умыл своё бледное аристократическое лицо под потоками прохладной воды, желая хоть как-то успокоиться. Руки дрожали так, словно он бежал стометровку на огромной скорости, не используя магию. Змеиные зелёные зрачки сияли в отражении зеркала

то ярче, то тусклее под ритм бешеного стука в грудной клетке.

— Быть этого не может! — крутилось в голове ребёнка всякий раз, когда он прокручивал моменты из своего сна.

Гарри зашёл в комнату сына почти сразу, как услышал шум. Мужчина выглядел статным сильным магом, но счастья в его жизни уже как два года не наблюдалось. Почти всё время проводя в магическом министерстве, Поттер доверил присматривать за сыном Хогвартсу. И только сегодня на долгожданных каникулах мальчика они могли всё обсудить.

— Это правда, что Драко Малфой хотел меня убить?! — не успев дожидаться вопроса, проговорил альфа настолько импульсивно, что длинные блондинистые локоны встали дыбом.

Гарри в ответ побледнел, на глаза навернулись слезы отчаянья, потому что хранить тайну невыносимо больно. Закусив нижнюю губу, омега попытался подавить эмоциональные порывы, но выходило очень плохо. Любовь всей жизни находилась в заточении, и подсказать, как правильно поступить в данную минуту, никто не мог.

— Почему ты сразу не сказал, ведь из-за меня Дадли сейчас сидит в Азкабанах?! — студент Слизерина не знал, как себя вести, потому что его обманули.

Глава семьи вынужден два года выживать в самом адском для любого живого существа месте. Дементоры не позволяют пленникам сбежать на волю, и даже страшно подумать, как там находится альфе с психическим расстройством без лекарств. Поттер каждый день выносит начальству мозги за возможность хотя бы на день увидеть мужа. Однако свидания, судя по бледному виду чуть ли не плачущего сироты, никто не разрешает.

— Тебя очаровал Люциус, чтобы ты дал показания в суде против того, кто тебя любит больше жизни, — судя по тому, как старательно маг подбирает слова, вспоминать тот страшный приговор не хотелось.

— Он теперь возненавидит меня, ведь я назвал его моральным маньяком, который разрушил мою жизнь! — перед случившейся подставой, с которой всё началось, на семейном ужине случился скандал.

Война за Каила между Малфоем и Дурсли продолжается по сей день. Драко, как только стал главой своего рода, резко

захотел поиграть в заботливого папашу. В тайне посещая Хогвартс, лорд сблизился с ребёнком, пока родители были заняты отловом преступников. Естественно, влияние с третьей стороны изрядно испортило отношения в семье.

— Мы уничтожили семейные документы, как только ты родился. Брат не хотел, чтобы ты знал о том, что он и я нарушаем правила мира, — всё пояснить и понять очень сложно, а уж тем более, когда Драко преподнёс ребёнку свою версию событий.

— Почему он меня всегда защищает?! Блять, почему! — стукнув кулаком по раковине, блондин зло убежал в свою спальню одеваться.

Дадли скучал по своей семье: каждый день проводя в заточении, он думал о Гарри. За два года мужчина изрядно похудел, несмотря на то, что кормили довольно неплохо. Дементоры, на удивление, помогали больному пережить приступы гнева своими поцелуями. Видимо, понравился он им ещё в юные годы, во время стычки на земле.

Призрачная надежда на освобождение с каждым днём угасала, потому что мужчина осознавал, что в магическом кругу он по сей день никто и не имеет право голоса. Одно публичное обвинение змея-глиста блондинистого в убийстве некоторых преступников, которых Дурсль точно не трогал, и всё. Два года жизни как не бывало; видимо, правду говорят: «За грехи, совершённые когда-то, расплачиваешься до сих пор».

— Эй, похудевший пончик, — высокая призрачная фигура могущественного существа вновь появилась на пороге отдельной клетки.

— Джейс, прекрати называть меня так, — чтобы окончательно не сойти с ума, каждому охраннику он присвоил своё имя.

Различал он фигуры по тому, сколько тёмного негатива зависает в воздухе. Нормальному здоровому волшебнику это различить сложно, поэтому и говорят, что все, кто попадает в заколдованный треугольник, становятся психами.

— Мои братья передали, что твой человеческий желудок вновь перестал принимать принесённую еду, — надзиратель не имел глаз, но по тону голоса чувствовал, что Дурсль улыбается.

Поскольку Джейс частенько питался его эмоциями, то и выглядит его аура, по отношению к заключённому, более человечно, так сказать. Соседям по срокам повезло меньше, так как их разумы не щадят во время наказания.

— Не хочется есть овощи, когда за стеной постоянно орут, — связанный цепями Дадли кое-как встал на свои ноги, чтобы немного размяться.

— Если не будешь следить за здоровьем, помрёшь раньше, чем оправдают, — существо прекрасно знало, по какой причине альфа вынужден терпеть этот ад.

— Волнуешься за меня? Спасибо, знать, что хоть кому-то я всё ещё нужен, — важно для меня, — медленными шагами усталый и слабый чародей подошёл к своему спасителю.

Дементор понял, что жизненные силы совсем скоро покинут парня, поэтому подхватил слабое тело на руки и, нарушив все правила, куда-то исчез.

Каил думал, что окончательно сошёл с ума, когда, вернувшись в свою комнату, увидел на своей кровати существо, которого боятся все. Призрачная фигура держала связанного Дурсля на руках и, целуя его отдавала, свою силу.

— П... Папа! — закричал во весь голос Каил, наплевав на страх и подбегая ближе.

Бледный похудевший заросший мужчина мало напоминал мальчику того, кого он знал. Однако добрые усталые глаза намекали на то, что сбежавший осуждённый рад видеть своего ребёнка.

— Спасибо, Джейс, — шептал прошептал он, краем глаза заметив застывшего у двери мужа, который прибежал на детский крик.

— Прости меня. Я всё исправлю, правда! — предатель, не сдержав слёз, ухватился своей детской рукой за цепи, которыми был связан Дадли.

— Маховик... времени. Тебе в помощь, если не боишься стать антигероем современности, как я, — ослабевший нашёл в себе силы улыбнуться.

Дементор уложил больного на детскую кровать, сорвав своей могучей рукой железные цепи. Грязные обноски пачкали чистую мятую простынь с совами, но на это всем было плевать.

— Пончик, особо не двигайся, так как моя сила ещё не полностью проникла в твою плоть, — чёрная аура от пугающей фигуры окутала раны от железяк на теле.

Исцарапанная от цепей спина наконец могла почувствовать облегчение на мягком приятном матрасе. Вдохнув полной грудью, сын Верона благодарит бога за то, что честность и открытость ценят все живые существа. Иногда даже люди некоторым расам определённо уступают.

— Джейс, если ты даришь мне последнюю ночь перед тем, как прикончить это слишком шикарный подарок, — мужчина, не боясь, коснулся мантии надзирателя, разглядев под ней милое человеческое лицо юноши.

— Мои собраты постараются дать как можно больше времени тебе на восстановление, однако, ты же понимаешь, что в данном положении маховик и впрямь единственный выход? — бессмертный повидал на своем веку слишком много трагических судеб, связанных с магическими верхушками мира.

Каил, воспользовавшись своей палочкой, лежащей на тумбочке у кровати, быстро надел школьную форму факультета Слизерин. Магический артефакт в данный момент находился под охраной профессора Дамблдора. Старик хоть и сильный волшебник, но иногда творит всяческие безалаберные глупости. Рассчитывая на эту черту его характера, можно надеяться, что артефакт лежит в его кабинете. Пан или пропал: в любом случае искать в других местах в такие короткие сроки просто невозможно.

— Это всё произошло по моей глупости — мне и отвечать, — гордо произнёс юный Поттер, взяв на себя всю ответственность. Перед тем, как использовать заклятие переноса себя в Хогвартс, он, густо покраснев, наклонился к Дадли, целуя того в щёку.

— Я очень скучал по тебе, Дадли, — наконец признался он в своих тайных эмоциях на душе.

— Знаю, мой хороший, знаю, ты такой же безбашенный альфа как и я. У тебя получится создать будущее, которое ты хочешь. Однако подожди до утра, ладно? — он подмигнув сыну. Вернувшийся глава семьи умел убеждать в своей правоте.

— Я полечу с вашим наследником на всякий случай: в конце концов, моего могущества многие опасаются, — глупо

будет, если блондина, рискнувшего всем ради семьи, остановит кто-то из преподавателей.

Понадобилось всего пару минут, чтобы два брата наконец остались одни в большом особняке. Страшно подумать, но последний раз, когда такое было, Дадли как последнего маньяка готовили к суду. Любой другой на месте омеги уже давно нашёл себе нового мужа, который утолял бы его природные потребности. Однако любимый ботаник Дурсля не такой: он никогда не будет трахаться без эмоций и привязанности.

— Эй, детка, может, выйдешь из ступора и подойдёшь ко мне? Гарри, это не сон нашей больной фантазии, я надеюсь, — беглец вновь посмотрел на супруга, в мыслях предполагая, что тот себе нафантазировал.

— Боже, если это проделки дьявола, — я согласен продать душу, — наконец откликнувшись на голос, волшебник снял со своего лица очки, бросая их на пол.

В одну секунду оказавшись на детской кровати, брюнет, словно голодный вампир, накинудся на чужие засохшие губы с поцелуем. Язык по-хозяйски вторгся в рот не сопротивлявшегося родственника. От частых своеобразных спасительных ласк охранников Азкабана на языке у Дадли образовалось маленькое металлическое кольцо.

Руки Гарри лапали до ужаса похудевшее тело в желании доказать самому себе, что происходящее не сон. Добравшись до живота, исследователь ужаснулся, когда без особого труда под лохмотьями нащупал ребра.

— Нежнее, глупышка, я теперь такой же дрыщ как ты, только временно без магии, — отстранившись первым, мягко приказал Дурсль, довольно улыбаясь.

— Никогда больше от себя никуда не пущу! — поклялся Поттер сам себе, обнимая намучившегося в аду мужа.

Первое, что сделал Каил Дурсль-Поттер по возвращению в академию, — выкрал часы у профессора Дамблдора, дабы искупить свою вину перед самыми лучшими на свете родителями. Понятное дело, что, если он воспользуется ими по назначению, всё, что происходит в его жизни, может не случиться заново. Однако альфа

обязательно приложит все усилия для того, чтобы семья снова стала счастлива.

Глава 3.

Временной отрезок: два года после рождения Кайла

Вернон Дурсль сегодня впервые за несколько месяцев не ночевал дома. Мужчине было слишком тяжело видеть, как родной сын, словив очередной навязчивый приступ гнева, хотел вместе с маленьким ребёнком на руках ограбить магазин. С тех пор, как магия внутри Дадли пробудилась, подобные фокусы можно было осуществить куда легче. Благо, до выполнения опасного замысла дело так и не дошло, потому что на помощь пришла очень коварная личность.

— Геллерт, не смотри на меня так довольный, — присев на кровати, тот, кто всем сердцем ненавидел волшебство, глупо сбежал от жены к самому хитрому омеге из всех возможных.

— Ты наконец зовёшь меня по имени. Даже не кричишь на меня за использование волшебной палочки в постели, — помолодевший злодей с длинными вьющимися тёмными локонами смотрелся мило. Причёска на голове после ночной акробатики немного потеряла эстетически прилежный вид: чёлка сильно прилипла ко лбу от большого количества пота на коже. Руки преступника в местах явного связывания побаливали от ударов плёткой, которая сейчас валялась где-то на полу.

— Заслужил после всех моих грубых биполярных пыток-то, — на секунду омеге показалось, что он услышал в этой простой реплике некие нотки раскаяния.

— Мне было приятно, даже слишком, для нормального грязного полукровки, — соблазнитель провёл своей волшебной палочкой по плечам альфы, вызывая мурашки по коже.

— Прекрати строить из себя святую невинность — ты мог исцелиться, лишь взмахнув этой деревянной зубочисткой, — директор компании по производству дрелей хоть и начал признавать то, что в мире есть чудеса, всё ещё говорил некие колкости.

Однако маг намеренно не хотел ничего исправлять своим даром, чтобы старания любовника не пропали так вот

просто за несколько секунд. Ничего не ответив на умное замечание, Гриндевальд снова повалил дядю Гарри на подушки, ловко оседлав его сверху.

— Палочка — всего лишь магический инструмент, созданный для того, чтобы легче было колдовать, — показательно вручив свое орудие любовнику хитрец красиво улыбнулся.

Как известно, лучший способ избавиться от страха к чему либо — просто попробовать преодолеть себя. Ладонь Вернона задрожала, хотя он знал, что он скептик и обычный смертный не сможет причинить вред. Магическая приблуда оказалась на восхищение очень лёгкой, но от большого страха быстро занемели кончики пальцев.

Старец, сидящий на любовнике верхом, внимательно наблюдал за происходящим с лицом довольного ребёнка. Магическое министерство не одобрило бы такую выходку, но когда опасный преступник их слушал? В конце концов отец его будущих детей должен знать всё не только ради Дадли и Гарри.

— Тихо-тихо, дорогой, нужно преодолеть твою фобию, если хочешь помогать Дадли, — сколько людей обладатель тёмных сил за свою жизнь использовал — трудно даже представить, поэтому-то и дар убеждения развит фактически до идеальных высот.

Тонкие изящные губы, покрытые чёрной помадой, приковывали внимание к себе. Слушая приятный, слегка хриплый от стонов голос, скептик и трус вдруг захотел получить порцию любви и ласки. Свободной левой рукой он притянул своего необычного психолога за кончики волос.

— Отец избивал меня каждую субботу для профилактики с тех пор, как узнал, что семилетний сын страдает биполярной шизофренией, — сам не зная, почему он вдруг начал рассказывать всё то, что наболело за многие годы.

В их семье никогда не было принято проявлять добрые, светлые чувства. Статус рода не позволял даже маленькой слабости на глазах общества. Если бы коллеги отца узнали правду — скорее всего, от больного молодого человека избавились бы.

— Вернон, — увидев на глазах взрослого альфы застывшие слёзы, тёмный волшебник почувствовал, как сердце забилося быстрее.

— Я не ты: как бы ты не жаловался на своё детство, ты мог себя спасти, — собравшись с мыслями, собеседник попытался выдать непонятную фразу, проглотив в горле ком.

Один бог только знает, как сильно плакал альфа вначале такого строго воспитания. Сильные головные боли сопровождали жертву насилия почти каждый день. Явных следов порки никогда не наблюдалось на коже, так как молодые продолжатели традиций должны были посещать элитную школу для знатных детей. Старшей сестре повезло больше, если можно так назвать. Девушке досталась пытка только наблюдать за всем этим адом. Этого хватило, чтобы спустя четыре года такой жизни Мардж забоялась мужчин.

— Никогда бы не подумал, что маг заставит меня захотеть быть любимым, — отложив палочку, больной накрыл чужие накрашенные губы своими — слегка грубыми и сухими.

— М-м-м-м, — преступник магического круга слегка прогнулся в спине, позволяя своему предмету восхищения делать всё, что захочется.

Как только не извернёшься, лишь бы снова не сесть в заточение на долгие годы. Радовало одно: юный Гарри теперь в огромном долгу перед бывшим врагом не только за спасение супруга, но и за меняющегося в лучшую сторону дядю. Хороший чувственный секс ещё никому не вредил, особенно после больших проблем.

«Я начинаю плыть от темперамента дяди Поттера — какой же до жути приятный позор», — тихо усмехнувшись своим мыслям, злодей почувствовал, как из его пятой точки вытекает белое липкое семя.

— Если я правильно понял твои мысли, то двинулся ты уже довольно давно, — неожиданно отстранившись, проговорил начальственным тоном отец Дадли, но с довольной улыбкой на губах. Гений магических заклинаний удивлённо застыл, пытаясь понять сказанную фразу. Магия древней веры у юного Дадли никак не могла быть от Петунии, так как она такая же волшебница, как и многие в Хогвартсе.

— Как давно ты?.. — густо покраснев от собственной глупости, проговорил милашка, пряча за волосами глаза.

— Я всё же не считаю себя особенным, просто любопытный факт, — тот, кто всеми силами всю жизнь

отвергал магию, не может так просто захотеть развивать свой талант просто из-за случайного чтения мыслей. Любовники замерли, кожей ощутив искажение во времени и пространстве. Сильный духом ребенок из пророческих снов Вернона наконец решился изменить судьбу. Выдохнув, больной блаженно прикрыл свои глаза, осознавая свою силу. Древняя магия, к сожалению, даже при малейшем намёке на неосознанное использование выкачивает жизненные силы из плоти.

— Дорогой, не отключайся! — напуганный омега потряс только что бодрого Дурсля за плечи, заставляя открыть почерневшие с отблеском белого камня зрачки.

— У нас гости из будущего, — усмехнувшись, произнёс альфа, предвкушая интересные положения вещей.

Каил, используя свои магические силы, вернулся на десять лет назад. Была пакостная дождливая погода. Оказавшись возле дома бабушки Верона, он быстро спрятался за дерево, чтобы никого раньше времени не напугать.

В доме было слишком тихо: похоже, взрослые находились на работе. Используя своё змеиное идеальное зрение, Поттер заметил странное движение на втором этаже. Упитанная фигура, лежа на кровати, кидала в окно мягкий мячик.

— Дадли даже в своей молодости любил бейсбол, — довольно улыбнувшись, волшебник спрятал маховик времени под свою мантию.

Вспоминать приятные моменты из своего детства времени нет, нужно хотя бы попытаться повлиять на отца. Тётя Гермиона как-то проболталась, находясь в гостях, что примерно в этот промежуток времени Драко впервые подрался с Дурслем, пока тот находился на самоизоляции в доме.

— Хоть бы не посчитал меня чокнутым, — со вздохом Каил начал анализировать все факты, которые так или иначе слышал за свою жизнь.

Отношения у двух альф по непонятным обществу причинам были странными. Сталкиваясь с Малфоем по рабочим вопросам в министерстве магии, защитник Гарри никогда при незнакомых личностях не опускался до

оскорблений или магических дуэлей. Однако, стоило им остаться одним в закрытом от чужих глаз пространстве, начиналась целая многочасовая война. До серьёзных ран после таких встреч доходило очень редко, однако пару раз «враги» оказывались в одной больничной палате, якобы пострадав от преступников на очередном задании.

— Надеюсь, дедушка Геллерт был прав, когда говорил, что в крови Дурслей есть особая привязанность к волшебникам с тёмной натурой, — лекции от старца иногда за чашкой чая у камина было приятно послушать. Гипотеза Гриндевальда, как ни странно, была доказана на самом деле им же самим. Сколько бы лет не прожил на свете человек, никогда не знаешь, когда появится возможность сойти с ума по-настоящему. Кто бы мог подумать, что своенравная омега тёмный волшебник породнится с Поттером совершенно неожиданным образом. Убегая от магического правосудия, пленник Азкабана, оставшийся каким-то чудом в живых, влюбился в Вернона Дурсля.

— Думай, Каил Дурсель-Поттер, должен быть выход из этого дерьма, — ребёнок не мог позволить себе, чтобы всё повторилось снова.

Драко появился перед домом бывшего возлюбленного как по расписанию. Молодой мститель хотел окончательно покончить с прошлым, избавившись от проблем. Зная, что Гарри сейчас на занятиях с Дамблдором, лорд решил избавиться от главного мудака в своей судьбе.

— Выходи, Дадли Дурсль, — надменным тоном крикнул гость, не желая драться в доме, где спит собственный сын.

— Какие люди пришли меня уничтожить, — услышав знакомый голос, будущий глава семьи поднялся с кровати, подходя к окну.

— Ты и твой грёбанный брат поплатитесь за все мои унижения перед отцом, — Люциус тот ещё диктатор, когда дело касается продолжения рода.

— Папка из дома в сырой подвал выгнал? Понимаю, тяжело приходится, когда за тебя решают, как жить и что делать, — соперничество между двумя парнями было удивительно схоже ещё и по причине одинаковых характеров.

— Не строй из себя героя нравов, маньяк, насилующий собственного брата! — прошипел в ответ собеседник, чувствуя правдивость чужих слов.

— Не завидуй, мелкая поганая рептилия, только потому, что, в отличие от тебя, я признал ребёнка, — громко рассмеявшись, Дадли воспарил в воздухе, вылетая из окна на улицу.

Предстояла жестокая битва, судя по тому, что двое подростков не собирались уступать друг другу.

Малфой хотел было достать палочку из-под мантии, но резкий визит молодого Гриндевальда нарушил все планы. Знаменитый чародей был одет в обычный гостиничный халат и тапочки. Увидев любовника отца, Дадли нежно улыбнулся ему в знак благодарности за спасение во время приступа.

— Я говорил тебе, Ди, чтобы ты не пользовался способностями в одиночку? — войдя в роль то ли наставника, то ли второй матери, строго спросил он.

— Ничего не знаю, Малфой сам заявился, когда я уже спать ложиться хотел, — приземлившись рядом со старшим, смиренно признался хитрец.

Усыпив Драко тихо произнесённым заклинанием, спаситель хлопком в ладоши отправил гостя снова в Хогвартс. Сын Петунии тихо засвистел, понимая, что папа наконец нашёл того человека, который силён и сможет справиться с их семейными закидонами.

— Слушай, Геллерт, а меня так сможешь научить? — довольно улыбаясь, уточнил мелкий нарушитель домашнего ареста.

— Научу, если будешь хорошим мальчиком, тебя, кстати, кое-кто из будущего навестить пришёл. — обладатель тёмных сил указал ладонью на прячущегося Каила.

Дальнейший разговор по душам трое продолжили уже в доме. Вот так странно иногда можно изменять маленькие частички времени. Вернон надеялся на то, что мудрый любовник сможет помочь детям избежать всех трудностей шаг за шагом. По крайней мере, это единственное, во что скептик в первые за долгие годы хочет верить.

— Значит так, детишки, вам нужно сменить одежду — магией пользоваться запрещено, — уже зайдя на крыльцо дома, командовал бывший злодей Геллерт Гриндевальд.

— Сплошная невезуха: ты ещё даже официальным возлюбленным моего папы не стал, а уже контролируешь

меня и моего ребенка, — Гарри рассказывал, что у такой тёмной, властной личности буквально в крови быть предводителем.

— Любовь зла — полюбишь и хитрого козла, вроде меня, — помолодевший старец невинно засмеялся, похозяйски открывая входную дверь.

— Просто так сошлись звёзды, что ты оказался терпимым к боли омегой. Если бы не этот удивительный факт, никакая, даже самая притягательная внешность, не помогла бы,

— несмотря на разницу в годах и силе, Дадли был одним из немногих, кто мог разговаривать с великим, как с равным себе.

— Это Вернон так сказал? Впрочем, моя природная особенность и в самом деле в кои-то веки начала доставлять мне истинное удовольствие, — обняв свободной правой рукой пасынка за плечи, мужчина продемонстрировал под гостиничным халатом следы от кнута.

Петуния считала своего сына достойным, добрым юношей, который никогда не возбудится при виде чего-то недопустимого. Интересно, что бы бедная сестра Лилии подумала сейчас, если бы увидела, как у её любимого сокровища адово заблестели зрачки при виде капель крови.

— Фу, какая удивительно прекрасная мерзость, — просяив улыбкой довольного маньяка, проговорил он очарованно слегка охрипшим голосом.

— Ты бы знал, как болит моя каждая мышца на теле — по истине прекрасная была ночь, — старший соблазнитель умышленно пытался заставить своего ученика забыть о визите Драко. Лишний стресс преступнику, чуть было не ограбившему магазин, сейчас не нужен. Бригада скорой помощи хотела увезти нарушителя в психиатрическую клинику, но Вернон не позволил этого сделать. Конфликт сторон закончился на том, что буйного пациента накачали сонным препаратом и выписали очередной рецепт на наркотические пилюли. Действие которых, судя по инструкции на коробке, испарится через часа два. Малфою несказанно повезло, что он не заявился в пик бешеного рецидива, иначе потом пришлось бы ремонтировать всю улицу.

— Я завидую, вместо того, чтобы повторить подобное со своим мужем, приходится сидеть на самоизоляции под

кайфом, — выдохнув, печально сказал двоюродный брат Гарри и взглядом нашёл смущённого гостя из будущего, взял его за руку.

— Эти красивые змеиные зрачки я узнаю всегда: не важно, в каком возрасте ты предстанешь передо мной. Плюс, я ощущаю в твоей плоти свою древнюю магию веры, — прочитав чужие смущённые мысли, проговорил с усмешкой Дурсль.

Зайдя в дом, молодые люди первым делом направились в ванну, чтобы вытереть волосы полотенцем. Простуда — очень неприятное человеческое состояние, не важно: маг ты или волшебник, все страдают одинаково. Подойдя к шкафу у стены, Дадли усмехнулся тому, как с его пухлого тела ручьём стекала вода. Коже было ощутимо холодно, потому что по рукам и спине побежали мурашки. Мокрую пижаму хотелось быстро снять — ткань сковывала движения рук и ног.

— Смотри не поскользнулся на мокрой плитке, Каил, — доставая с полки чистое махровое полотенце, с некой заботой начал разговор он.

Удивляться в их странной семейке всему уже давным-давно перестали. Поэтому факт неожиданного визита Дурсль воспринял как должное и постарался делать вид, что ничего не произошло. Поттеру и так нелегко, ведь буквально пять минут назад его биологический отец пытался затеять бессмысленную драку.

«Ты всегда понимал меня без слов», — подумалось мальчику, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы.

— У такого больного психа как я нет другого выбора, кроме как смириться, — видимо, прочитав кричащие мысли, ответил альфа.

И в самом деле судьба сложилась у заключенного Азкабана совсем безрадостно с самого детства. Мало того что биполярное расстройство передалось от отца по генетической линии, так ещё и двоюродный брат оказался чародеем. Каждый день сплошные противоречия с самим собой, как не посмотри. Даже непонятно откуда возникшие способности слишком сложно контролировать. С левитацией во сне бедняга кое-как благодаря мужу справляется, но вот неконтролируемое чтение мыслей иногда самого начинает раздражать. Невозможно выйти в публичное место: тысячи

голосов тут же следуют за тобой, и это приводит к сильным мигреням.

— Раз уж чувствуешь свою вину за то, что натворил, для начала помоги мне высушить волосы, — наконец со вздохом произнёс Дурсль, видя состояние чародея, который боролся с желанием разрыдаться прямо в ванне.

— Папа, я хочу, чтобы ты начал серьёзно изучать заклинания, — осмелев, блондин подошёл к собеседнику, забирая из его рук черную махровую ткань.

Чтобы Кайлу было удобней заниматься таким ответственным поручением, пришлось сесть на край ванны, немного согнув свою спину. Маленькие элегантные замёрзшие ладони со страхом накиннули ручник на шевелюру, промозглую от ледяных капель дождя.

— Я скорее с удовольствием начну изучать белорусскую мову от нечего делать, — странные позывы мозга можно понимать по-разному.

1) — Я не разумею навошта табе мову такой маленькай краіны, але як твой сын магу дапамагчы з новымі ведамі, — чтобы хоть как-то разгрузить обстановку, Поттер вдруг со смешком проговорил фразу без запинки.

2) — Кажаш ты на гэтай мове вельмі прыгожа як я бачу, — услышав подобный ответ, альфа просиял довольной улыбкой.

— Ты довольно часто брал меня на мини-путешествия в Минск, чтобы отвлечь от магических воин. Язык мы с тобой используем только тогда когда совсем не хотим быть понятыми, — раскрыв некие карты будущего, собеседник чувствовал себя лучше.

Диалог пришлось завершить, так как послышался голос Петунии, вернувшейся с работы на обед домой. С тех пор, как в супруге пробудился альфа, жизнь женщины сама по себе кардинально поменялась. Самым важным и унижительным фактом, пожалуй, являлся тот, что бесстыжий изменник позволял бывшему злодею влиять на её сокровище. Совершенно не важен тот факт, что у карапузика уже есть муж и маленький младенец.

— Геллерт, какого чёрта ты забыл в моём доме?! — яростно закричала она, увидев мужчину на своей кухне, готовящим для больного завтрак.

— Дадли сам позвал меня, как только проснулся, — самая мягкая ложь в данном случае подходила больше всего.

— Где Гарри?! — ярость отражалась в глазах магла, буквально с каждой секундой становясь всё сильнее.

— В Хогвартсе, на занятиях у Дамблдора, — простой ответ без тени гнева или презрения намекал на то, что омеге плевать на чужие истерики.

— Пошёл вон из нашего дома, грязный убийца! — Эванс хотелось прибить самодавольную шляху на месте только за само существование на свете.

— Петунья, ну зачем же так орать? Смирись уже с тем, что я люблю твоего мужа, — разбив два яйца на горячую сковородку, кулинар облизал кончики своих ногтей.

— Ты стонал под Альбусом буквально пять лет назад! Очередной коварный план по захвату мира у тебя не пройдёт, — мстительница, чьи глаза затянуты пеленой ненависти, отказывалась давать второй шанс на искупление.

— За свои грехи я уже давно отсидел в Азкабанае — повторно на радость дементорам не желаю, — Гриндевальд и сам не понимает, с чего вдруг бросил Альбуса прямо перед самой свадьбой.

Видимо, судьба сжалилась над грешником и решила преподать урок любви к людям. Ведь в первые свидания и намёка не было на то, что Вернон древний чародей. Жалеет ли он, что опустился так низко, отдавшись садисту, отрицающему магию, — определённо нет. Что же касается прошлых страстей, директор Хогвартса с болью пережил прошлое. Его вполне устраивает начавшийся роман с Северусом Снейпом.

Слушая вопли матери из ванной, Дадли чувствовал вину за то, что не осуждает решение отца. Просто не может, видя, как изменился глава семьи благодаря новым для себя чувствам. Страшно спрашивать у сына про будущее, потому что всё очень сложно.

— У тебя будет четыре брата и две сестры на момент моих двенадцати лет, — крепко обняв отца, Каил произнёс заклинание шумоизоляции.

— Я боюсь изучать всё, что связано с магией. Моя болезнь рано или поздно может принести хаос, — альфа усмехнулся своей слабости и собственным фобиям.

— Прощу тебя, попытайся поступить в академию вместе с мамой. Общество должно признать тебя, иначе моё нарушение закона бессмысленно, — взяв отца за пухлые

щёки, взмолился гость из будущего, понимая, что времени у него в этом отрезке осталось мало.

Маховик времени вновь заработал, отправляя Поттера в дальнейшее путешествие. Дурсль, выйдя из ванны, с улыбкой на губах продолжил вытирать свои волосы. Петуния удивлённо смотрела на мокрую пижаму сына.

— Я проснулся на улице, вылетевшим из окна в дождь. Вымокнув, не нашёл ничего лучше, как позвать Геллерта на помощь с завтраком, — пояснение правдоподобно поддержало легенду, придуманную на ходу.

— Не доверяй этому злому мошеннику, дорогой, он не тот, кто должен находиться рядом, — подбежав к сыну, женщина крепко обняла его.

— Сонокелес, — произнеся короткое заклинание древних, альфа усыпил мать, в пару секунд уложив её на диван.

Геллерт заулыбался, заметив, что юный ученик уже, не боясь, произносил заветные слова. Жареные яйца приготовились достаточно быстро, и магу оставалось только положить еду на тарелку.

— Я должен попрощаться с друзьями, так что этот год доучусь как обычный школьник, но тебе придётся стать моим магическим репетитором, — присев за стол, слегка смущаясь, промямлил пухляш.

Гарри вернулся домой вместе с младенцем спустя три дня после случившегося. Родители Рона с удовольствием приняли ребенка на временное воспитание, пока сирота сидел на лекциях. Учиться было дико невыносимо, потому что мысли все время находились рядом с возлюбленным.

— Прости, что бросил тебя в трудную минуту, — первое, что произнёс он, когда вернулся в их общую спальню.

Дадли сидел за письменным столом, погружённый в математику и геометрию. Пухлые пальцы с помощью циркуля пытались нарисовать ровный круг. С черчением у школьника всегда были проблемы, впрочем, за него выполняли задания умники из класса. Однако с момента первого свидания с Дементором покаявшийся грешник старается всё выполнять сам.

— Я сам сказал тебе бежать, пока моё сознание шалит, — не отрывая взгляд от бумаги, обыденно произнёс он.

Рассказывать любимому человеку о визите Малфоя он не собирался. В конце концов трагедии не произошло для того, чтобы раздуть из мухи слона. Визит Каила тоже многое поставил на свои места, и теперь и в самом деле нечего бояться.

— С чего бы ты на недельных каникулах вдруг взялся за домашку? — интуиция сына Лили, в свою очередь, не переставала бить в барабаны в душе.

— Со следующего года я буду учиться на Слизерине, — как можно более отстранённо ответил Дадли, поняв, что опять напортачил с линией.

Услышав подобное заявление, брюнет почувствовал, как ноги предательски подкосились. Страх окутал душу снова, как только омега представил, что могло поспособствовать такому решению.

— Я очень скучаю по тебе и мелкому засранцу, так что попросил Гриндевальда надавить на бывшего жениха, — поспешил успокоить Дурсль, уловив немые потоки истерики.

— Ты не должен подстраиваться под нас, я... — омега боролся с желанием заплакать от счастья.

Большому Ди ничего другого не оставалось, как подняться со стула и заткнуть любимого плаксу поцелуем. Спящий в коляске младенец, открыв свои змеиные глазки, весело засмеялся.

— Папа. Ди, — впервые осмысленно произнёс он, доказывая, что цепочка времени действительно изменилась.

— Ты мой хороший мальчик, — отстранившись от губ Гарри, альфа подошёл к коляске, беря крошку в свои тёплые, запачканные чернилами ладони.

Конец.

ДЖЕЙН ВИНГ

Экспекто патронум

Он боится их появления. Они приходят каждую ночь, тянут к нему холодные руки, по крупице вытягивая из души последние крохи надежды. Остается лишь разочарование и безысходность, днем умело скрываемые под маской уверенности и спокойствия.

Кольцо из чудовищ становится все уже, а он, парализованный страхом, все не может сдвинуться с места. Одно из созданий склоняется над ним, медленно поднимая капюшон, и...

— Ос! Вставай, Ос! Ос!

Тихий вскрик, и Оскар резко садится на кровати, все еще панически цепляясь за края простыни. Сонно потирает глаза, после чего рассеянно запускает пятерню в свои заросшие, полностью седые волосы. Пытается унять учатившееся дыхание, слушая, как отчаянный стук сердца отдается чуть ли не во всем теле. Спина покрыта холодным потом.

Блекловатые зеленые глаза бегло осматривают комнату.

Общая спальня, захламленная личными вещами учеников, пребывает в тишине (что для нее редкость) — почти все гриффиндорцы еще крепко спят. В комнате темно, если не считать слабого света палочки друга. За окном — танец пушистых снежных хлопьев, голубоватых в первых лучах предрассветного солнца.

Устало выдохнув, он немного расслабляется, облокачиваясь о спинку кровати.

— Снова кошмары с дементорами? — бесцеремонно, но встревоженно интересуется разбудивший его мальчишка, лицо которого обрамляют темные кудри.

— Пустяки, — тихо отвечает обладатель белых волос. — Такое у всех бывает.

— Но ведь не столько месяцев подряд! — еще более встревоженно отвечает друг. — Тебе серьезно стоит...

— Барт, успокойся, — в мягком голосе слышатся нотки раздражения, которые, однако, быстро подавляются. — Это всего лишь плохой сон. Он не причинит мне вреда.

— Ты уверен? — мальчишка немного успокаивается, однако тревоги в его карих глазах меньше не становится.

— Пожалуйста, я не хочу говорить об этом здесь, — понизив голос, добавляет паренек. — Иди, досыпай свое. Не волнуйся, со мной все хорошо.

Широко улыбнувшись, брюнет показывает ему пальцами знак «ок», после чего, погасив свет палочки, в несколько прыжков оказывается в кровати, из которой меньше, чем через минуту уже начинается громкое посапывание.

Оскар слабо улыбается. Говорить можно всякое, но вот с этим клубком радости, являющимся его лучшим другом, ему точно повезло, пусть разница в их характерах и удивляет всех вокруг. Удивляет так же, как и то, что, будучи сверстниками, они умудряются вести себя на совершенно разные возрасты.

Ненадолго он вновь прикрывает глаза. Однако о том, чтобы снова заснуть, речи сейчас и быть не может. Паренек лишь прислушивается к размеренному дыханию друга, а заодно и к храпу соседа сверху, и чувствует, как и сам постепенно успокаивается. Параллельно размышляет, что делать дальше. Окончено ли уже время отбоя? Сейчас раннее утро, до уроков минимум час, а может и все два. Возможно, самые ранние жаворонки уже просыпаются и приступают к своим делам.

Немного поразмышляв, он все же резко встает с кровати, быстро одевается и, сунув палочку за пазуху, тенью выскакивает за дверь спальни.

На лестнице прохладно и немного сыровато. Паренек на ходу натягивает мантию, тихо пересекая обычно шумную, а сейчас пустую и холодную гостиную львов. Полная дама на портрете тоже спит. Наверняка, даже сторож Филч спит — ведь и ночные нарушители, обычно, до такого времени не выдерживают, и засыпают. Усмехнувшись этим мыслям, пятикурсник на ходу перебирает варианты, куда пойти тренироваться — ни с Миртл, ни с Пивзом, ни с кем-либо еще из сверхъестественных обитателей школы ему видется отнюдь не хочется.

— Не спится, Мюррей?

Нахальный голос заставляет остановиться. Ах да, с обитателями человеческими он тоже особо не планировал общаться. Однако отступать уже поздно. В сумерках темного коридора виднеются два темных силуэта, на которых яркими пятнами выделяются зеленые галстуки под мантиями.

— Не особо, Максимус, — достаточно прохладно отвечает гриффиндорец.

Каким-то чудом ему по большей части удастся находиться вне вражды факультетов: немало учеников его уважают, особенно — после битвы за Хогвартс, когда несовершеннолетний четверокурсник, отказавшись бежать, достойно сражался в одних рядах с остальными магами против армии последователей Того-Чье-Имя-Нельзя-Называть. Это вызвало уважение у учащихся, да и он сам, в свою очередь, уважительно относится к окружающим. И все же, это отнюдь не значит, что ему приятно общение с большинством из них.

— Идешь готовиться к пересдаче? — второй голос, противоположно первому, куда более тонкий, но при этом куда более тих и хладнокровен.

— Допустим, — не любящий говорить о собственных неудачах Оскар сразу напрягается.

— Снова, — самодовольно хмыкает Максимус, но тут же получает от однокурсницы болезненный тычок в бок.

— Не обращай внимания, — вновь произносит второй голос. — Если хочешь размяться, то в астрономической башне уже довольно светло и, насколько я знаю, пусто до второго урока.

— Спасибо, Дана, — гриффиндорец кивает ученикам змеиного факультета и, получив ответный кивок, скрывается за поворотом. Далеко не все гриффиндорцы поддержат его, если узнают, что он водит дружбу со слизеринцами. Далеко не все. Но Барт против не будет — и этого ему достаточно.

— Экспекто патронум! — башня вновь и вновь наполняется громкими криками и белыми искрами, но — это все. Горло немного саднит от постоянных выкриков, а плечо уже ноет после стольких взмахов палочкой.

— Экспекто патронум! ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!
— выкрики становятся все злее и раздраженнее, но единственное, что они порождают — это расходящееся по башне эхо.

И хоть он старается крепиться и не раскисать, усталость в итоге наконец берет свое, и паренек все же приседает передохнуть и собраться с мыслями.

— Где же я ошибаюсь... — тихо, полным горечи голосом обращается он сам к себе. — Может, в чем-то я перестарался?..

Он вновь перебирает в голове самые счастливые моменты своей жизни — по крайней мере те, которые он таковыми считает.

Их не так много. Точнее, осталось не так много — попыток порадовать себя к этому моменту уже совершенно предостаточно. Все не помогающие воспоминания вскоре отмирают. А когда он отмирает и все то, что осталось в воспоминаниях о родителях, вместе с лучшими своими победами в квиддиче, радостных воспоминаний и вовсе остается не больше десятка, а то и меньше. Раз за разом, то, что казалось счастьем, теперь приносит только горечь.

Почти всю жизнь предоставленный самому себе, мальчик не мог почувствовать себя особо счастливым в детстве, а привыкнув к ответственности и самостоятельности, но отнюдь не к отдыху и развлечениям, в старшем возрасте не ставил счастье в список своих основных целей.

В голову снова лезут слухи о спрятанном где-то в школе зеркале, что показывает человеку его мечты. Возможно, он могло бы помочь? Впрочем... нет. Гриффиндорец сам узнает, где его счастье.

Встань. Соберись. Возьми себя в руки...

— Экспекто патронум!

Вспомнить, как Барт внезапно первым освоил это заклинание, и как счастлив был он и все вокруг, когда из палочки внезапно выскочил образ крылатого коня — большой редкости, как для патронуса.

— Экспекто патронум!

Ничего. А ведь обычно он, Оскар, всегда все разучивает первым, всегда сам справляется и страхует друга. Каждый раз он оказывается лучше, и даже

невероятно тяжелый для него «Ридикулус» в итоге оказался освоен.

Так что же здесь не так?!

Снова горечь. Осталось девять воспоминаний.

— Экспекто патронум!

Его первая победа в дуэли. Ему всего одиннадцать, он только поступил. Оппоненту же годика на два больше, минимум. И все же, он побеждает. Его уважают. Им восхищаются. С ним хотят сразиться.

С конца палочки слетает маленькое бледное облачко, и тут же испаряется.

Мастер дуэлей, Оскар Мюррей... он был таковым. Пока не нашелся соперник, распознавший его страхи. Он нагнал ужас, сковав ледяным ужасом и атаковав самыми опасными из разрешенных заклинаний. Парень автоматически прикасается к шраму на брови. Шумно выдыхает.

Сосредоточиться...

— Экспекто патронум!

Они с Бартом вместе учатся печь булочки.

— Экспекто патронум!

Совместный поход в лес с друзьями...

— ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!

Победа Поттера над Темным Лордом...

— ЭКСПЕКТО...

Слова застревают в горле, и парень устало наваливается на холодные перила ведущей вниз лестницы. Все бесполезно. Будто нечто отравляет его изнутри — даже самое счастливое воспоминание превращается в сгусток горечи, что присоединяется к растущему в груди кому боли.

Присесть на корточки, приобнять себя за плечи, прикрыть глаза. Прислониться виском к холодному металлу, из которого выкованы перила лестницы. Становится легче. Горечь подавляется, вновь уходя в чертоги сознания, и боль притупляется. Вздохнув, гриффиндорец встает на ноги.

— Я буду пробовать, — тихо обещает он себе, — пока не получится. Меня ничто не заставит отступить.

Встать, принять нужную стойку, идеально ровно взмахнуть палочкой.

— Экспекто...

— Профессор...

— Только не говори, что ты снова пришел на пересдачу! — и без того выглядящий усталым преподаватель, похоже, с появлением зеленоглазого заранее готовится к еще более утомительному разговору.

— Но сэр! — паренек упрямо выступает вперед, хоть и выглядит растерянным. — Я тренировался! Могу заверить, что...

— Мюррей, в этом я не сомневаюсь, — профессор морщится и неспешно потирает переносицу. — Но у тебя нет прогресса. У тебя нет прогресса уже больше месяца.

— Но...

— Единственное, — не давая ему сказать, мужчина старается побыстрее собрать все вещи в портфель, — что тебе пока удастся — это небольшое облако на конце палочки. И то, не всегда.

Закончив собираться, учитель выпрямляется, собираясь покинуть кабинет, и сталкивается взглядом с зелеными глазами. На секунду замирает. Взгляд ученика полон ненависти, ярости и отчаяния, за которыми, где-то на краю сознания, надежно спрятаны боль и страх.

— Оскар, — голос преподавателя становится мягче. Подойдя к гриффиндорцу, он кладет руку ему на плечо. — Ты не сможешь призвать патронуса, пока будешь держать эту бурю в себе. Здесь не помогут ни шоколадки, ни вечеринки, ни выходные. Если хочешь справиться с этим — сначала пойми, что тебя сдерживает.

Но паренек, бросив на профессора мрачный озлобленный взгляд, выворачивается из-под его руки и устремляется прочь, убегая вдаль по коридору.

Мужчина некоторое время смотрит ему вслед, и, вздохнув, закрывает кабинет.

Тихо и спокойно. Высоко. Холодно. Обидно.

— Экспекто патронум!

Он может. Он может это сделать. ОН ОБЯЗАН УМЕТЬ ЭТО ДЕЛАТЬ.

Облачко света быстро растворяется в воздухе, будто дразня гриффиндорца. Рука с палочкой обессиленно

опускается. Из груди рвется отчаянный крик, но застревает в горле, выходя лишь бесшумным выдохом.

— Ос!

Голос за спиной заставляет вздрогнуть и даже подскочить, готовясь атаковать или же отражать какие-либо заклятия. Что, на самом деле, неразумно делать на покрытой льдом крыше башни. Собственно, в основном голос именно тем и пугает, что звучит на этой самой крыше — там, где никого не должно быть.

— Мерлинова борода, Барт, что ты здесь забыл? — кончик палочки Оскара смотрит на улыбчивого мальчика, который, сидя верхом на метле, висит в воздухе прямо над снежной бездной.

— Тебя ищу! — не обращая внимания на угрожающую позу друга, мальчишка подлетает ближе. — Ты не был на ужине, и я заволновался.

Вздохнув, паренек вновь садится на холодную и немного скользкую черепицу.

— Я... не голодный.

— Снова врешь? — в голосе однокурсника нет ни капли упрека, лишь грусть и попытка свести это в шутку. — Ты сдал экзамен?

Парень не отвечает. Хмурый взгляд зеленых глаз устремлен куда-то вдаль, а красные от мороза ладони крепко сжимают палочку из тернового дерева. Палочку, в которой находится волос фестрала. Единственную в своем роде.

— Ос?..

— Нет, — ответ парня получается слишком резким. Метла под мальчишкой вздрагивает. Глубоко вдохнув, Оскар отвечает уже более дружелюбно: — Еще нет.

— Ну, значит еще сдашь, — кареглазый ободряюще улыбается. — Ты сильнее этого, я знаю.

— Этого? — он прекрасно знает, что не стоит переспрашивать. И все же...

— Ну, этого, — улыбка вдруг сходит с лица брюнета. — Того, что было в прошлом году.

По спине проходятся мурашки. Сердцебиение снова учащается, а дыхание сбивается окончательно. Перед глазами проносятся осколки воспоминаний.

Как сильная рука хватает его за волосы, тогда еще — огненно-золотистые. Как отчаянно кричит Барт, которого лишь выбрасывают из кабинета за подобное поведение. Как

даже из-за толстой двери доносятся крики, смешанные с рыданиями и ударами кулачков в дверь. Как над ухом звучит ненавистный «Круциатус». Как болит и корчится слабое подростковое тело в агонии. Как тихо было в классе в эти моменты. Как собственные ногти раздирают его же кожу, а зубы прокусывают губу, когда он пытается сдержать крик и слезы. И как заклинание повторяется, снова и снова, пока рыдания вперемешку с криками все же не разносятся по кабинету и прилегающим коридорам. Как над ухом язвительно звучит: «Знай свое место, грязнокровка». Как проходил почти весь прошлый год...

Тот самый год, когда пожиратели смерти Того-Кого-Нельзя-Называть властвовали над школой.

— Ос!

Снова вздрогнуть, инстинктивно обхватив себя за плечи. Нужно успокоиться. Выровнять дыхание. Прийти в себя. Он здесь, на крыше. Большинство пожирателей смерти мертвы. Их предводитель мертв. Здесь холодно, ветрено и снежно. Но не больно.

— Прости меня, прости! — в голосе друга слышится паника. — Я не хотел, я не...

— Все в порядке, — быстро несколько раз моргнув, зеленоглазый оборачивается к другу и как можно более искренне улыбается. — Это... ерунда. Я просто думал, что очень рад, что ты чистокровен. Если бы они убили тебя, я бы не...

— Я бы тоже, — внезапно упрямо прерывает его кареглазый, но тут же остепеняется. — Я просто... Хочу, чтобы ты знал, многие от такого бы сломались, а ты... ты стал сильнее, и... я просто считаю, что тебе все по плечу. Я очень рад, что у меня есть такой брат, пусть и названный... Как-то так.

Они обмениваются улыбками. Неловкими, натянутыми, грустными. И все же, беловолосый гриффиндорец чувствует, его благодарность этому парнишке не передать словами.

— Ты... — наконец прерывает затянувшееся молчание Барт, не отводя взгляда от покрытого слоем снежинок друга, — ты уже спускаешься? На улице смеркается, мало ли что.

— Ты иди, — тихо отвечает тот. — Я тебя догоню.

— Что ж, ладно, — сделав над другом петлю в воздухе, мальчишка бросает ему небольшой сверток и стремительно летит вниз. — Не задерживайся!

— Не буду, — тихо отвечает Оскар. Однако, все же он так и остется сидеть здесь, на холоде, в одной лишь мантии, не двигаясь.

Перед глазами вновь мелькают одни и те же образы. Круциатус. Дементоры. Пожиратели. Заклинания. Эксперименты. Издевки. Боль. Ненависть. Мечь.

— Нет! — вцепляясь в край крыши, зло выкрикивает внезапно зеленоглазый. Видения рассеиваются, оставляя магглорожденного наедине с его мыслями. Вдох-выдох. Нужно успокоиться. Нужно отвлечься.

Окоченевшие пальцы неуклюже разрывают газету, извлекая из свертка гриффиндорский шарф и завернутый, похоже, в ту же газету неумело приготовленный сендвич.

— Ох, Барт... — парень спешит еще несколько раз быстро моргнуть, не давая слезам проступить. — Черт... ты слишком хорошего мнения обо мне.

Он поплотнее кутается в шарф и, пусть и с неохотой, начинает есть угощение.

Барт действительно слишком хорошего мнения о нем. Мюррей это понимает. Невозможно пережить такое и не сломаться. Ведь и седыми люди становятся далеко не случайно.

Парень на автомате ловит развевающуюся на ветру прядь собственных волос. Белую, как и опадающий с неба снег. Закрывает глаза. Рука ложится на трофейный Нимбус, выигранный на очередном состязании. Темнеет. Ему и правда нужно возвраща...

Крик

Беловолосый подскакивает, как ошпаренный. Крик доносится откуда-то снизу.

— БАРТ! — собственный голос хрипит и не слушается. Это точно крик друга. Оскар в этом уверен.

Сесть на метлу, почти вертикально, на всей скорости устремиться вниз. Крик повторяется.

— Держись, Барт! — перекрикивая ветер, восклицает гриффиндорец. — Я иду!

Мальчишка собирался войти через черный ход, чтобы ничем не выдать свое отсутствие. Собирался еще зайти на кухню за булочками. Повидаться с другом с Хаффлпаффа. Пересечься с парой приятелей из Слизерина. Списать домашку у знакомого рейвенкловца. Поиграть в «крокодила» в общей гостиной гриффиндорцев. Снова поговорить с лучшим другом, уже подольше, и, на всякий случай, еще раз извиниться за поднятие болезненной для последнего темы.

Барт уже давно должен быть там, внутри. Но вместо этого он с криком падает с метлы, которую тут же сносит ветром.

Поднимается со снега. Оглядывается по сторонам. Цепенеет. Из темноты плавно появляются темные, зловещие фигуры. Это они. Они внезапно объявились. Снова. Ни с того ни с сего гриффиндорца накрывает страхом и отчаянием. Он медленно пятится от приближающихся темных фигур. И снова вскрикивает, когда внезапно чувствует, как холодная мерзкая рука касается его спины. Тут же отскакивает, падая на синий от сумерек снег.

Они подходят. Становится холоднее. Палочка не хочет находиться. Неужели... Неужели выпала при падении?

Брюнет еще в прошлом году заметил, как притягивает этих тварей. Слишком много радости, слишком много счастливых воспоминаний. Он слишком лакомый кусочек.

Кареглазый испуганно отползает, когда ближайший дементор склоняется над ним и вновь протягивает руку в его сторону. Некуда бежать, негде прятаться, некого...

— Берегись! — сноп алых искр осыпает дементора. И хоть они ничего ему не сделают, скрытые под капюшонами головы почти одновременно оборачиваются на атаковавшего.

— Ос, нет, беги! — в панике выкрикивает мальчишка. — Они хотят забрать именно ТЕБЯ!

Все так. Более лакомой, чем счастливая душа, для дементора может быть только несчастная душа. Измученная. Печальная. Лишенная всякой надежды. Та, что и без них наполнена отчаянием, болью и страхом. На таких они слетаются, как мотыльки.

— Люмос максима! — наверное, самый яркий люмос из тех, что он когда-либо сотворял. Он не отпугнет им дементоров, лишь выиграет несколько секунд. Но большего и не надо — этого как раз хватает на то, чтобы подхватить Барта за шиворот и, тут же резко рванув вверх, посадить его на метле впереди себя.

— Ты в порядке? — голос Оскара напряжен до предела.

— Да... — неуверенно отвечает мальчишка, — навер...

— Держись крепче, — прерывает его однокурсник. Пара секунд, только пара секунд, и метла разгонится достаточно быстро, чтобы больше не бояться оставшихся позади существ.

Но...

Холодная рука резко хватается седовласого парня за шиворот. Он вздрагивает. Руки сами собой разжимаются. Он чувствует, как метла быстро и плавно выскальзывает из-под него. Несколько секунд падения кажутся вечностью. Так тихо. Так холодно. Так страшно.

Он падает спиной на серый снег. Серым кажется все — школа, небо, снег, дементоры, он сам, Барт...

— ООООС! — крик однокурсника разрывает тишину.

Парень резко подскакивает. Взмах палочкой, короткий выкрик — и метла с мальчишкой на ней молнией взмывает вверх уносится в сторону главного входа. Магглорожденный облегченно выдыхает. По крайней мере, его друг в безопасности.

Где-то глубоко внутри, там, куда он всегда прятал свои самые большие страхи, есть одно навязчивое желание: чтобы друг остался. Остался здесь, защитил, просто утешил... Так нельзя, Оскар. Так нельзя.

Гриффиндорец тяжело окидывает взглядом окруживших его существ.

— Экспе... — дрожащим голосом начинает он, но не договаривает. Он не сможет. Просто не сможет. В ушах стоит шум, руки слабеют. Он не может ничего сделать.

Он не может бежать. Он не может защититься. Он... боится.

Так было всегда. Самый смелый и сильный духом ученик Гриффиндора, разве может его что-то напугать? Однако, только он сам знает, сколько же раз он действительно сильно боялся. Боялся, когда погибли родители. Боялся, когда вернулся Темный Лорд. Боялся, когда пожиратели смерти захватили школу. Он утешал и поддерживал, защищал, брал удар на себя. Думал, что выдержит. Что же... Теперь он знает — не выдержал. Он давно уже истратил всю свою силу.

Взгляд зеленых глаз поднимается к небу. «Зато он в безопасности». Лучший друг, ставший ему, как младший брат. Единственный, кого парень может назвать своей семьей.

Дементоры обступают его. Склоняются над ним. Тянутся, как в тех кошмарных снах. Однако парень уже не сопротивляется. Лишь прикрывает глаза, надеясь, что конец будет быстрым

Шум в ушах нарастает, превращаясь в его собственный крик. Воспоминание, от которого он так долго бежал, закрывает собой реальность...

Кабинет защиты от темных искусств давно опустел. Даже последователи Того-Чье-Имя-Нельзя-Называть ушли. Но он все лежит на холодном полу, не в силах выровнять тяжелое, прерывистое дыхание. Больно. Слишком больно. Болит каждая клеточка его тела. Он знает, что однажды не выдержит, и выкрикнет «Круциатус» первым. Тогда его убьют. Нужно лишь выбрать день, когда все это будет не на глазах у...

— Ос? — вместе со скрипом тяжелой двери раздается и знакомый голос.

— Барт, уйди, — собственный голос звучит хрипло, холодно. Наверное, даже жестоко.

— Я только хотел, ну... тебя не было в столовой, и я подумал...

— Уходи. Прочь.

Тишина. Затем — тихий стук железного подноса о пол. Сдавленный всхлип. Быстрые удаляющиеся шаги.

Парень стискивает зубы. С трудом приподнимается, преодолевая оставшиеся после пыток судороги. Барт не должен переживать о нем. Ни сейчас. Ни потом. Ни вообще. Пусть лучше считает, что Оскар его ненавидит, чем переживает за его боль.

Один тяжелый рывок — удаётся сесть. Ещё два уходит на то, чтобы встать. Затуманенный взгляд обращается на дверь — на жестяном подносе стоит тарелка с тыквенным пирогом и стакан молока.

По щекам в бессилии стекают слезы. Пошатываясь, сделать несколько тяжелых шагов. Упасть на колени рядом с подносом. Несмело протянуть руку. Замешкаться. Все же взять угощение в ладонь. Утереть рукавом вновь стекающие по лицу соленые слезы. Он не хочет отгонять друга от себя. Он не хочет оставаться один. Он лишь хочет защитить его. Если понадобится — ценой собственной жизни.

Оскар наваливается спиной на стену. Темная, холодная комната давит на него. Он один. Он боится быть один. Но так будет проще. Так будет лучше для всех. Отчаяние накрывает его с головой. Он на автомате запускает руку в золотистые волосы, которые, однако, за последние несколько месяцев успели изрядно покрыться белоснежной сединой. Он не выдержит. По крайней мере, не так.

Дверь угрожающе скрипит.

— Так-так, неужели сопливый грязнокровка пытается спрятаться от...

Парень действует быстрее, чем осознает, на что пошел:
— Авада Кедавра.

Горячие слезы медленно стекают по лицу. Убийцу того слизеринца тогда так и не нашли. Все знали, как он хвалился, будто вместе с Малфоем и его друзьями вступил в ряды пожирателей. Потому и искали виновника его смерти очень тщательно... не нашли.

Однако сам Оскар уже давно знает, что что к чему. Пути назад нет. Он убийца. Он жесток, точно так же, как его палачи. Приоткрыв глаза, он упирается взглядом в склонившегося над ним дементора. Тот уже снял капюшон. От него веет... даже не смертью, нет. Забвением. В определенный момент это даже казалось неплохой идеей.

Навсегда забыться, больше не о чем не волнуясь и ни о ком не беспокоясь. Однако не теперь.

Ослабевшая рука внезапно вновь крепко сжимает палочку.

Никто не знает, почему Оскар, который терпеть не мог тыкву, внезапно сделал тыквенный пирог своим любимым блюдом. Никто не понимает, откуда растут корни его любви к пегасам, которых названный брат рисовал еще в дошкольном возрасте. Никто не догадывается, как близко может быть источник его силы. Не догадывался и сам гриффиндорец. До этого момента.

Окоченевшая ладонь нащупывает под мантией крохотный кулон в виде пегаса. Вторая же рука, все еще сжимающая палочку, в тот же момент резко поднимается, указывая кончиком в замершее напротив существо.

— Экспекто патронум.

Яркий свет заливает равнину. Темные фигуры в ужасе разлетаются, а вдогонку за ними бежит огромный, сотканный из света лев. Призвавший его гриффиндорец не двигается. Замерев в напряжении, он лишь крепче сжимает одной ладонью острый кулон, болезненно впивающийся в кожу, а другой вцепляется в терновое древко волшебной палочки.

Его взгляд все так же обращен к небу. Из глаз градом текут бесшумные теплые слезы, больше не подавляемые ничем. Но при всем этом он улыбается. Кто бы мог подумать, но худшее воспоминание в жизни хранило в себе то тепло, которое невозможно отравить горечью и страхом.

— Спасибо тебе, Барт, — тихо шепчет паренек за секунду до потери сознания, чувствуя себя так легко и спокойно, как никогда в жизни. — Спасибо за все.

Оскар еще не знает, что сюда уже бежит запоздалая подмога. Не знает, что очнется он уже в больничном крыле. Не знает, что вскоре решит бросить и квиддич, и дуэли, и ни разу не пожалеет. Не знает, что на летние каникулы он не поедет в приют, как обычно, а отправится гостить к лучшему другу. Не знает, каким прекрасным мракоборцем однажды станет. Но, знай он это сейчас — это вряд ли сделало бы его еще счастливее. Потому что ему достаточно того, что у него есть родной человек. И что он никогда не был один. А для его счастья этого вполне достаточно.

ИРИНА ГРОЗНАЯ

После ливня солнце светит ярче

В этот день вовсю лил ливень, а хмуро-серую площадь Гриммо заволокло противной скользкой хмарью тумана. В центре безлюдной площади стоял напряженный человек, кутающийся в промокшую насквозь драную мантию. С отросших черных волос скатывались хрустальные водяные шарики. Горечь утраты смешалась с яростью предательства, бушуя в усталых зеленых глазах. Изнуренный столь долгой и поистине кровопролитной войной, и преданный теми, кому он доверял, Гарри просто не смог сдержать слез. Чувства со скоростью Молнии, любимой, но увы уже уничтоженной метлы, сменяли друг друга. Искалеченная душа страдала куда сильнее израненного битвой тела. Поправив объемную сумку, он подошел к невидимому для всех дому под номером двенадцать. И когда дома одиннадцать и тринадцать полностью разошлись в сторону, Гарри уверенно шагнул вперед и стукнул дверным молоточком, сделанным в виде головы змеи. Вырезанные на серебре чешуйки быстро нагрелись в ладони, а зеленые кристаллики змеиных глаз радостно сверкнули. «Хозяин вернулся!» едва ощутимо прошелестела серебряная змейка. Дверь гостеприимно открылась. — Ну, здравствуй! Наследничек! — поприветствовал его сварливый голос с портрета в прихожей. Гарри только устало кивнул:

— Где Сириус?

— Я его в библиотеке закрыла! — гордо усмехнулась Вальбурга, поправляя припорошенные сединой волосы.

— Спасибо... — прошептал черноволосый волшебник.

Да, он никогда не перестанет благодарить эту женщину. Она спасла Сириуса. Она спасла своего сына. Вальбурга смогла полностью слиться со своим домом, получая над ним контроль. И смогла запереть своего несносного, но все равно любимого сына. Последнего из рода Блэк. Контакт с древней Аркой Смерти в министерстве, едва не лишил его жизни. Но Сириус смог увернуться, лишь слегка задев Арку рукой. Но и это едва не лишило его души и он вероятнее всего, стал бы

сквибом. Если бы Вальбурга не заставила его восстанавливаться на источнике магии. На котором и был построен дом рода.

И Гарри почувствовал облегчение от того, что когда-то послушал сварливую старуху и не без ее помощи перекрыл доступ в родовой дом для всех. Фактически заперев крестного в четырех стенах. Но это помогло в поисках в уничтожении крестражей! Если бы не помощь Вальбурги и крестного, что к большому удивлению нарисованной матушки увлекся книгами по артефакторике, то вряд ли крестражи были бы так легко уничтожены.

Поттер-Блэк, ставший наследником почти погибшего рода Блэк, совершенно не обращая внимание на довольную собой Вальбургу, величаво переплывающую с одной картины на другую. Из-за необходимости приглядывать за крестным в свое отсутствие, чтобы он не покинул источник магии, пока не восстановится его почти уничтоженная душа, Гарри собрал множество различных картин. И развешал их по всему дому, кроме библиотеки, закрепив их заклятьем вечного приклеивания, подсказанного Вальбургой. И бедному Сириусу, из-за бдительного надзора своей вездесущей матушки, приходилось прятаться в поистине одной из самых богатейших библиотек магической Британии.

Гарри нахмурился, спускаясь по потайной лестнице. Он был уверен, что крестный уже знал, что он вошел. Обычно он ждал его у дверей. Но сейчас его на удивление не было. Тревога о единственном родном человеке мгновенно вспыхнула зеленым огнем.

— Что-то случилось с Сириусом?

— Все с ним в порядке! И даже его магические силы через неделю полностью восстановятся! — старая ведьма довольно погладила тяжелый набалдашник трости. Черные брови мага строго нахмурились:

— Так почему он не вышел?

— Не волнуйся, наследничек! Этот пес разбирает баррикады! — ведьма выглядела крайне довольной собой. Она преследовала своего несносного сыночка, отвлекая его от самобичевания от того что он был не способен помочь крестнику.

— Баррикады? — удивленно приподнял брови юный маг, посмотрев на крайне довольную собой Вальбургу.

— Гарри! — радостно воскликнул слегка запыхавшийся Сириус распахивая резные двустворчатые двери библиотечного зала. Гарри удивленно посмотрел на горы стульев, столов и диванчиков, что громоздились у входа. Сколько же его крестный потратил времени на возведение такой монументальной баррикады? Тем более что Сириусу строго было запрещено несколько месяцев пользоваться магией!

Наблюдая за радостным и немного смущенным крестным, что едва не шаркал ножкой и нервно сжимал узловатыми пальцами толстую книгу, Гарри мгновенно забыл все терзавшие его обиды и тревоги, он радостно рассмеялся. Чувствуя лишь облегчение. Он не один! Сириус жив и он рядом! Сириус тоже рассмеялся, и сгреб маленького сохатика в охапку, взлохматив мокрые космы.

Вальбурга недовольно нахмурилась, глядя на уроненную книгу. И исчезнув с пейзажа у дверей библиотеки, появилась на уютном ярком натюрморте, что висел на кухне. Грозно рявкнув на нерасторопного Кикимера осталась зорко контролировать подачу толи позднего обеда, толи раннего ужина. Но никто так и не смог заметить глубоко запрятанного облегчения в старых глазах портрета.

Оголодавший наследник Блэков жадно съедал тарелку за тарелкой, совершенно не обращая внимание на недовольную отсутствием манер, Вальбургу, уютно устроившуюся в плетеном кресле-качалке под нарисованным дубом. Сириус же умиленно смотрел на мальчишку, так похожего, но в тоже время совершенно отличимого от его мертвого друга. Сириус Блэк улыбаясь пододвигал к оголодавшему крестнику все новые тарелки с дымящейся ароматной едой.

После еды Сириус и Гарри устроились у камина. Яркие языки пламени, весело плясавшие на еловых ароматных поленьях, наполняли гостинную уютным теплом. Устало вздохнув и вытянув ноги к пламени, Гарри задумчиво теребил амулет на правом запястье. Этот артефакт сделал скучающий от безделья Сириус. Он сделал нечто вроде портала. Он бы мгновенно перенес владельца при смертельной опасности в дом на площади Гриммо. И странно, что он ни разу не активировался, он лишь нагревался, при приближении опасности.

— Гарри... — Сириус неуверенно нарушил затянувшуюся тишину: — Почему ты здесь, а не в Хогвартсе? Ты же Герой Британии! — в зеленых глазах вспыхнули яркие искры обиды и гнева.

— Сириус, — хрипло пробормотал Гарри, теребя потрепанный браслет, и поднял взгляд на крестного: — Скажи, а ты уже читал сегодняшние газеты? — Нет, — удивленно тряхнул головой Сириус Блэк.

— Госпожа Вальбурга...

— Ты уверен, наследник? — стукнула тростью хмурая пожилая ведьма. В зеленых глазах юного мага на мгновение промелькнула неуверенность, пальцы снова вцепились в кожаные завязки браслета, перебирая резные деревянные бусины. Но глядя на напряженного крестного, Поттер очень медленно опустил голову в несмелом кивке. Отросшие черные космы спрятали напряженный хмурый взгляд.

— Матушка?

— Кикимер! — рявкнула Вальбурга. Поймав короткий взгляд нарисованной матери, Сириус с удивлением увидел жалость, но старуха тут же отвернулась: — Сегодняшнюю газету! Быстро! — с громким хлопком появился старый домовый эльф, тот в скрюченных пальцах протягивал Сириусу сложенную газету.

С тревогой Гарри смотрел, как Сириус медленно берет газету. С огромным трудом Поттеру удалось подавить желание в панике сжечь бумагу в руках крестного. Он уже знал, что там было напечатано. Бродяга неуверенно развернул сложенный вдвое «Ежедневный пророк». На первой же странице большие буквы заголовка сразу привлекли внимание.

САМОЗВАНЕЦ!

Сразу после блистательной победы Гарри Поттера, Героя Британии, над Тем-кого-уже-можно-называть, над лордом Волан-де-Мортом, появился лжеПоттер! Этот мошенник является опасным и сильным магом! Но его афера была провалена! Его опознали выжившие родители Героя Британии! Лили и Джеймс Поттеры! К сожалению, захватить самозванца не удалось. По словам Джеймса Поттера, Альбус Дамблдор предвидел ту ужасную катастрофу и заранее сделал портключ в Америку. Но к сожалению произошел сбой и артефакт перенес только Лили и Джеймса, оставив

маленького Гарри! И в день счастливого воссоединения семьи появился самозванец!

Листая страницу за страницей, серые глаза Сириуса изумленно и напряженно просматривали строчку за строчкой. Горькая обида всколыхнулась в сердце Бродяги. Он не мог понять, почему Сохатый, его самый дорогой и любимый друг не рассказал о портключе?! Почему он ни разу не попытался навестить своего сына, Гарри? Почему Лили признала вот этого холеного красивого мальчишку своим сыном, отвернувшись от своего настоящего сына?! И почему же они допустили смерть Люпина, Альбуса, Нимфадоры, Фреда Уизли и даже этого ненавистного Снейпа?! Злость медленно закипала в сердце Блека. Выжигая некогда незыблемую и нежно лелеемую им дружбу. В нахмуренных глазах анимага отражались отблески камина. Гарри плотно сжав побелевшие губы, внимательно и напряженно наблюдал за изменениями на лице своего крестного. Он боялся, что и его крестный отвернется от него. Как это сделали Рон и Джинни. Он боялся, что Сириус засомневается в нем, как это сделала Гермиона!

Лишь Луна Лавгуд, Невилл, Джордж и как бы это не было странно, Драко Малфой, поверили ему и помогли сбежать. Отличив его от того настоящего самозванца! Вспомнив насмешливые ярко-зеленые глаза за изящными очками, и глумливую ухмылочку, кулаки Гарри сжались в злости. И горькая обида снова вспыхнула в искореженном сердце, когда он вспомнил красивую пару. Джеймса и Лили. Его родителей, которых он считал мертвыми!

Наблюдая за замершими и полностью потерянными в своих мыслях, магами, Вальбурга устало вздохнула и стукнула тростью. От неожиданного звука Гарри и Сириус вздрогнув, удивленно взглянули на хмурую нарисованную ведьму. Она с осанкой королевы укоризненно смотрела на упавших духом магов.

— Сириус, ты наконец убедился в правдивости моих слов, на счет дружбы с этим Поттером?

Сириус невольно опустил голову. Отросшие и слегка припорошенные ранней сединой черные волосы, на мгновение скрыли сверкающие глаза Блека. И с огромным трудом он выдавил из себя:

— Да, матушка, вы были правы.

— А ты, наследничек, — хмурый взгляд портрета впилился в несчастного парня, заставив того невольно вжать голову в плечи. Как это случилось на зельеварении, под тяжелым обвиняющим взглядом Снейпа: — Похоже уже и сам усомнился в своем праве называться Поттером. Ты уже Лорд Поттер! И также ты являешься наследником рода Блэк! Неужели ты подумал, что этот дом и этот старый безмозглый Кикимер признали бы в тебе хозяина, если бы в тебе не текла бы наша кровь, кровь Блэков?! Или ты считаешь гоблинов Гринготтса некомпетентными слепыми полудурками?! Если бы в тебе не текла кровь Поттеров, стал бы ты Лордом Поттер?!

Грозный голос ведьмы становился все громче. Обескураженный Гарри затравленно сверкал глазами, цвета зеленого стекла, из-под старых дешевых очков. Старая ведьма неожиданно хитро усмехнулась и обратилась к Сириусу: — Бестолковый мой сын, послушаешь меня в этот раз?

— Матушка! — удивленно подскочил Бродяга: — У вас есть идея?!

— Есть! — воодушевленный уверенностью Вальбурги, Гарри затаил дыхание: — Сначала, Сириус, отправь сову в Гринготтс.

Перо торопливо летало над пергаментом. Довольный задумкой матушки, Сириус расхохотался, и отдал письмо Кикимеру. Тот тряхнул зелеными ушами и исчез. Гарри внимательно посмотрел на зловеще ухмыляющуюся Вальбургу. — А далее, наследник, ты помнишь то заклинание? О переносе родового дома?

— Да... — удивленно протянул Гарри. Вспоминая то зубодробительное и нереально трудное заклинание. Он понял, что именно задумала Вальбурга! Это заклинание могло перенести дом рода в установленную точку. Конечно, существовали серьезные ограничения. Проводить телепортацию должен обязательно либо Лорд Блэк, либо наследник, и конечная точка должна располагаться на магическом источнике, идентичном по силе тому, на котором изначально был построен сам дом.

У Блэков было всего три точки телепортации. Первая в Америке, рядом с крупным драконьим заповедником. Вторая была в России, неподалеку от границы с Китаем. А третья точка находилась в Ирландии. В центре Дублина.

— Тогда начинай готовиться! Сириус поможет! Думаю, сначала в Дублин, там одна из самых сильных мировых школ артефакторики! Да и искать нас там даже не подумают!

— Но если мы закрыли доступ в родовой сейф Поттеров на пять лет, то на что мы сможем там жить? — неуверенно сказал Гарри, сжимая в пальцах свою верную палочку. Перо феникса в резной деревянной скорлупе радостно искрилось, выписывая все новые и новые петли заклинания.

— Глупый наследник! Неужели ты думаешь, что Блэки все поголовно идиоты, как вот этот мой безмозглый сын?! — разозлилась Вальбурга, стуча тростью: — В Ирландии, в России и в Америке, Блэки сделали в национальных банках ячейки с золотом! А теперь, не отвлекайся!

— Ну же! Гарри! Нас ждут новые артефакты! — грусть в голубых глазах мгновенно сменилась предвкушением. Он уже начитался книг об ирландских амулетах и желал воочию увидеть их, разобрать и собрать заново. Узнать план строения и действия! У них было целых пять лет, до того как им придется вернуться, чтобы Гарри снова смог открыть свой родовой сейф.

И на долгие пять лет с площади Гриммо, исчез дом под номером двенадцать. Но совы из разных стран, где появлялся исчезнувший дом, всегда прилетали к тем немногим, кто помнил и ждал настоящего Поттера. А Лили, Джеймс и лжеГарри, у которых так и не получилось получить доступ к сейфу, зло ругая гоблинов ждали, когда истечет этот пятилетний срок.

За эти пять лет произошло очень многое. Магическая Британия постепенно зализывала раны от войны с Волан-де-Мортом. Гарри Поттер женился на Джинни Уизли, а Гермиона вышла замуж за Рона.

Джордж в первый же год после исчезновения настоящего Гарри, отделился от семьи, и к большому удивлению общества магов Британии, переселился в Малфой Мэнор. Который постепенно возвращал себе былой лоск. Так под поддержкой Люциуса Малфоя, чудом избежавшего Азкабана, в Лютном переулке была открыта лавка зелий. На вывеске витыми серебряными буквами было выведено: «S.W.M». Снейп, Уизли, Малфой. Драко, что к удивлению своего отца нашел общий язык с Джорджем, хотел сохранить память о своем крестном в названии стремительно набирающей популярность лавки зелий.

Луна Лавгуд поселилась у Лонгботтомов. Найдя в сварливой бабушке Невилла мудрого наставника. Магические газеты сразу же сосватали Луну и Невилла, но к большому разочарованию Риты Скиттер, уже раздувшей слух об их неземной любви, они так и не поженились. Луна стала знаменитым мастером чар, под патронажем старой леди Лонгботтом. И очень часто она на несколько месяцев исчезала из Британии, возвращаясь очень воодушевленной и с кипами различных записей. И тогда Британию потрясали новые обновленные зелья из лавки «S.W.M», новые книги по чарам, под соавторством Лавгуд и неизвестного, набирающего популярность мага Гарольда Блэка, а также трактаты крайне знаменитого артефактора, под псевдонимом Блэк Гримм.

Ну, а Невилл в свои двадцать лет удивил всех своим изданным трехтомником об использовании в зельеварении редчайших магических трав. Также в соавторстве с Гарольдом Блэком и Джорджем Уизли.

И ровно пять лет спустя, на площади Гриммо появился родовой дом Блэков. В тот день ярко сияло жаркое солнце, пропитывая брусчатку мостовой блаженным и редким для Англии теплом.

Дверь дома раскрылась, с порога сошел статный парень в темной щегольской мантии, подкладка которой была выстлана тщательно выделанной драконьей кожей. Длинные угольные волосы были заправлены за уши и лежали на плечах. В правом ухе сверкал крохотный кристаллик горного хрусталя. Яркие зеленые глаза радостно вспыхнули за тонкими стеклами прямоугольных очков в золотой оправе, увидев встречающих его людей.

Гарольд Блэк, опираясь на трость черного дерева, сказывалась травма ноги, драконье пламя поистине устрашающая вещь, едва ли не безжалостнее Адского Пламени, ступил на мостовую и тут же радостно обнял сияющую Луну. После твердо пожал руки Невиллу, Драко и Джорджу. Поприветствовав Асторию Малфой и Анджелину Уизли.

— Гарри, — пропела Луна, поправляя манжеты небесно лазурной мантии и откидывая за спину белокурые локоны, растрепанные ветром. На правом ушке сверкнула хрустальная звездочка: — А где же Сириус?

— Он в Дублин вернулся. Его пригласила к себе одна довольно привлекательная ведьма.— Усмехнулся Поттер, ловко завязывая волосы Лавгуд темно-синей лентой. Драко понимающе хмыкнул, приобняв свою жену.

— Нам пора в Гринготтс. — протянула задумчивая Лавгуд. Гарольд-Гарри тут же изящно поклонился, опираясь на резную трость, и галантно подал светловолосой ведьме руку. Та не колеблясь, крайне естественным привычным движением вложила ладонку в шероховатую ладонь мага. Драко, не выдержал и расхохотался, глядя в спину красивой и изящной парочке. Астория нахмурилась:

— Драко, они уже женаты?

— К сожалению нет.

— Как же так! — эмоционально воскликнула Анджелина, дергая молчаливого и серьезного рыжего мужа, и тут же крайне понимающе переглянувшись с Асторией. — Нужно срочно написать Ханне! — Невилл невольно пожалел своих друзей. Он прекрасно знал, на что были способны эти дамы. Если уж они смогли без особого труда свести его самого с Ханной Аббот. Так что он не удивится, если Гарри и Луна поженятся в ближайшее время. Лонгботтом вздохнул и обменялся с Джорджем веселыми взглядами. И Невилл невольно вспомнил, как долго Анджелина учила любить жизнь, хмурого, убитого потерей брата, Джорджа.

А в Гринготтсе уже нетерпеливо толпились Джеймс, Лили и лжеГарри. Поттеры уже больше двух часов спорили с невозмутимыми гоблинами. Им не терпелось открыть, наконец, свой сейф! Но работники Гринготтса все продолжали тянуть время. Ожидая кого-то.

Джеймс нервно стучал ботинком. Он жаждал богатой жизни. Он уже достаточно настрадался за эти годы! И все началось с того идиотского пророчества. Ему пришлось искать в Америке двойника для своего сына. Он объездил едва ли не все Штаты! Пока не нашел в семье сквиба и маглы младенца, возрастом, внешностью и магией почти идентичного его сыну. Применив с разрешения Дамблдора империус, Джеймс вывез эту семью в Англию. Где Альбус тщательно заменил этим людям память. А после быстрых сборов, накануне визита Волан-де-Морта, подменив своего ребенка на двойника, Джеймс и Лили сбежали в Америку. И вот, когда они вернули своему сыну все то, что

принадлежало ему по праву, признательность магов и звание Героя Британии, добытое подставным Гарри, они не могут пользоваться своим сейфом!

— Чертовы гоблины! — злобно прошипел холеный молодой человек. Носивший имя Гарри Поттера, но не имевший в своих жилах даже капли крови рода Поттер. Его родители, что умудрились перепутать детей, в результате бросили своего настоящего сына, забрав в Америку подменыша. Гарри ужасно осточертело жить в развалюхе Уизли. Он уже давно присмотрел себе большой особняк. Осталось только выкупить его.

Время шло. Поттеры теряли терпение и уже готовились начать новый спор с пожилым гоблином в алом бархатном пиджаке, как тот хитро сверкнув колючими глазками, изящно поклонился вошедшему молодому магу, опирающемуся на резную трость. Лили Поттер удивленно взглянула на него. Когда глаза цвета зеленого льда внимательно посмотрели на рыжую ведьму, ее сердце болезненно сжалось.

— Давно не виделись Гарольд Блэк. — проскрипел гоблин. Все удивленно переглянулись. Неужто это тот самый Блэк, имя которого находилось на обложках многих известных магических книг, некоторые из которых стали новыми учебниками в Хогвартсе, с рекомендации директора Хогвартса, Минервы МакГонагалл? Блэк уважительно поклонился, Луна Лавгуд рассеяно улыбнувшись, последовала примеру Гарольда.

— Рад вас видеть. — Голос Блэка звучал уверенно, прохладно и уважительно. Гоблин скрипуче рассмеялся и покосился на Джеймса Поттера. Он злобно сверкал темными глазами за стеклами очков. Этот щеголь почему-то сильно раздражал. А гоблин продолжил, хитро усмехнувшись:

— Или называть вас Лорд Поттер?

Джеймс мгновенно вспыхнул и ткнул пальцем в самоуверенного лжеГарри: — Наследником рода Поттеров является мой сын! Гарри Поттер! Как какой-то самозванец может быть Лордом?! — Блэк-Поттер горько усмехнулся и крепко сжал серебряный набалдашник трости, где пряталась верная палочка из остролиста и пера феникса. Луна положила прохладную ладонь на напряженную, сжатую в кулак руку лорда Поттера. Тот устало вздохнул. А старый гоблин, который в прошлом лично помог этому

юноше в получении титула лорда Поттера и наследника рода Блэков, точно знал, кто из этих двух удивительно похожих зеленоглазых и черноволосых магов и есть настоящий Гарри Поттер. Работник Гринготтса весело ухмыльнулся и щелкнул длинными узловатыми пальцами. На лаковом столе красного дерева появился документ, с большой темной печатью банка Гринготтс в конце.

— Все что нужно для восстановления доступа к родовому сейфу Поттеров, это капля крови лорда Поттера.

— Ясно! — Хмыкнул лжеГарри, быстро подойдя к столу с документом и небрежно выхватив с серебряного подноса небольшой нож, легонько кольнул подушечку большого пальца. Маленькая капелька крови робко капнула на печать и впитавшись в пергамент испарилась.

— Увы, — издевательски протянул гоблин в красном: — Вы не являетесь ни лордом, ни наследником лорда. И я даже сомневаюсь, принадлежите ли вы вообще к роду Поттер?

На его слова Малфой и Астория одновременно хохотнули. Они знали, что если бы в этом самозванце была хоть капля крови Поттер, то печать обязательно сменила бы цвет. А Джеймс, оттолкнув сына, схватил нож и несдержанно полоснул им по ладони. Кровь хлынула на магический документ и впиталась в пергамент. Бледно-синяя печать лишь слегка покраснела. Гоблин клыкасто улыбнулся и развел руками:

— К сожалению и вы не являетесь лордом.

— Не может этого быть! Если ни я и не мой сын, не являемся лордом рода Поттер, то кто же тогда этот лорд?! — седой карлик ехидно хмыкнул и выхватил окровавленный нож из рук Джеймса. Щелчком пальцев, очистив острое лезвие, с поклоном протянул его безмолвному Блэку.

— Этот мошенник пытается украсть наш родовой сейф! Этот человек не может быть лордом! Он даже не Поттер! — распалялся разозленный провалом Джеймс. Гарольд внимательно посмотрел на своего биологического отца, грустно усмехнувшись, ловко достал из складок мантии стальной кинжал с серебряными рунами на лезвии. Гоблин одобрительно усмехнулся. А настоящий Гарри Поттер полоснул ножом ладонь над документом. И как только его кровь коснулась пергамента, печать ярко вспыхнула алым. Гоблин щелчком пальцев призвал золотой ключ и передал его настоящему владельцу сейфа.

— Лорд Гарри Поттер, прошу.

— Благодарю вас. Вы пять лет приглядывали за моим сейфом. — уважительно поклонился Блэк-Поттер, принимая ключ:

— Эта наша работа! Тем более Гринготтс получил достойную прибыль с нашей сделки!

— Как он может быть Гарри Поттером! — крикнул лжеГарри, сверкая зелеными глазами. Гоблин пренебрежительно окинул того взглядом:

— Лорд Поттер, позвольте объяснить, — Гарри-Гарольд слегка наклонил голову: — Все дело в том, что ваши, так называемые родители, когда бежали в Америку, умудрились вместо своего настоящего сына, взять в Америку подменыша. То есть вас.

— К-как же так... — прошептала перепуганная Лили, и невольно сделала несколько шагов в сторону хмурого Гарольда. Но увидела лишь удаляющуюся спину своего настоящего сына.

Перед дверьми Гринготтса тот обернулся и грустно усмехнувшись сказал:

— К большому сожалению, Джеймс Поттер, вы не сможете брать золото из моего сейфа. — И больше не оборачиваясь, Гарри вместе с Луной вышел на улицу. И лишь одна Лавгуд заметила плотно сжатые обветренные губы, да глубокие морщины между нахмуренных бровей. Тонкий палец уперся в пространство между черными бровями.

— Гарри, твои мозгошмыги сорвались со своих поводков, успокой их, пожалуйста.

— Спасибо... — тихо прошептал усталый маг, сжимая нежную ладошку в своей сухой руке.

А в Гринготтсе, Астория вместе с Анджелиной, совершенно не обращая внимания на обескураженных Поттеров, надели на гоблина в красном пиджаке:

— Скажите, а вы можете оформить брак вне очереди? — лучезарно улыбнулась Астория:

— Это зависит от цены, которую вы мадам, готовы заплатить.

— Не стоит волноваться! Скорее начинайте подготовку документов!

— Как зовут магов, вступающих в брак? — ведьмы весело переглянулись:

— Гарри Поттер-Блэк и Луна Лавгуд!

СЕРЕБРИСТЫЙ ДРАКОН

Все, что у нее осталось

Гермиона открыла глаза. Увидела бетонные стены и потолок какого-то тёмного подвала. Сама она лежала на старом матрасе и была полностью раздета. Стыдливо прикрывшись руками, девушка осмотрела помещение. Никого и ничего, полностью пустая подвальная небольшая комната с двумя дверьми: железной и деревянной. Гермиона подошла ко второй и открыла. Там оказался закуток с душевой кабиной и туалетом. Правда, это ещё было сильно сказано. От душевой кабинки были только вмонтированный в пол поддон, пара кранов в стене и решётка в потолке, через которую, видимо, и польётся вода. Унитаз же был на уровне пола, а на стене над ним девушка заметила кнопку, предназначенную для слива. Одним словом, кошмарные условия. Гермиона подошла к железной двери и подёргала за ручку. Закрыто. Тогда она постучала. Но в ответ лишь тишина. Девушка постучала ещё сильнее, уже кулаком, но результат был тем же.

– Кто-нибудь! Помогите! – прокричала она и прислушалась.

Но всё напрасно. Было тихо, как в гробу. Несколько напуганная Гермиона вернулась к матрасу и попыталась вспомнить, что было ранее.

Она помнила битву за Хогвартс. Все эти смерти. Когда все решили, что Гарри умер, а Хагрид, рыдая, нёс его на руках. Но потом обнаружилось, что Избранный не умер. Битва вспыхнула снова. Гарри Поттер лично схватился с Тёмным Лордом в смертельном поединке и... проиграл. Везение не могло длиться вечно. После победы лорда Волан-де-Морта среди защитников Хогвартса возникла паника. Кто-то продолжал сражаться с Пожирателями Смерти, кто-то сдался, надеясь на пощаду, а кто-то просто пытался сбежать.

Гермиона была в числе первых. Она готова была сражаться до конца, но в какой-то момент потеряла сознание. Должно быть, её вырубил со спины. И теперь она

здесь, в каком-то подвале, без палочки и одежды, не знаящая, что теперь её ждёт.

Время шло. Сколько она пробыла здесь в одиночестве – этого Гермиона знать не могла. По личным наблюдениям, ей казалось, что прошло часа два-три, но она могла и ошибаться. От продолжительной тишины она стала слышать тихий писк в ушах. Чтобы отвлечься, девушка стала вслух вспоминать заклинания, которые они учили в школе. Но всё равно, привыкнув к тишине, она различила негромкий шум за дверью. Лязгнув засов с той стороны и в комнату вошёл... Драко Малфой!

На нём был обычный деловой костюм, но без мантии и жилетки.

– Ты! – воскликнула Гермиона, уверенная, что её заточение его рук дело. – Какого чёрта ты со мной сделал?!

Драко явно не собирался ей отвечать. Сохраняя молчание, он отбросил пиджак в сторону и продолжил шагать к девушке, на ходу расстегивая ремень на штанах.

– Ты что собираешься делать?! – Гермиона испытала некоторых страх.

Очень неприятные мысли пронеслись у неё в голове. Девушка вскочила на ноги, продолжая прикрываться руками. Малфой же расстегнул ширинку штанов, подтверждая опасения. Стало понятно – он собирался изнасиловать её.

– Не смей. Даже не думай, что я тебе позволю это. – быстро заговорила Гермиона.

Но Малфой был уже рядом. Он схватил Грейнджер и повалил её на матрас. Гермиона закричала и попыталась оттолкнуть или ударить парня, но схватил её за руки. Тогда она с силой и успешно ударила его коленом промеж ног. Драко охнул и выпустил её руки. Девушка нанесла ещё один точный удар кулаком в лицо насильнику и, оттолкнув его в сторону, вскочила на ноги. После чего кинулась к открытой двери, за которой виднелась бетонная лестница наверх.

Оказавшись в другой половине комнаты, Гермиона заметила пиджак и подумала, что стоит его захватить с собой, как, внезапно, её тело парализовало. Девушка больно упала на пол. Мысли судорожно заматались. У Драко не было при себе палочки – в этом она убедилась, когда вырвалась из его захвата. Как же её могло парализовать? Ведь никого рядом не было.

Малфой поднялся на ноги и, не спеша, подошёл к пленнице. Поднял Гермиону, перекинув на плечо. Дотащил до матраса и грубо сбросил. После чего опустился между её ног, раздвинув их.

– Чтоб ты знала, грязнокровка, мой домовый эльф всё время будет следить за тобой и не позволит тебе сбежать никоим образом. Ваша война проиграна. Теперь ты мой трофей, и я буду делать с тобой всё, что захочу.

После этих слов он приспустил штаны и принялся жестоко и бесчувственно насиловать Гермиону. Это было больно, противно и несправедливо. Но девушка могла только едва дышать. Ни говорить, ни сопротивляться насильнику она не могла. Из глаз ручьём текли слёзы, а из онемевшего рта вырывались вскрики и стоны боли, но Малфоя это никак не останавливало. Он продолжал ритмично насиловать девушку, порой болезненно сжимая её упругие груди.

Сколько это длилось, Гермиона сказать не могла. Казалось, этот кошмар длится вечность и никогда не кончится. Но в какой-то момент Драко вынул свой мужской орган из девушки и спустил семя прямо ей на живот. После этого он встал, привёл себя в порядок и, забрав пиджак, подошёл к двери.

– Это только начало, грязнокровка. – сказал он возле двери, слегка обернувшись к ней. – Завтра я ещё навещу тебя.

И вышел. Дверь закрылась, лязгнул засов с той стороны. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая тихими рыданиями пленницы. Вскоре Гермиона почувствовала, что может двигаться. Она тут же сходила в душ и избавилась от следов Малфоя на себе. Но пережитые шок и стресс были настолько сильны, что девушка, упав на матрас, некоторое время тихо рыдала, а потом уснула.

Сколько длился сон – она не знала, но, когда проснулась, то обнаружила рядом с собой несколько яблок, пару кусков белого хлеба и пластиковую бутылку с тёмной жидкостью. Как выяснилось на пробу – чёрным чаем. Гермиона не могла сказать с каким именно видом чая, но явно высокого качества. Девушку не смутило, что всё это стояло на вычищенном участке пола – её было не привередливости. Есть хотелось даже очень. И было не важно, могло ли быть что-то подмешано в еду или напиток. Хуже, чем сейчас, думала девушка, уже быть не может.

Больше всего её беспокоило то, что сама она не сможет сбежать отсюда. Даже с волшебной палочкой она вряд ли смогла бы что-то противопоставить магии домовика. Обдумывая всё, что произошло, Гермиона пришла к выводу, что, наверное, именно Малфой оглушил её во время сражения в Хогвартсе. Что битва могла быть проиграна, раз Драко с такой уверенной жестокостью обращается с ней. Зачем ему это? Тут девушка не сомневалась – он будет издеваться над ней и дальше в своё удовольствие, мстя ей за все обиды, что она и её друзья нанесли ему раньше. А ей остаётся лишь терпеть и ждать, пока её найдут и спасут те, кто ещё будет противостоять Тёмному Лорду.

Гермиона вспомнила, Малфой говорил, что он не позволит ей сбежать. Но это не значит, что она позволит ему вот так взять и снова изнасиловать себя. Она будет сопротивляться до последнего. Но для этого ей нужны силы, потому, решила девушка, надо хорошенько выспаться. Вскоре она уснула.

Следующий день, если это можно так считать, ведь Гермиона не знала, сколько прошло времени, был спокойным. Домовик дважды приносил ей еду и уносил пустые бутылки из под чая. И вот уже, судя по ощущениям, наступал вечер. Девушка сидела в углу на матрасе, обхватив согнутые ноги руками, показывая всем своим видом, что не будет отдаваться кому-либо. Драко понял это с первого взгляда, когда вошёл в комнату. Но его это не останавливало. Привычно скинув пиджак на пол, он направился к Гермионе, на ходу расстегивая ремень. Девушка молчала, лишь с ненавистью и непоколебимо смотря на насильника.

Малфой подошёл к ней и попытался уложить пленницу на матрас, однако, та отчаянно сопротивлялась, боролась, не давая сдвинуть себя с места. К её сожалению силы оказались не равны. Хотя Драко и не выглядел мускулистым качком или около того, его мужской силы всё же хватило, чтобы перебороть Гермиону и уложить её на матрас.

Тогда она принялась отбиваться ногами и руками, пытаясь оттолкнуть его, хоть как-нибудь помешать ему совершить задуманное. Но, наученный болезненным опытом, Малфой не позволил девушке нанести ему серьёзный вред, как это было вчера. Он прижал её руки к

матрасу и расположился между её ног, не давая шанса снова ударить его коленом по причинному месту. Гермiona пыталась, согнув ногу, как-нибудь пнуть парня, но он навалился на неё так близко, что попытка была безуспешна. Тогда она пошла на крайности и потянулась укусить его, но он, перехватив одной рукой её руки, второй схватил девушку за подбородок.

В этот момент Гермiona почувствовала, как ей между ног упирается бугор, выпирающий из его штанов.

– Нет! – заволновалась она. – Нет, не смей!

– Ещё как посмею. – заявил Малфой и приподнялся над девушкой, продолжая удерживать её руки.

Не успела Гермiona опомниться, как он развернул её на живот и навалился своим весом сверху, вжав её в матрас. Выкрутив ей руки за спину до немалой боли в них, он приспустил штаны и втиснул свои ноги промеж её ног. Гермiona задержалась, но этим лишь доставила себе ещё больше боли в руках. Она выругалась, но Малфоя это лишь позабавило. Ещё несколько неприятных секунд и он проник в неё.

Слёзы потекли из глаз девушки. Это были слёзы ярости и боли. И, может быть, беспомощности. Она пыталась хоть как-нибудь сопротивляться, но так, чтобы не тревожить и без того болящие руки. Однако, это было бесполезно. Гермiona, как могла, ругала Малфоя, но того это только забавляло. А потом он и вовсе схватил её за волосы и, намотав их на руку, стал с силой натягивать, заставив девушку закричать от ещё одной боли. Она попыталась встать на колени, но это только изменило позу, в которой, как оказалось, Драко было ещё удобнее насиловать пленницу, а подняться выше он ей не давал.

Спустя некоторое время, судя по ощущениям – много времени спустя, у Гермiony кончились силы бороться, и теперь она лишь бессильно сквозь слёзы обещала Малфою самые жестокие на её взгляд виды расплат с ним. Срывающиеся с её губ стоны боли несколько мешали её речи, но Драко всё равно не вслушивался. Ему было нужно только одно. Вскоре он, стиснув зубы, чтобы не застонать, вышел из девушки и оросил теперь уже её округлые ягодицы. Несколько полюбовавшись видом, он натянул штаны и только теперь отпустил Гермionу. Поднялся и неспешно пошёл к выходу, разминая попутно уставшую кисть руки,

которой он сдерживал руки девушки. Подобрав пиджак, он снова задержался у двери.

– Завтра я так же приду, грязнокровка. Жди.

И он ушёл. У Гермiony не было ни сил, ни желания говорить ему что-то вслед. Немного передохнув, она поднялась с матраса и направилась в душевую. Хорошо, что среди стекающей по телу воды, не разглядеть слезы. Обидней всего было то, что её попытки сопротивляться были не только неуспешными, но и, похоже, повеселили его. Девушка чувствовала себя беспомощной и очень подавленной. Выйдя из душа, она повалилась на матрас и сразу же отключилась.

Следующий день повторился практически также. Малфой пришёл, одолел сопротивление Гермiony, овладел ею и, закончив, также ушёл, довольный собой, оставив девушку бессильно лежать на матрасе. Было лишь одно, что изменилось за этот вечер – у неё возникла идея, как испортить Драко удовольствие от изнасилования.

На четвёртый день заточения Гермiony он вновь вошёл в комнату, предвкушая очередной вечер развлечения. Так, по крайней мере, показалось ей. Вид у Малфоя был очень довольный. Это несколько разозлило Гермionу, но от своего плана она отступать была не намерена.

Девушка лежала на матрасе на животе, смотря на Драко и не подавая никаких эмоций. Парень удивился такой покорности и стал ожидать подвоха. Но ещё больше он удивился, узнав какой подвох таился в этой ситуации. Гермiona не сопротивлялась, но никак не подавала виду, что она чувствует и ощущает. Просто лежала под ним безвольно, без движений и без эмоций. В какой-то момент Малфоем пришло в голову, что даже бревно с дуплом было бы более живым.

– Прекрати это. – потребовал он.

Но Гермiona сделала круглые глаза, словно не понимала о чём речь, и продолжала молча терпеть всё то, что он с ней делал. Ей порадовала мысль, что такое поведение задело Драко.

– Я тебе говорю, хватит изображать из себя бревно. – Драко явно злился.

«Бревно?» - подумала Гермиона и мысленно улыбнулась занятому сравнению. Но тут же подумала, что он мог бы подобрать более изящные слова для того, чтобы описать её поведение. А также подметила, что последняя его фраза была несколько со страхом? Или ей всё-таки показалось? Она решила не задумываться над чувствами Малфоя.

Через некоторое время Драко закончил. Как бы он не старался, ему не удалось добиться от неё ни звуков, ни движений. словно надувную куклу поимел. Это его сильно тревожило. Уходя, он даже не пообещал вернуться следующим вечером. Впрочем, Гермиона была уверена, что он снова придёт. И она не собиралась отходить от своего плана, который принёс некоторые плоды. Снижение затрачиваемых на активную борьбу сил оказалось приятным бонусом ко всему прочему. Девушка уже гораздо легче, чем в прошлые дни, шла в душ. А после она ещё некоторое время сидела на остывающем поддоне душевой кабинки, тихо посмеиваясь над раздосадованным Малфоем. Некоторое время спустя она пошла спать.

Следующий день начинался, как и предыдущий. Завтрак, обед и скучное коротание времени в четырёх стенах. Радовало, что бетонный пол и стены имели какой-то подогрев и почти всегда были слегка тёплыми, а через несколько маленьких отверстий у потолка и через отверстия в железной раме над дверью наружу был поток свежего воздуха. Вечером опять явился Малфой, и опять Гермиона изображала из себя «бревно». И этот раз она настолько хорошо это делала, что не выдержавший, в конце концов, такой подставы Драко перестал насиловать девушку и, неудовлетворённый, вышел прочь, громко хлопнув дверью за собой. Гермиона едва сдержала победный смех.

А на следующий вечер она не удержалась всё же посмеяться в голос, когда поняла, что Малфой к ней не придёт. Он не пришёл и на следующий вечер. Это должно было бы взволновать девушку, но она решила не задумываться над неизвестными вероятностями. Ей хватало и этой маленькой победы. Но всё на этом не закончилось.

Когда Гермиона проснулась на следующий день, она обнаружила себя лежащей в той же комнате, но уже на

простой кровати. Помимо этого были покрывало, подушка и одеяло, но у самой кровати отсутствовали ножки.

«По всей видимости, притащил с чердака». - решила девушка, но это обновление ей понравилось. Впрочем, это не изменит её плана. Он не дожждётся от неё никакой реакции – ни положительно, ни отрицательной. После душа Гермiona обнаружила на кровати еду, оставленную домовиком, пока она была занята водными процедурами. Перекусив, девушка надорвала покрывало в нескольких местах и смастерила из него себе нечто вроде греческой тоги.

В таком виде Малфой и обнаружил Гермionу, войдя в комнату.

– Ну и зачем ты порвала простыню? – спросил он, но в его тоне не было и намёка на гнев.

Наоборот, на его лице была небольшая ухмылка, а взгляд пристально рассматривал всю Гермionу целиком, словно желая сохранить в памяти такой её облик.

– Сам виноват. Не даёшь мне нормальной одежды, пришлось выкручиваться самой. – ответила девушка с лёгким недовольством.

– Оно тебе не надо. – твёрдо заявил Малфой. – Снимай это и садись на кровать.

Гермиона нехотя повиновалась, опасаясь, что в противоположном случае Драко порвёт её самодельную тогу, а продолжать и дальше ходить голой, у неё не было желания. Скинув на край кровати простыню, она забралась под одеяло. Малфой извлёк из кармана флакон с зельем, открыл и протянул его Гермione.

– Пей. – увидев нежелание в её глазах, он добавил. – Это не яд и не любовное зелье. Просто вино, чтобы помочь тебе расслабиться. Пей сейчас же, или я силой волю его в тебя, пока ты будешь парализована.

Осознавая, что вариантов нет, и не испытывая желания снова быть парализованной, Гермiona взяла флакон и... демонстративно вылила содержимое на пол. Красная лужица действительно напоминала вино, да и лёгкий запах был соответствующий. Драко вздохнул.

– Видимо, придётся тебя всё же парализовать. – огорчённо прокомментировал он её поступок, вынимая ещё один флакон.

– Не надо, – попросила девушка, – я выпью.

Гермиона поняла, что у него не один флакон, и что он всё равно заставит её выпить. Она взяла флакон и одним глотком опустошила. Это и правда было вино, но в нём чувствовалась маленькая примесь чего-то постороннего. Похоже Малфой туда что-то подмешал, но теперь уже было поздно.

– Что ж, приступим. – сказал Драко, расстёгивая пояс.

Гермиона легла на кровать, готовясь вновь сдерживать эмоции и изображать из себя «бревно». Но в этот раз что-то пошло не так, как раньше. Вместо того, чтобы накинуться на девушку, Малфой начал неспешно гладить её тело, словно делая массаж. Особенное внимание он уделял ягодицам и зоне между ног. Приятное тепло стало распространяться по всему телу девушки, вводя её в лёгкое замешательство – такого с ней он раньше не добивался.

То, что произошло дальше, и вовсе шокировало и несколько напугало Гермиону. Несмотря на все попытки сдерживаться, её тело то здесь, то там откликалось на ласковые действия Драко.

– Ах. – сорвался лёгкий стон, когда рука парня коснулась сокровенного места между ног.

И лишь через пару секунд Гермиона осознала, что это был её стон. Она попыталась сосредоточиться на удержании себя от реакции на его действия, но этим только сильнее ощутила всё то удовольствие, что он доставлял ей. Но что ещё больше испугало девушку, так это короткая мысль, возникшая, когда Малфой поставил Гермиону на четвереньки и стал проводить своим мужским органом к ней между ног. Мысль о том, что она хочет, чтобы он вошёл скорее в неё!

И, когда он это сделал, девушка не смогла сдержать очередной стон. Ей было хорошо, невероятно хорошо. Но это было с тем, кого Гермиона так сильно ненавидела. И это было плохо. Однако, пока Драко овладевал ею, все мысли девушки скомкались и исчезли. Она и не помнила, как с силой стискивала кровать, так как покрывало сама ранее сняла. Не помнила, как стонала в голос, смешивая проклятия в адрес Малфоя с просьбами не останавливаться. Не помнила и, как дрожала в объятиях парня, когда достигла пика наслаждения.

Лишь позже, когда Гермиону отпустило, а парень уже оделся, осознание произошедшего вызвало непроизвольные

слёзы у девушки. Она ведь ни в коем случае не хотела так отдаваться своему тюремщику. Но что произошло, то произошло. Драко Малфой ушёл, и девушка на нетвёрдых ногах поплелась в душ, надеясь смыть с себя не только ощущения его прикосновений, но и это порочное чувство удовольствия, что она испытала.

Следующие дни повторили этот день. Под вечер приходил Драко и заставлял Гермиону пить вино с подмешанным зельем, а потом вновь овладевал девушкой, каждый раз преодолевая все её попытки сопротивляться ощущениям, которые он ей доставлял. Но Гермиона уже не плакала после этого. Она убедила себя, что всё дело в зелье, и противостоять ему невозможно.

Так прошло ещё пять дней. И вдруг, Драко не пришёл к ней вечером как обычно. Не появился он и на следующий день. Когда ещё прошла неделя без него, Гермиона даже чуточку заволновалась – если он умер, то как ей тогда сбежать отсюда? Ведь никто тогда, наверное, не знает о ней и её месте заключения. Не считая домовика, но тот даже не показывался ей, и говорить с девушкой он явно не собирался.

Но было то, что волновало девушку сильнее прочего. Желание. А скорее это была только страсть или даже похоть. Но каждым вечером, в отсутствие Малфоя, Гермиона испытывала всё нарастающее желание вновь заняться этим с Драко. И с каждым днём это желание только усиливалось, доставляя девушке неудобств. Оно отвлекало, мешало сосредоточиться, а стоило ей лишь один раз расслабиться – и она едва успела заметить, как невзначай стала касаться у себя между ног. Опомившись, девушка отёрнула руку, решив, что если продолжит так поддаваться своей похоти, то проиграет Малфою хотя бы на моральном уровне.

Было несколько забавным то, что Гермиона почувствовала некоторое спокойствие, увидев Драко, когда он вошёл к ней спустя столько времени. Впрочем, она тут же отбросила это чувство, ведь знала, зачем он явился. И, конечно, она не ошиблась – поприветствовав девушку, он сразу сказал ей раздеваться и ложиться в кровать. Пленница подчинилась, ожидая, что он заставит её вновь пить вино, но Драко сразу полез ласкать девушку. И, казалось бы, в

такой ситуации Гермiona должна была бы без проблем терпеть его прикосновения, но... Её глаза широко раскрылись от удивления, когда она осознала, что ласки Драко доставляют ей ещё больше удовольствия, чем раньше с вином!

Гермiona была в некотором шоке от происходящего и от самой себя в особенности. Опомившись и испугавшись, она оттолкнула Малфоя и кинулась к не запертой железной двери. Она совсем забыла о домовике, а он не забыл о своих обязанностях. И вот уже девушка падает на пол, будучи опять парализованной.

– Чтоб тебя. – разозлился Драко. – Опять хочешь сбежать?

Парень внезапно вышел из комнаты. Гермiona не знала, что теперь будет, но почему-то у неё были очень нехорошие предчувствия. Меньше чем через минуту Малфой вернулся со своей палочкой в руках. С помощью магии он перенёс девушку на кровать и привязал шелковыми лентами руки и ноги к углам кровати. Теперь, расположившись в форме звезды, девушка не могла никуда сбежать. Последним взмахом палочки Драко добавил кляп в рот Гермiony и пристроился между её ног.

Он вновь овладел её. Сначала несколько грубо и жестко, но постепенно переходя на большую нежность и неспешность, наслаждаясь всеми изгибами её стройного тела. Закончил Драко как обычно, выплеснув своё семя на живот девушки. Потом он оделся и ушёл, даже не взглянув на пленницу.

Гермione же было плохо. И плохо было не от несколько натирающих полосок ткани, что связывали её руки и ноги. Ей было плохо от всех тех чувств и ощущений, что она испытывала после его ласк. Он удовлетворил свою похоть и ушёл, а вот девушка лежала в постели неудовлетворённая и истекающая от желания, с которым ничего не могла поделать. Из-за этого она даже с мыслями не могла собраться некоторое время, а ещё дольше – не могла уснуть. Когда же её несколько отпустило, Гермiona смогла, наконец-то, уснуть.

Проснувшись она уже развязанной. Пути пропали, но не следы от них. И от Малфоя. Гермiona устало вздохнула и пошла принимать душ. Следующим, а точнее уже этим, вечером вновь явился Драко и, сходу, ничего не говоря,

парализовал девушку заклинанием, раздел её, привязал к кровати и снова овладел ею. Окончилось всё в точности так же, как и вчера. Это повторялось ещё пять дней. В конце концов, Гермiona не выдержала.

– Подожди! – попросила она, когда Малфой пришёл вновь. – Не надо связывать! Я не буду сопротивляться.

Гермиона выставила вперёд раскрытые ладони, словно надеясь его остановить. Драко остановился и задумчиво посмотрел на девушку, словно прикидывая, не замыслила ли она чего.

– Предлагаешь не связывать тебя, а взамен обещаешь не сопротивляться? – уточнил он, подводя таким просьбу девушки под сделку.

Гермиона кивнула.

– Не пойдёт. Одного этого мало. Мне нужно, чтобы ты не только не сопротивлялась, но и не скрывала свои эмоции и чувства. Хватит изображать бревно.

– Хорошо. – согласилась девушка, и, потупив взор, что-то ещё пробормотала.

– Что ты сказала? – спросил Драко.

– Не оставляй меня неудовлетворённой. – чуть громче, но всё равно тихо повторила Гермiona.

– Да что ты бормочешь, говори громче. – потребовал Драко, хотя уже услышал, что она произнесла.

Он просто немного не поверил своим ушам и хотел убедиться, что не ослышался.

– Не оставляй меня неудовлетворённой!! – громко закричала раздосадованная Гермiona.

– Договорились. – улыбнулся Драко и подошёл к девушке. – Позволь, я сниму с тебя «платье».

Он развязал пояс на её самодельной тоге из простыни и откинул в сторону. После подхватил Гермionу на руки и осторожно опустил на кровать, и принялся покрывать поцелуями шею, плечи и грудь девушки, попутно срывая с себя одежду. Гермiona сдержала слово и больше не изображала из себя бревно. Драко же действовал теперь куда нежнее и ласковее, чем раньше. Ощущения, что она испытала в ту ночь, не сравнить ни с какими другими, что были раньше. Она и подумать не могла, что Малфой окажется настолько хорош. Возможно, это лишь результат того, что он ранее изучал её тело, пока она пыталась сопротивляться зелью. Может быть, это было последствием

столь долгой неудовлетворённости и похоти Гермионы. Но не исключено, что всё это вместе взятое и что-то ещё дало такой потрясающий результат.

Когда Гермиона пришла в себя от пережитых ощущений и умопомрачительной разрядки, она обнаружила, что лежит в объятиях Драко. Девушка повернулась к нему спиной, не желая, чтобы он видел её довольное лицо. Да и вообще, у неё не было желания смотреть на него или разговаривать с ним. Гермиона запуталась и не знала, как теперь относиться к Малфою. Он пленил её, заточил здесь, насильничал и пичкал зельем, вызывающим похоть. А теперь он стал таким... таким... Нежным? Необходимым? Приятным? У Гермионы не было слов, чтобы точно описать, каким теперь ей казался Драко Малфой. И он ли таким казался ей или это только то, чем они занимались в кровати? Ведь утром, когда она проснулась, а он ещё раньше уже ушёл, девушка испытала не малый психический диссонанс. С одной стороны, от осознания того, как сильно ей понравилось с ним постели, как ей хорошо с ним. С другой, от понимания того, что он – её враг, тюремщик, к тому же ранее совершивший столько всего ужасного. Из-за этого девушка даже едва не заплакала, но решила стойко пережить любые превратности судьбы.

Ближе к вечеру Драко снова пришёл, но входить не стал.

– Идём, – с улыбкой поманил он её за собой наверх.

Гермиона не знала, что её теперь ждёт, и какие трудности ей придётся пережить, но смело пошла за парнем. Наверху оказалась комната такого же размера, что и подвал. Но здесь было куда лучше обустроено. Светло-серые с зелёными редкими полосами обои на стенах. Небольшой деревянный резной столик и пара таких же стульев. Старое на вид, но мягкое кресло. За одной из дверей виднелась ванная комната. И, кроме самой ванны, там была раковина, душ и, как потом убедилась девушка, комфортный унитаз. В углу комнаты стояла большая кровать. Рядом с ней шкаф с зеркалами в дверцах.

– Надеюсь, ты будешь благоразумна и не станешь пытаться ломать здесь что-нибудь?

– Я подумаю над этим. – ответила Гермиона с задумчивым видом.

Конечно, она не собиралась ломать здесь что-то. Точнее, у неё возникла мысль поначалу, но его слова заставили её отказаться от идеи.

– Я предлагаю теперь тебе жить здесь. Но наружу я тебя всё равно не могу выпустить.

– А у меня есть выбор?

– Ага, – ухмыльнулся Драко, – идти обратно в подвал.

– Я, пожалуй, останусь пока здесь. – заявила Гермиона, падая в кресло.

– В шкафу есть немного одежды для тебя.

Гермиона тут же вскочила и подбежала к шкафу. Открыв дверцы, она увидела несколько лёгких просторных платьев. Драко подошёл к девушке и положил руки на её талию.

– А теперь пошли в постель, и ты мне покажешь, как ты благодарна за всё это.

Разумеется, она не могла отказаться. Ушёл Драко лишь подо утро, пока девушка спала. Так потянулись дни за днями. Утром Гермиона сожалела о произошедшем вчера, и что позволяла себе испытывать такие чувства к Малфой. Днём она успокаивалась и просто коротала время. Вечером боролась со своим желанием и возбуждением в ожидании Драко. А ночью целиком и полностью отдавалась ему в постели, забыв обо всех тревогах и невзгодах.

Почувствовав, что Малфой может сделать для неё больше, Гермиона стала выпрашивать у Драко разные вещи, но, в конце концов, он приносил только книги, чтобы ей было не скучно.

А потом наступил переломный вечер в их отношениях. Сначала Драко не приходил два дня. Явившись же на третий, он просто устало сел на постель. Он выглядел не спавшим и очень печальным. Минуты две он просто сидел и смотрел в пустоту, а потом начал говорить. Он рассказал, что наступление в Америке захлебнулось. Даже сила Тёмного Лорда не могла помочь. В одном из труднейших боёв умер отец Драко, Люциус Малфой.

Гермиона была несколько знакома с этим человеком и ничего хорошего сказать о нём не могла. Однако, это же отец Драко, и девушка видела, как трудно переживает парень такую потерю. Драко продолжал рассказывать дальше. Про

трудные бои с американскими магами, про крайне сложные задания Тёмного Лорда. Рассказал о своих переживаниях и печалях. Об опасениях и надеждах. Он выкладывал ей всё как на духу. Гермиона поняла, что ему просто надо выговориться, и потому аккуратно поддерживала разговор, хоть ей и сложно было поверить в большую часть услышанного.

В какой-то момент разговора Драко, наклонившись, положил голову на колени сидевшей рядом Гермионе. А чуть позже он уснул в таком положении. Боясь его разбудить, чтобы он не соблазнил её к сексу снова, девушка аккуратно опустилась назад на постель и уснула. Когда она проснулась, то обнаружила себя укрытой одеялом. Драко уже ушёл. На следующий вечер он снова рассказывал, а Гермиона слушала и поддерживала беседу. Но избежать секса не удалось. Однако, теперь каждый вечер, когда приходил Драко, девушка втягивала его в беседу, пытаясь оттянуть «время икс». И порой это ей удавалось.

Но Гермиона сама не заметила, как стала привязываться к Малфою. Наверно, именно это называют «стокгольмским синдромом». Они разговаривали о том, что происходит в мире. Девушке было сложно поверить, что практически все, кто противостояли Тёмному Лорду – погибли или встали на его сторону. Вся Англия была под его контролем, но на этом его амбиции не кончались, и он продолжал хитростью или силой захватывать другие страны. Кое-какие из них согласились на союз, а часть выступила едиными силами против. Но противостоять мощи Тёмного Лорда и его бузинной палочки – практически никто не мог.

– Но как он подчинил себе бузинную палочку? – спросила Гермиона.

– Оказалось, что я стал хозяином этой палочки, разоружив Дамблдора. Но она не могла быть полностью моей, пока я не взял её в руки. К счастью, мне повезло уговорить Тёмного Лорда не убивать меня, а только обезоружить. И тогда ему доставило отдельное удовольствие отобрать у меня власть над бузинной палочкой, используя любимое заклинание Поттера – Экспеллиармус.

В какой-то момент их разговоров речь коснулась родителей Гермионы. Она рассказала, что стёрла им память о себе, об их настоящих именах и отправила подальше из страны. И что хотела бы повидать их снова, но не может

доверять Малфою такую важную для неё информацию, как где их найти.

Драко же принялся убеждать Гермиону, что она может довериться. Он принёс ей недостающей одежды, чтобы она могла отправиться с ним. Девушка оделась и, взяв парня за руку, назвала адрес в Австралии.

Они трансгрессировали в магловский аэропорт Лондона. Драко не хотел светиться в местах, где есть маги, а путь до Австралии был слишком далёк для обычной трансгрессии. В стране была паника, многие не понимали, что происходит, но видели беды, что случались с людьми везде и повсюду. Люди пытались бежать из страны, потому все рейсы были забиты доверху, но у Малфоя были какие-то свои связи и ему с Гермионой нашли место в первом классе самолёта. Это было роскошно и комфортабельно, но девушка не обратила на окружение внимания – так сильно её волновала предстоящая встреча с родителями.

Долгий перелёт, ещё более долгий путь на такси к нужному дому. И... сердце Гермионы едва не остановилось, когда перед домом, где должны были проживать её родители была, воткнута табличка «SALE», что значило, что дом продаётся. У соседки, какой-то старушки, они узнали, что пара из этого дома уже давно уехала в Англию. Приехавший на звонок старушки риэлтор сказал, что муж с женой из этого дома давно отбыли по неизвестному для него адресу, не оставив номер телефона для связи. От всех этих известий у Гермионы аж ноги подкосились и она едва не упала, не подхвати её вовремя Драко.

Видя, что девушка совсем пала духом и поникла, парень решил развлечь её. Малфой не придумал ничего умнее, чем сводить Гермиону в магловский парк развлечений. Они покатались на нескольких аттракционов, сходили в комнату ужасов, где больше смеялись над нелепыми манекенами, и перекусили фаст фуда в местной забегаловке. Конечно, обычно Драко в принципе не стал бы есть такую еду, и он бы искал как минимум ресторан, но сейчас времени на это не было, а Гермиона тем не менее действительно повеселела. Но время было уже очень позднее. Пора возвращаться. Обратный путь был мирным и спокойным. Уставшая за день от путешествия и потрясений Гермиона тихо спала, пока они летели самолётом обратно в Лондон.

Серебристый дракон «Все, что у нее осталось»

Уложив полусонную девушку в кровать, Драко вышел из домика, решив не настаивать на сексе сегодня. Ему нужно было подготовить некоторые отчёты для канцелярии Тёмного Лорда, к которой сам могущественный тёмный волшебник практически не имел отношения.

Домик находился на землях Малфоев, и до самого поместья было рукой подать. Придя в отцовский, а теперь уже в свой, кабинет, Драко устало уселся за стол и уже склонился над бумагами, как вдруг... в комнате появился его домовик.

– Хозяин... – начал эльф испуганно и неуверенно.

– Что ещё? – недовольно спросил Малфой.

– Она в ванной набрала воды и вскрыла вены пластиковым ножом.

– Что?! – вскричал Драко и кинулся прочь из кабинета.

Он сразу же трансгрессировал в домик и открыл дверь в ванную, на которой, к счастью, не было щеколды. Гермиона лежала в ванной, а от её рук растекалась кровь. Когда Драко вошёл, она слабо повернула голову и, посмотрев на него заплаканными глазами, испугалась. Стало ясно, он точно сорвёт её попытку покончить с собой.

Парень сходу принялся колдовать. Он парализовал девушку, вытащил её заклинанием из ванной, перенёс на кровать, перекрыв раны на её руках простым лечебным заклятием и замотал целиком в одеяло, добавив сверху путы для надёжности. Парализацию он снял сразу после лечения ран, и понемногу приходит в себя.

– Почему? – негромко произнесла Гермиона.

– Что?

– Почему ты помешал мне? – на глазах снова проступили слёзы.

– Я не дам тебе умереть. – голос Драко слегка дрожал от пережитого стресса. – Почему ты вообще решила на это?

– У меня больше не осталось причин жить. Весь мой прежний мир разрушен, родные пропали, а близкие мне люди и друзья умерли. Мне нет места в этом мире, и мне нет причины жить в нём. Я лишь пленница, кукла для развлечения тебя. – Гермиона попыталась глубоко дышать, чтобы успокоиться, но не смогла и практически закричала. – Почему ты не даёшь мне умереть?!

– Потому что я люблю тебя! – не выдержал Драко, почти прокричав в ответ.

Серебристый дракон «Все, что у нее осталось»

Повисла тишина. Первым опомнился Драко и продолжил:

– Я полюбил тебя ещё с третьего курса. Но уже тогда мы были по разные стороны баррикад. Все эти «чистокровные», «грязнокровные» – это всё чушь, но тогда я не мог пойти против общественного мнения. А потом... было уже поздно. Я пытался забыть свои чувства. Отвлечься. Но не смог. Когда я увидел тебя в том сражении в Хогвартсе... в сражении, которое ваша сторона уже проиграла... я не мог, не хотел потерять тебя навсегда. Я оглушил тебя, спрятал и укрыл здесь.

– И насиловал. – мрачно сказала Гермиона, отошедшая от внезапной новости. – Хороша любовь.

– Пойми, я был вынужден. На совете Пожирателей Смерти некоторые хотели поиздеваться над тобой, прежде чем убить. Особенно Беллатриса Лестрейндж.

При воспоминании об этой сумасшедшей стороннице лорда Волан-де-Морта Гермиона несколько поёжилась. Второй раз попасть ей в руки девушка не хотела.

– Потому я заявил, что схватил тебя и у меня больше всех причин поквитаться с тобой. Тёмный Лорд дал своё согласие на это, но сказал, что будет проверять, как я наказываю. Потому я и выбрал такой жестокий способ, который даже ему после нескольких раз не хотелось больше просматривать в моей памяти.

– А как давно он перестал смотреть?

– После третьего раза.

У Гермионы от удивления чуть челюсть не отпала. Девушка в шоке посмотрела на парня и завопила:

– А какого чёрта ты тогда со мной столько раз делал это?!

– Потому что хочу тебя. Я люблю тебя, желаю тебя и душой, и телом.

– Чушь. Ты не любишь меня. Это только похоть. – мрачным голосом прокомментировала девушка.

– Люблю.

– Докажи! Убеди меня!

Повисла тишина. Гермиона осознала то, что ещё раньше понимал Драко – после того, что он сделал с ней, будет практически невозможно доказать искренность его чувств.

Драко развернулся и ушёл в ванную, где уничтожил заклятием пластиковый нож. Вернувшись, он, не говоря ни слова, снял путы с Гермионы и ушёл. Девушка осталась лежать в постели, пытаясь переварить услышанное. Ей всё ещё было трудно поверить в правдивость его слов. Зачем было изобретать столько сложностей, если есть пути проще? Впрочем, это же Драко, раньше бы Гермиона не назвала бы Малфоя умным, но теперь, после многих дней общения, она могла признать, что он не дурак. И всё же, на её взгляд, он не блистал смекалкой или гениальностью. Это, пожалуй, и объясняло, зачем ему такие трудности.

Но, тем не менее, её мир был уничтожен и мёртв. У неё не было смысла жить. Или всё же был?

Гермиона решила оставить идеи, как покончить с собой. Умирать было так страшно. Когда в ванной она увидела Драко в дверях, на какой-то миг ей даже захотелось, чтобы он её спас. Ей всё же хотелось жить. Может в другой стране? Там, где нет лорда Волан-де-Морта. И где будет...

Девушка встала с кровати и оделась. Она была уверена, что Драко ещё не скоро придёт. Но вскоре дверь открылась, и он вошёл внутрь, что-то пряча за спиной.

– Я не смог придумать, что-то лучше этого. – сказал он и протянул то, что держал за спиной.

Это была палочка. Эту палочку Гермиона узнала бы из тысячи. Десять и три четвертых дюйма в длину из виноградной лозы с сердечной жилой дракона внутри. Это была её первая палочка! Самая бесценная для Гермионы, которую у неё отобрали егеря, когда схватили их с Гарри и Роном. Девушка думала, что никогда уже больше не увидит её.

– Я так же отпускаю тебя. – по Драко было видно, что он не шутит. – Все уже давно считают тебя мёртвой. Ты свободна.

Гермиона радостно улыбнулась... и как заехала Драко пощёчиной, выхватив в тот же момент свою палочку у него из руки. В глубине души она просто опасалась, что без отбирания силой, родная палочка не признает её своей хозяйкой.

– Это за то, что оглушил меня в том сражении.

После этих слов Гермиона ухватила Драко за шею и поцеловала в губы.

– А это за то, что спас меня от Тёмного Лорда и его приспешников. – сказала она с улыбкой.

– И что теперь? Ты уйдёшь? – Драко был настолько ошарашен поведением девушки, что едва нашёл, что сказать.

– Нет. Мне некуда идти. Я останусь с тобой. Ты – всё, что у меня осталось.

Драко обнял свою любимую Гермиону и поцеловал.

Через несколько лет торжество лорда Волан-де-Морта подошло к концу. Его тело стало стремительно умирать. Искусственные тела всё же хуже настоящих. Но от души Тёмного Лорда остался настолько мелкий кусочек, что создать крестраж из него не представлялось возможным. Вскоре величайший тёмный волшебник умер. Бузинная палочка вновь пропала.

Наступление Пожирателей Смерти остановилось, а потом их и вовсе отбросили обратно в Великобританию. Жизнь шла своим чередом, и спустя год Драко Малфой взял в жёны Дафну Гринграсс. Не было пышной свадьбы и прочего. Не хватало ещё, чтобы кто-то догадался, что это не настоящая Дафна. Ведь только Драко знал, что сёстры Гринграсс, как и остальные из этой семьи, погибли в одном из недавних боёв. Потому свадебное действие продлилось меньше часа, и молодожёны ушли к себе. Лишь Нарцисса Малфой, мать Драко, знала правду о невестке, но она слишком любила сына, чтобы мешать его счастью. Убеждения? Убеждения меняются. А чувства остаются.

ПРОСТО ГАРИ

Таинственный Гарри Поттер³

Лето после четвёртого курса для Гарри Поттера было поворотным: возрождение того-чьё-имя-нельзя-называть и некое примирение с семьёй Дурслей, после нескольких продолжительных истерик в связи со смертью Седрика Диггори, что очень сильно ударило по психике ещё совсем маленького мальчика.

Конечно, тётя Петунья так и не стала для мальчика заменой потерянной матери, но теперь и не ненавидела его за одно только существование. И наконец-то в этом доме у гриффиндорца появилась не только своя нормальная комната и стул за обеденным столом, а количество дел уменьшилось, но и появилось желание как-то сблизиться с родственниками. Дадли до сих пор стеснялся своего нескладного "сводного брата", а Вернон Дурсль неизменно не терпел магии в своём доме, но мальчику стало легче найти темы для разговоров, как-то сгладить свои промахи.

Первое пользование сотовым, первый поход в кинотеатр. Казалось, если в магическом мире сейчас творится хаос, то мир магглов становится для Поттера неким спасением, шансом уйти от жестокой реальности.

Хогсмид как обычно не пустовал. Улица, заполненная волшебниками, которые спешили поскорее разобраться со своими делами, обычно приветствовала Гарри своей яркостью, оживлённостью, во многом из-за учеников Магической школы Британии, и, как странно бы это не было, унынием, монотонностью всего волшебного мира.

Да и возвращаться в школу после, казалось, не самого худшего лета, не особо хотелось. Но вот он здесь, после Турнира Трёх волшебников возвращается к занятиям, совершенно другим человеком. Может чуть более опытным

³ «Таинственный Альберт Ноббс» – исторический фильм 2011 года повествующий о суровой жизни женщины, вынужденной скрывать свой пол.

или наоборот растерявшим всю сноровку, вновь переродившимся.

Новые ощущения, эмоции, которые казались парню с каждым днём всё ярче и реальнее по сравнению с тем подобием радости, которое выжимал из себя мальчик на протяжении всех прошлых лет. Кажется, перед ним открылось что-то новое, такое окрыляющее и в то же время, тянущее его на дно, балластом. Больше не было того Гарри Поттера, мальчика-который-выжил, знакомого всем.

Мальчику казалось, что заслуга за его внутреннее изменение принадлежит Дурслям, и пытаюсь как-то отплатить им за возможность переосмыслить себя и то, что видят вместо парня окружающие, гриффиндорец решил привезти на зимние каникулы небольшие напоминая о нём, совершенно не содержащие в себе магии: может, что-нибудь из "Сладкого королевства" или обереги. И вырвавшись из комнаты, избегая предложения Рона и Гермионы пойти с ним, брюнет двинулся в Хогсмид, намереваясь найти что-нибудь особенное для тёти Петунии – не больше, чем предлог, чтобы побыть наедине с собой.

Пройдя несколько магазинов, приманивающие покупателей движущимися фигурами манекенов, Гарри и не понимал, что он ищет. Везде, как ему казалось, всё было пропитано этим "духом" волшебства, совершенно не подходящего Дурслям – заколки казались слишком винтажными, почти ветхими, а книги, которые мальчику удавалось найти, были исключительно о магии, волшебных существах, которые даже при очень невнимательном прочтении, не могли показаться фэнтезийными, или о структуре Министерства.

Время было ещё не позднее и гостиная Гриффиндора наверняка была полна народу с самых разных факультетов и повинуюсь желанию побыть одному, Поттер перехватил свёрток поудобнее и направился к ванной старост, которая должна была пустовать.

Уже остывшая комната, куда любила заглядывать Плакса Миртл, не была в списке любимых мест в Хогвартсе, кажется ни одного ученика, но манила своим спокойствием и умиротворением, которого хотели многие, особенно после вечеров в шумных гостиных факультетов. Сидя на полу,

неосознанно распутывая узел банта на упаковке с юбкой, Гарри витал в своих мыслях то и дело возвращаясь к тому ощущению спокойствия, которое окутало его в женском отделе: было легче дышать, да и, бесполезно скрывать, что одежда, которую Поттер там видел – красивее той, что парень видел раньше.

И сейчас, разглаживая ткань пальцами, гриффиндорец разрывался между желаниями убрать её куда-нибудь подальше или продолжать сидеть на пыльном полу ванной комнаты.

Всё тело пробивала мелкая дрожь, которая отражалась даже на пальцах мальчика-который-выжил, взгляд постепенно мутнел и шрам, который уже как пол года не отзывался, словно свинцом налился, оттягивая голову вниз, заставляя снова и снова смотреть на чёртову юбку, биться в короткой истерике и вдыхать каждый раз, как в последний. Сжав подол как можно сильнее, Гарри не заметил как тонкие бусины спивались в ладони до глубоких красных царапин, покрывая руки парня тёплой, даже обжигающей для его холодной кожи, кровью. И прослонившись щекой к холодному, такому охлаждающему полу, парень зажмурился до бликов в глазах заплакал.

Может из-за того, что так и не способен был понять своё место в мире или из-за того, что по его объективному мнению, был рождён не в том теле.

Раскрыв глаза, Поттер видел лишь таинственный айгенграу, очередной заумный термин, который парень подцепил от Гермiony, и вытер свои щёки рукавами уже грязной ветровки. Подарок для тёти, вывалившись из подарочной упаковки, чёрной субстанцией покрывал пол, собирая на себя комья пыли.

Руки болели, но преодолевая это ощущение, гриффиндорец, не отдавая себе отчёта в действиях, поднялся, опираясь на сажающиеся ладони, и пройдя несколько метров до старого зеркала с трещинами по бокам, и взглянул на себя в зеркало. Такой нескладный, с выпирающими костями, и пустыми глазами. Возможно, именно это видели окружающие, и каким был, или вернее какой, не казался Поттер сам для себя, переубедить всех остальных не получится.

Обняв себя за плечи, Поттер начал шептать себе под нос успокаивающие слова, наподобие "Держи себя в руках",

"Будь сильной". В очередной раз заплакав от бессилия, брюнет сдвинул очки на голову, закрепив тем самым мешающую чёлку, которая всё время лезла в глаза, и резко втянув в себя воздух, подобрал с пола чёрную юбку, надевая её поверх свои потёртых джинс.

Ужасно сидевшая на нём, словно мешок, она спадала, не желая держаться на узких бёдрах парня. Стянув с себя ветровку, Гарри скинул её на под ноги, оставаясь в одной серой футболке, которая тут же остыв, вовсе не грела тело. Придерживая на себе чёрный кусок ткани, Поттер смотрел на складки, которые даже с пылью выглядели прекрасно, на переливающиеся бисеринки на подоле и очки, которые на голове выглядели как ободок, который так любили носить некоторые однокурсницы мальчика-который-выжил. Неуверенно повернувшись вокруг себя, наблюдая за тканью, которая при повороте облегла тощие ноги брюнета, и затем не прошёл и двух шагов, как осел на пол, схватившись за лицо.

Гриффиндорец так и продолжал сидеть на пыльном полу, захлёбываясь от своих слёз, уже не из-за наболевшего, а из-за того, что в первый раз за несколько лет Поттеру понравилось своё отражение.

ЭЛЬЗА ЗОРИНА СМОТРИТЕЛЬ

Чистая Честная Кровь

Соблазн был слишком велик. Слова чёрного змея с дряблым насупленным лицом отпечатались штампом на подкорке и Гарри сильно шурился, глядя на морщинистую дверь кладовки Снейпа. Правда. Такой крепкий намёк игнорировать ученику факультета Гриффиндор было бы непростительно. Рука нерешительно потянулась к полке. Ноги вздрогнули, стремянка дёрнулась вбок и закричала. Много же таких любопытных воров бередали ее подступы.

Маленькая зелёная баночка с неопознанным содержимым оказалась легкой, как пушинка. Неужели такая мелочь может заставить высунуть язык и накрыть глаза пеленой стыда и горечи за свою несоизмеримую честность кого угодно? Пора это проверить. Гарри редко улыбался злонамеренно. Он привык терпеть напасти судьбы, потому что они смело вошли в его рутину, максимум, что он испытывал, это едкую злость за чью-то глупость и несправедливость. Но такой корыстный интерес ничто еще не сумело вдохнуть таким пьянящим градусом, как весть о "зелье правды". Да, когда он был ребенком, его с необычайной нежностью увлекло зеркало грез, философский камень, туалетные недры с миражом-красавцем Томом Реддлом, но сейчас животный возраст заявил о себе. Некоторые страсти пугают. И это было одной из них, он отталкивал ее от себя далеко и совал глубоко, только Распределительная Шляпа могла разглядеть это терзание и самопожертвование. Страх этой внезапной милости к отвратительному и тому, что могло бы заставить его вновь мучиться и запирается в тёмном чулане чужой злой волей заткнул его накрепко. Долгие годы он молчал и огрызался, но, кажется, Снейп показал то, что могло помочь его психике перенести странные чувства. Он уже признал для себя, что в сущности ему никто не нужен из всех милых дам, что сопровождали его в пути, любое сочувствие Гермионы не колыхало его сердца, хозяйственная Джинни смотрит на покровы и статус, ее деструктивная ревность его бы

измучила, честнее Полумны он не знал человека, тактика Джоу примитивна. Остались юноши и мужчины. Память множества мужчин у него на ладони, стоит лишь заглянуть в кабинет уступчивого Дамблдора, а мальчишки... почему-то их большой мир его искренне будоражил, о чем сказать всегда бесконечно трудно. Особенно это был мир исключительных злодеев-слизеринцев, куда его не пускала совесть и отсутствие общечеловеческих предубеждений. Но он хотел понять корень зла. Это юное сияющее бледностью лицо маячило в омуте черных глаз Поттера. Лживое, надменное, такое грустное и страдальческое в своей обиде на неуловимое. Самое интересное лицо на свете. Такой интерес питал Гарри поначалу к ядовитому Снейпу, он хотел найти исток его злобы, но понял, что нет тут никакого яда, он просто уродливый забитый уж, ныне безобидный. Но Малфой нет, Гарри знал, что Драко не погнушался бы грохнуть его за любое косое слово. Конечно, парнишка из Слизерина искал с ним дружбы, которой тот избегал в жуткой тревоге и, кажется, никогда бы не понял. Но понять хотел безумно сильно, сильнее многих и многих тайн любимой школы и своего происхождения. Просто поболтать без обиняков, просто и нежно, кинестетически, как с родным отцом. Казалось невозможным в простой обстановке, но это жгучее желание обволакивало юношу с ног до головы. Придя в комнату, Гарри громко вздохнул и снял очки. За пазухой журчала склянка.

Склянку не искали долго, волшебник на то и волшебник, чтобы воротить фокусы. Подмена не была замечена, в сущности, зелье правды и зеленка развешивались в Шуточном Ларьке близнецов одной ценой. Гарри был достаточно правомерным и со скучным нравом, но мог сложить на пальцах, что грубый хулиганистый Малфой любил шевелить жвалами, ополаскивая зубы коктейлями с хмелем. Найти его в глубоком дворе Хогвартса в тени сырого солнца вечером не составило труда, к удаче, с ним был только один насупленный парнишка, с которым Драко общался редко и не от скуки, а решая какие-то личные интересы, возможно финансовые. Гарри отдаленно слышал об этой системе, как и все, кто не могли выкинуть из головы опасения по поводу влиятельных корней Слизерина.

Сегодня Малфой был неотёсанно роскошен, глубокий черный костюм охватывал поясницу и мягко ложился вдоль

фасции, подчеркивая тонкий, но подтянутый молодостью стан. Расслабленный красочный галстук, изящная рубашка без капли вина. Тонкие прямые ноги касаются икрами шелковых брюк, открывая разбитые лодыжки и лёгкие лодочки, придающие его движениям больше резвости и остроты. Несмотря на свое легендарное состояние, Гарри никогда бы так не оделся, предпочитая простую магловскую тряпнину, не привлекающую много внимания к его неловкой хилой фигуре.

Стоило ему робко пройти в мрак двора, собеседник Дракулы неожиданно тепло заулыбался, белокурый спокойно развернулся и опешил, тут же намекнув на неуместность таких эмоций. Но улыбка ровно так же обнажала искрящиеся розовые десны.

- Гарри, привет, рад тебя видеть. Драко, это будет ваш первый мирный разговор, поверь, кажется наш избранный мальчик решил снизойти до простых чистокровок вроде нас, - оскал вырос и затрясся, очевидно, парень смеялся. Не над Драко, тот сразу это почувствовал, потому и пылинки не дернулось с его напряжённого лица. Смех был дружелюбным и это дружелюбие пробивало своей нежностью любого.

- Ну, долго же ты ждал. Попробуем, годы учений, как и впервые, впереди, да, Поттер!?

Гарри очень нервничал, его руки онемели и текли по бокам. Он впервые так долго смотрел на Драко, стараясь изобразить отсутствие осторожности в глазах. Будто он его видит впервые. В то же время в колодцах аристократа он видел смешанное в каждом уголке зрачка корыстное желание, очень грязное и пошлое. Гарри был испуган и не мог пробормотать ни слова, но всем сердцем чувствовал, что это те глаза, из которых он был готов наблюдать водопад искренности в любом её виде вечность, потому глубоко дышал, приоткрыв рот. Пискнув, он оторвался от распалющегося взора:

- Взаимно, давайте поговорим о моей просьбе.

Малфой всё же не смог схватить порыв за гортань, высунулась дрянь:

- Думаешь о сучках, Гарри? Хочешь крепкого? Проснулся мужчина после того провального бала? Честно говоря, это первая минута, когда я тебя готов зауважать по-человечески, если это не какой-то уродливый спор.

Малфой наконец слегка расслабил брови и усмехнулся.

- Не спор... Хочу научиться наконец чему-то на все времена в этой школе.

Гарри аналогично выдавил улыбку ради сглаживания конфликта, это выглядело не натянуто благодаря тому что он сказал в общих чертах правду. Понять мир злодея. А для любого злодея этот мир - женщины, борьба с их прорастающим властолюбием всяко важнее, чем учить море понятий и заклинаний, утопая в мнимой чести. В глубине души смелому на нонконформизм Поттеру это приелось. Он, в сущности, не думал о последствиях своей шалости, некоторые события открылись ему с невыносимой стороны. Нужна капля спонтанного хулиганства в магическом мире, хаоса.

Ребята, взмахнув руками в невинном жесте и изъяснив палочкой желание пира, сели на сырую траву и горячо заговорили о насущном для Малфоя и не особо для Поттера. Бутылка из азкабанского сталактита подбоченилась на их коленках. Гарри улыбался, он заготовил все рояли и был готов с минуты на минуту выхватить их из кустов и огреть Драко и его товарища, сияя от восторга реваншизма. А смак был в том, что все трухлявые тюремные минералы, из которых делают чекушки в среде слизеринцев легко впитывают всякую влагу, потому закрытые бутылочки разбавляют изначально крепкий бодряжный градус. Ученики располагают все наваренное на подоконнике с ветреной стороны, так как дислокация Хогвартса - Шотландия, бутылки на окнах вымокают и на руки можно брать водку, обратившуюся вином. Хитро любоваться, гадая сколько спирта сохранил в себе хрупкий камень.

Магия коварна. Зная это, Поттер, как легендарный ловец, притворившись глубоко заинтересованным собственноручно разработанными для Слизерина этикетками, ловко залил колбу в минерал, словно в бутылке есть тоненькое отверстие с мизерным напором, которое возникает силой мысли. Малфой сначала громко засмеялся, но в нетерпении отобрал бутылку и поддразнил друзей Поттера, которые скрывали от него всякое удовольствие мира, погрузив его в пучины скуки и недальновидности. Гарри так вжился в роль, что мысленно с ним почти согласился. Любовь к друзьям, правда, отмахнула это чувство более решительно.

- Право, Малфой, если бы я обвинил Кребба и Гойла в глупости и прожорливости, ты бы их тоже оправдывал, пусть ты и общался с ними из корыстных и внешних мотивов.

- Да, но они абсолютно чисты кровью, а их остальной выбор я не вправе осуждать! Будь я хоть сын главминистра магии.

Белобрысый никогда не переставал удивлять всех вокруг своей супремасической чуткостью. Потому Гарри немного приоткрыл рот. Едва он захотел задать вектор в сторону Гермионы, как вспомнил, что все вопросы он оставит на тот скорый момент, когда уста Драко сами захотят об этом говорить. И эти самые уста уже облизывали горлышко бутылки. Конечно, Гарри не хотел, чтобы кто-то еще присутствовал рядом, он был ревностен к предвкушению распущенного вида Драко. Потому следил за каждым телодвижением блондина, но исподтишка.

Гарри пил не впервые, странно, что Уизли, при всей прыткости близнецов, не ассоциировались с чем-то склонным к искусным наслаждениям, но в школе это было так, даже в ранее упомянутом магазинчике трудно было найти что-то хотя бы отдалённо напоминающее пиво или сидр. Но семья у них была наследником традиционных ценностей, потому с лёгкостью пестовала любой мало мальски значительный праздник, будь он даже придуман самими Уизли. Потому Гарри кусал себе язык об глинтвейн, домашний хмель, нечто, пахнущее свёклой и жомом. Простое освежёванное вино было почти безвкусным для него, но процент он почувствовал почти сразу, когда появилось ощущение запотевших очков. Оно прошло, когда Гарри снял линзы и как следует протёр глаза. Малфой слегка сконфузился Гарри Поттера без моргал и так близко, потому свои монологи о грубой блядской психологии женщин, впрочем, не имевшей ничего общего с психологией уважаемых Малфоем старшекурсниц змеиного факультета, едва не оборвал на полуслове, но мастерство риторики не дало ему свалиться за борт концентрации.

- Черт возьми, мне нужно вернуться сегодня после 9, а я так хотел лакать до дна. Я ведь ещё не давал на лапу.

Безымянный опять обнажил скулящие обожжённые пульпы. Гарри проводил его глазами и распрощался со вторым роялем, которые сами были удивлены такой точности и книжности сложившихся обстоятельств.

Малфой замолк и ждал инициативы от неожиданно ворвавшегося в его общество объекта его вечной зависти и неприязни к роду шрамированного. Но и Поттер молчал, выжидая сценарных плясок с бубном.

- Да, Поттер, что бы я не говорил и не делал, я никогда не отрицал, что ты парень хороший и мы бы определённо были прекрасными друзьями и сокурсниками. Не знаю, почему ты не видишь, насколько эти кудрявые чумазые вассалы не похожи на тебя. Они просто убивают твой потенциал, таская за уши и макая мордой в очевидное вранье.

- Что?

Малфой грустно улыбнулся и продолжительно посмотрел в ноги.

- Мой отец работает с Волан-де-Мортом, ты либо об этом знаешь, либо подозреваешь. Я знаю историю этого места и все его бока как пять пальцев своих, знаю Лондонские колдовские закоулки, все их планы, да и с твоими близкими, маглами, приходилось иметь дело, правда опосредованно. Да, я малолетний, я нестерпимый грубиян, ты думаешь, но я слишком много знаю и слишком мало переносил разочарований, чтобы быть другим. Помни об этом, когда захочешь мне насолить за вредность и лишнее слово, я, может, не подозреваю о том, даже если я и неглуп.

Гарри мало понимал из того, о чем говорил такой милый, но совершенно неожиданный Драко, но скоро начал чувствовать необъяснимый стыд и панический пожар в душе.

- Пойдём!

Малфой вдруг вскочил и в своей привычной походке направился за угол. Молчание затянулось, и, когда Гарри уже решил, что они возвращаются в гостевую, он услышал собственные всхлипы, которых не слышал ни от кого и никогда в жизни, никакой звон и мрак, шёпот дементора не ударял так по коленям, как этот звук. Если то было опустошение, то тут нож в груди, который выглядел, как жалость. В темноте переулка, самой гнетущей на свете, с выходом к озеру, он чуть не захлебнулся, такое море шизоидного раскаяния на него вылилось в сторону маленького Малфоя, которого тут же захотелось заткнуть и запереть с мётлами в кладовке. Обожаемый Гарри Поттер никогда не обуздает этот голод по честности Драко Малфоя.

Обуянный паникой, он свернул шею теряющегося в словоблудстве своего рассудка от проклятого зелья правды и потащил молодого парня к углу, где были несколько грубых каменных выступов. Некоторые стали остатками необработанного одной из последних десятков комиссий фундамента. Гарри прицепил перманентным заклинанием Малфоя к этим кольцам из неровных груд камней.

- Почему я сразу не засомневался в тебе, Поттер! Почему!

Гарри зажмурился. Он слышал, как собственное горло с болью выблёвывает эту чернь наружу, хрипит сладкие слова. Белки даже в вечерней тени алели от слез, красивый костюм размяк на вялом теле. Лопнули дендриты в очагах самоконтроля. Гарри подскочил и начал стаскивать с парня из параллели эти дорогие, нажитые деструктивным трудом вещи. Малфой не дёргался, он лишь рвано сопел и страшнейшим образом жаловался, напуганный максимально искренне, это тот животное-правдивый вид, которого Гарри желал? Да, определенно, но Гарри, затравленный изначально, признавать этого не хотел даже в минуту стягивания резинки с хлипких бедер. Привычной корой мозга думал о простой мести, как то разболтать сокровенные сплетни, доложить Гермионе о подлых планах на её счет или, напротив, выставить Малфоя нелепым педиком, воспроизведя его постыдные слова признания в сексуальных действиях на свои фото в газете, в идеале, расшевелить его на секреты отца или администрации школы, которые бы подвели его к ниточке, с которой все началось. Но до последнего он не хотел слышать и сознавать, что все изначально было ложью и фарсом, не хотел это понимать так рано, когда можно ещё по всем законам мира магии просто быть мальчиком, за которого принимают легендарные решения гены и злопыхатели. В сущности, он не должен был слышать правду о себе и лицах вокруг. Не хотел оставаться на ступеньках разрушенного чародейства, визави с Волан-де-Мортом. Малфой его заставил. И ответственности своего признания Гарри не выдержит. Замахнувшись ведущей в Квиддиче ногой, он пнул Малфоя по ребрам. Малфой сразу взвыл, но отцепиться от камней не мог, даже если бы все липучки были с него сняты тысячу раз. Он лежал и ждал смерти с открытыми глазами, в которых читался сильнейший экзистенциальный кризис. Грязь и

зеленоватая глина с узорчатой подошвы ботинок Поттера засыпала ему живот. Гарри наступил ими на соски Драко, встав на весу. Боль истины и общий нервный ужас накалился до предела. Драко слышал стук, это был топот по его скелету. Ощущение разрыва костного вещества и вгрызания его осколков в легочные соты, в горло, спину, заставило его выдохнуть все вредное из своего зёва и выразить лишнее в кровавый кашель, выворачивающую желчный пузырь тошноту. Изыщные тонкие ребра начали высовываться из грудной клетки изломанными осенними ветвями с красными листьями, ссыпаящимися на концах. Топот стал более глухим, хотя сквозь звон хогвартского экспресса уже было сложно различить что-то. А Гарри, тем не менее, молотил грязным сапогом по животу, он чувствовал через прямые углы резины изгибы ободочной кишки и щупал мешочек выпирающего аппендикса. Худоба прелестна. Ничто не мешает. Наконец, Гарри решил взять новый окуляр и посмотреть в лицо своему новому мертвому другу. Больные стеклянные серые глаза с изящными белёсыми ресницами впёрлись зрачками вбок, во мрак, который не давал разглядеть лик живодёра. Брови и дуга были изящны и правильны. Нос римский, отцовский. А губы и кожа бледны, капилляры не доходили до его лица, даже кровь из горла не придавала ему свежести. Гарри, возмущённый скорой смертью своего моментального дементора, наклонился и схватил всеми мышцами челюсти тонкую линию губ, чуть не разорвав ему всю пасть и не выбив почерневшие от запечённого фибрина зубы. Поцелуй не был так сладок, как Гарри себе это представлял, гонясь за Малфоем впервые на метле, глядя на эту озорную улыбку. Кровь сильно солёная, с осколками позвоночника и гортани, истоптанного и выбитого мощной ступнёй. Гарри сплюнул.

- Что ж, время змей, Малfoy.

Перевернув с некоторой долей усилий жертву на грудь, Гарри схватил его залаченные локонны и волновыми движениями руки двинулся к промежности. Зад Драко его не интересовал, он был обычным, до одури похожим на женский, Гарри невинно улыбнулся, подумав, как Драко ревностно упражняет ягодичные мышцы. А вот яйца и пенисы, не в пример, его завораживали, часы анатомии в магловской школе поражали и пугали маленького Гарри. Он не понимал, как могли из таких маленьких чувствительных

отростков в глубине мужского тела, выплеснуться такие грубые, громадные в своей несправедливости люди, как Дурсли. Вопрос примитивности человеческого происхождения, но детерминированности общества его раздражал. Он вдруг захотел поглядеть воочию на ту прелестную, "чистейшую" по словам Драко, часть его наследственного материала. Проведя пальцами по шву на мошонке, он услышал мучительный писк. Нрав лже-гриффиндорца неугомонен. Гарри обхватил яйца и больно надавил на их содержимое. Подчиниться, будучи обречённым, достаточно легко. Череди кнута утихла, дальше следовал последний пряник перед смертью от кровопотери. Глядя уздечку члена, Гарри внимательно смотрел на то, как кровь наливается в него, как теплеет орган. Неожиданно и у Поттера ниже живота вспыхнуло что-то жаркое и брюки начали натирать. Желание секса честно наполнило все его тело, заставляя руки, дразнящие подушечками пальцев мягкие складки головки, дрожать от нетерпения. Драко часто дышал, давясь кровью и боясь шевельнуться, чтобы не загнуться от боли в конечностях и изувеченном туловище. Вид неискушенного и по-честному пьяного мучителя напоминал ему о чем-то родном и близком, о детстве. Он зажмурился и выпустил из себя остаток жизненных сил в ладони Поттеру, который тут же сжал результат эякуляции и размазал по ладони, приблизив к лицу Малфоя.

- Выглядит болезненно, твой род пожирателей смерти, Драко, попробуй-ка.

Искусанные губы опухли и саднили, боль на лице усилилась от резкой гримасы испуга на его лице. Да, своя сперма была на вкус омерзительна. Едва Малфой осознал, насколько он и его отец беспомощны в масштабе вселенной, разгорячённый Поттер звякнул замком брюк, оторвал руку от его зудящего лица и направил содержимое своих трусов в томный рот. Такого горячего и влажного наслаждения Поттер не чувствовал никогда, онемевшие от ударов скулы не позволяли Малфойу сделать ни малейшего укуса. Двигая дрожащими бедрами, Гарри ощупывал головкой нёбо и язык доходяги, чувствуя нежность его плоти и мягкость, податливость губ. Облизывая уретральное отверстие, Малфой втайне надеялся на сладость вкуса. Когда его глотку начало сильнее жечь, действие зелья почти прошло, он взглянул на Гарри и увидел на его лице невообразимое за все

годы учёбы удовлетворение и злобное мстительное счастье. После чего, Драко начал блевать, сопротивляться, наконец, в процессе чего получил сильный удар в лицо и перестал что-либо различать вообще, последние звуки, которые Драко слышал, были хрустом ломающихся конечностей, от крупных костей, до плюсов и фаланг пальцев.

Поттер, весь в грязи и крови, охваченный панической атакой, пробрался к Дамблдору в спящий кабинет. Вдохнул в себя желание умереть, полностью утонув в истине, погрузился в омут памяти и увидел весь сегодняшний кошмар, сделанный отцом Поттера над Снейпом. Махинации были более агрессивны и порывисты, направлены на психологическое насилие, а не на быстрое приятное убийство, отчего Гарри Поттеру стало максимально больно в горле. Он забрался по винтовой лестнице в слепую ночную высь, посмотрев на окно слизеринской спальни, распрощался мысленно с Драко.

Гарри слишком долго тонул в объятиях своих родителей.

Контактная информация авторов

Литовченко Александра «Liska Terry»	alexandra.litovchenko13@yandex.ru
Рубанова Екатерина «BevOlsen»	kristin-88@mail.ru
Желонкина Софья	miss.zhelonkina2014@yandex.ru
Онашко Ира «просто гари»	onashkoirina@mail.ru
Новохатько Марина «Miss Doe»	dinavolin@yandex.ua
Гусева Диана	artemida2206@yandex.ru
Стойка Марина «Эльза Зорина Смотритель»	seez_shel@mail.ru
Лушникова Ирина «Ирина Грозная»	ira.iushnikova.99@mail.ru
Васильева Анастасия «Stasya Vasileva»	zavadskaj@gmail.com
Васкевич Елизавета «Argentum Lacrimam»	koshta0907@yandex.ru
Леонова Дарина «Джейн Винг»	cyber0bug18@gmail.com
Верховая Екатерина «Amber_Kat»	katrin070600@gmail.com
Екатерина Хмельницкая «Кети тян»	katirin1997@mail.ru
Воронин Михаил «Серебристый Дракон»	13dracon@mail.ru

Сборник фанфиков
«Гарри Поттер»

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
www.перваякнига.рф